ПАРЕМИОЛОГИЯ
БЕЗ ГРАНИЦ

Москва
Российский университет дружбы народов
2020

УДК 811.161.1'373.7(035.3)
ББК 81.2-3
П18

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Научное исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-012-00430

Рецензенты:
доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся МГУ им. М.В. Ломоносова *А.В. Величко*;
доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры японского, корейского, индонезийского
и монгольского языков МГИМО (Университета) МИД России *Т.М. Гуревич*

П18 **Паремиология без границ :** монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова, Л. Н. Гишкаева, Е. Е. Иванов, Е. И. Зиновьева, Д. Д. Комова, О. В. Ломакина, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, Н. Ю. Нелюбова, Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова, Н. Н. Семененко, Ф. Г. Фаткуллина, Р. Х. Хайруллина, Ц. Цао ; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – Москва : РУДН, 2020. – 244 с.

ISBN 978-5-209-09955-0

Монография посвящена разностороннему рассмотрению такого сложного и многогранного феномена, как паремии, с точки зрения теоретического осмысления пословицы в современной лингвистике, а также в лингвоаксиологическом и лингвокультурологическом аспектах. В книге затрагиваются вопросы определения и статуса пословицы, метаязыка современной паремиологии, реконструкции паремиологической картины мира, ценностей в паремиологии и аксиолингвистических параметров пословиц, особенностей национального миропонимания в паремиологии и лингвокультурологического анализа паремий различных языков.

Книга адресована специалистам-филологам, аспирантам, магистрантам, а также всем, интересующимся вопросами современной паремиологии.

УДК 811.161.1'373.7(035.3)
ББК 81.2-3

ISBN 978-5-209-09955-0

© Коллектив авторов, 2020
© Российский университет дружбы народов, 2020

ОТ АВТОРОВ

Язык, как известно, аккумулирует многовековой опыт его создателей и, выполняя репрезентативную функцию, фиксирует благодаря своему богатому инструментарию как состояние социума в целом, так и отдельной личности. Наиболее яркими единицами, в которых запечатлен опыт народа, его социально-эстетические, морально-этические, художественные и духовные идеалы, особенности мировоззрения и мировосприятия, являются паремии.

Коллективная монография «Паремиология без границ», представленная на Ваш суд, – результат многолетней работы фразеологов из России, Беларуси и Китая. Идея подобной работы возникла после создания монографии «Паремиология в дискурсе» [Паремиология… 2015], получившей отклик в современной лингвистике.

Надеемся, что представленный труд ответит на вопросы, которые стоят не только перед молодыми, но и уже состоявшимися учёными, и сделает метаязык паремиологии более понятным.

Глава 1

ПОСЛОВИЦА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

«Признание единой, общей природы, сути всех фразеологических средств способствует более последовательному изучению» фразеологических единиц разных уровней [Величко, 2016: 63]. Интерес к паремиологическому фонду языков в целом и пословице как самому употребляемому классу паремий возрос в последние годы, что связано с прагматическим фактором. Вместе с тем до настоящего времени не выработан метаязык паремиологии, поэтому следует обратиться к теоретическим вопросам, связанным с природой паремии, определением пословицы, рассмотреть сопредельные понятия.

1.1. Фразеологизм, пословица, поговорка: соотношение понятий

Проблема определения устойчивых выражений и их различных типов, терминологически квалифицируемых как поговорки, фразеологизмы, идиомы, устойчивые словесные комплексы и т.д., активно разрабатывалась в лингвистике 60–80-х годов – в трудах В.В. Виноградова (1977), В.Л. Архангельского (1964), А.М. Бабкина (1964), Б.А. Ларина (1977), М.М. Копыленко, З.Д. Поповой (1972), А.И. Федорова (1973), С.Г. Гаврина (1974), Л.И. Ройзензона (1977), В.П. Жукова (1978), А.М. Мелерович (1979), В.М. Мокиенко (1980), А.М. Чепасовой (1983), Н.М. Шанского (1985), А.М. Эмировой (1988) и др. При этом характерно, что многие определения фразеологической единицы не содержат каких-либо уточнений, позволяющих исключить из числа рассматриваемых устойчивых единиц пословицы. В качестве примера можно привести трактовку Ю.А. Гвоздаре-

ва, понимавшего под фразеологическими единицами «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи составные языковые знаки, имеющие самостоятельное значение, состоящие из двух или более слов, из которых хотя бы одно имеет фразеологически связанное значение» [Гвоздарев, 2010: 20]. Под определение «раздельнооформленная единица языка, являющаяся устойчивым полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» [Мелерович, 1979: 11], равным образом подходит как фразеологическая единица, так и пословица.

Определения фразеологической единицы (ФЕ) были направлены большей частью на выявление совокупности категориальных признаков, позволяющих провести разграничение ФЕ и слова. К таким признакам причисляются сверхсловность, семантическая слитность при акцентологической и грамматической раздельнооформленности, воспроизводимость – регулярная повторяемость и способность извлекаться из памяти в готовом виде, устойчивость как мера семантической неразложимости компонентов внутри той или иной ФЕ и постоянство ее значения и лексического состава, образность, экспрессивность. Суммируя выявленные отличия паремии от ФЕ, Е.И. Селиверстова отмечает свойственные пословице законченность и дидактичность, иную синтаксическую структуру, иные принципы речевого выбора и условия контекстуального включения и функционирования в тексте, особую прагматическую направленность, эвфоническое оформление, определенные парадигматические и синтагматические отношения между компонентами и т.д. [Селиверстова, 2017: 24-25].

К принципиальному разграничению пословиц и фразеологизмов исследователи пришли далеко не сразу. Одним из первых попытался отграничить пословицы от других устойчивых выражений В.И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа». Единицы, представленные в сборнике, весьма разнородны по значению, образности, синтаксической структуре и функции; сам автор перечисляет вошедшие в него выражения следующим образом: «…пословицы, пословичные изречения, поговорки, присловья, скоро(чисто)говорки, приба-

утки, загадки, поверья, приметы, суеверья и много речений, коим не сумею дать общей клички» [Даль, 1:14]. Признавая, что «нельзя перепечатывать слепо всего того, что, под названием пословиц, было напечатано [в собраниях Снегирева и Княжевича]», В.И. Даль производит отбор единиц, ориентируясь на «достояние общенародное».

Между пословицами и пословичными изречениями нет принципиальной границы. *Пословицей* В.И. Даль называет «коротенькую притчу, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. <…> Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу не отличишь от поговорки». Свое понимание пословицы Даль поясняет на конкретном примере: выражение *Не выноси сору из избы*, «как и всякая иная неискаженная пословица, в которой заключается притча, пряма и права, в прямом и переносном смысле». В переносном: ‘не носи домашних счетов в люди, не сплетничай, не баламуть; семейные дрязги разберутся дома’. <…> В прямом: ‘у крестьян сор никогда не выносится и не выметается на улицу, так как недобрый человек мог бы по разметаемому ветром сору, как по следу, наслать порчу’ [Там же: 8, 15]. *Пословичные изречения*, по мнению учёного, отличает от собственно пословиц «отсутствие притчи, иносказания, обиняка» [Там же: 16]. *Поговорка*, по В.И. Далю, – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: он пьян, а скажет: “*У него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свис<т>нет, он закатил за ворот, он по одной половице не пройдет, он мыслете пишет*” и пр.» [Там же: 16]. Для выражения общего понятия одиночества Даль приводит синонимический ряд устойчивых сравнений: *один,*

как маков цвет; один, как золот перстень; один, как перст; один, как порох в глазу и т.д.

Признавая грань между пословицей, пословичным изречением и поговоркой зыбкой, Даль приводит пример того, как поговорка в результате незначительной трансформации становится в контексте пословицей: «“Он сваливает с больной головы на здоровую”, “Он чужими руками жар загребает” – поговорки, поскольку та и другая указывают на эгоиста, который заботится о себе, не щадя других. Но скажите “Сваливать с больной головы на здоровую не накладно”; “Одного сукна епанча не рознится”; “Чужими руками жар загребать легко” – и все это уже пословицы, заключающие в себе полную притчу» [Там же]. С.И. Ожегов, констатируя разнородность устойчивых словесных комплексов, объединяемых общим именем «фразеология», отделял – в очень общем виде – одни из них, отмеченные определенными структурными особенностями и служащие средствами построения предложений или их элементами, от других, не обладающих указанными признаками, – таких, как *крылатые слова* в классическом смысле, отводя особое место в общей массе устойчивых сочетаний пословицам и поговоркам, «объединяемым как произведения народного творчества с присущими им жанровыми и художественными особенностями» [Ожегов, 1974: 194].

В зарубежной традиции можно отметить попытку разграничения пословичных фраз и пословиц на следующем основании: пословица – это устойчивая фраза, предложение, в котором ни субъект, ни предикат не варьируются (*Когда горит дом, можно погреться на его угольях*). Наоборот, фольклорная метафора, обычно выражаемая формой инфинитива, может варьироваться и в отношении субъекта, и в отношении предиката (смотреть сквозь пальцы; Она/он смотрит … Они привыкли смотреть сквозь пальцы и т.д.) [Dundes, 1981: 11]. По сути, фольклорными метафорами паремиологи называют образные глагольно-пропозициональные фразеологизмы. Различие между пословицами и фольклорными метафорами (пословичными фразами) отметил еще в 1965 году Арчер Тейлор [Taylor, 1965].

А.М. Бабкин отмечал отдельно черты, сближающие пословицы с фразеологизмами, – устойчивость употребления, переносность значения и эмоционально-экспрессивный характер и специфические черты паремий, выводящие их за пределы фразеологического словаря: назидательный характер как результат обобщения жизненных наблюдений, неспособность выступать в нормативном виде в роли члена предложения [Бабкин, 1964: 25-27].

При определении статуса пословиц и правомерности их причисления к фразеологии учеными рассматривались весьма разнообразные критерии: способность выступать в речи в качестве единиц номинации/коммуникации, эквивалентность/неэквивалентность слову, наличие семантического приращения – результата переосмысления выражения, различные степени устойчивости (устойчивость лексического состава, структуры, значения, употребления), моделируемость и т.д. [Селиверстова, 2017: 29-31].

Более четкое и детальное определение паремии появляется несколько позже – в связи с разработкой теоретических вопросов паремиологии и лексикографической практикой. Автор-составитель словаря пословиц В.П. Жуков считал необходимым объяснить различие между отдельными категориями включаемых в словарь единиц. Руководствуясь семантическим и синтаксическим критериями, он отграничивает, с одной стороны, фразеологизмы – единицы с открытой структурой (незамкнутые структуры), в основе которых лежат понятия типа *глаза на лоб лезут* (у кого-либо), *медведь на ухо наступил* (кому-либо) – от пословиц и поговорок, имеющих замкнутую структуру, смысловую и интонационную завершенность, синтаксическую членимость (если пословица употреблена в буквальном смысле), категории предикативности и модальности, т.е. признаки предложения [Жуков, 2000: 9]. Фразеологизмы, помимо прочего, не могут одновременно употребляться в буквальном и переносном смысле; компоненты их полностью или частично лишены семантической самостоятельности.

Вместе с тем пословицы и поговорки, в основе которых лежат суждения, включают довольно разноплановые единицы, черты которых позволяют В.П. Жукову говорить об отдельных их разрядах. Так, пословицами он считает устойчивые народные изречения, имеющие только переносный смысл или буквальный и переносный смысл (*Горбатого могила исправит; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*), а поговорками – краткие изречения, имеющие только буквальный план (*Деньги – дело наживное; Коса – девичья краса*). Между ними находятся переходные единицы – пословично-поговорочные выражения, в которых часть слов использована в прямом смысле, а часть имеет фигуральное значение (*Пьяному море по колено; На сердитых воду возят*) [Там же: 11-12]. В зависимости от степени смысловой мотивированности пословицы и поговорки можно отнести к одному из трех типов, что сказывается на избираемом для каждого типа логическом толковании.

Т.А. Наймушина, решая вопрос о разграничении пословиц и поговорок, приводит различные критерии, использованные в теоретических разработках этой проблемы, и более детально останавливается, в частности, на таких, как образность/необразность и характер обобщения и степень обобщенности.

В отличие от В.П. Жукова, исследователь считает, что «наличие / отсутствие переносного значения не является достаточным аргументом в пользу признания-непризнания обобщенного характера выражения». При определении обобщенности значения пословицы она исходит, прежде всего, из самого характера переносного смысла [Наймушина, 1984: 14-15]. Так, пословицы *Век живи – век учись; И будь без хвоста, да не кажись кургуз* являются по своей сути советами, возникшими на основе обобщения жизненного опыта; адресат обоих советов не обозначен – это любой человек, любой член общества. Обобщение в этих высказываниях вылилось в форму жизненного правила. Оно «реализуется общим характером высказывания, т.е. его неприкрепленностью к одной отдельной ситуации, благодаря которому пословица применима во многих ситуациях» [Наймушина, 1984: 15]. При этом единицы, причисляемые к по-

словицам, имеют разную степень обобщенности. Есть среди них и выражения с самой высокой степенью обобщения – обобщением совета и закономерной связи явлений.

Признание разных по происхождению видов обобщенности пословицы и поговорки восходит к теории С.Г. Гаврина, считавшего, что поговорка, не обладая обобщенностью изначально, обретает ее в употреблении. Это обобщенность употребления, а не пословичная обобщенность смысла. «Поговорка обобщает постольку, поскольку она приложима ко многим случаям; поговорка является средством обобщения по функции, но не по содержанию» [Гаврин, 1958: 32].

Итак, разграничение пословицы и поговорки проходит по линии: выражение формулирует жизненную закономерность или правило или же не выражает жизненной закономерности или правила [Гаврин, 1958: 46]. Поговорка лишена дидактичности, конкретна по содержанию, она – результат простого наблюдения или сравнения (*Нашла коса на камень; Быть бычку на обрывочку*).

С расхождениями в трактовке поговорки, обладающей самым неопределенным статусом в группе паремиологических единиц, связано расширение или сужение пословичного фонда русского языка. Весьма последовательно, используя для этого формальный, структурный критерий, проводит водораздел между двумя категориями единиц Г.Л. Пермяков. Выявляя место паремий в ряду языковых и фольклорных клише, он выстраивает классификацию, составляемую единицами разной величины и степени сложности – словами, фразеологизмами, паремиями в форме незамкнутых предложений, паремиями в форме замкнутых предложений, сверхфразовыми паремиями, воспроизводимыми одним лицом или двумя участниками диалога, баснями и анекдотами, кумулятивными сказками и прочими повествовательными фольклорными формами [Пермяков, 1988: 81]. По мнению Г.Л. Пермякова, фразовые (в отличие от сверхфразовых) паремии включают пословицы – замкнутые, целиком клишированные структуры (*Мал золотник, да дорог*), и поговорки – незамкнутые структуры, изменяемые или дополняемые

в речи (*Стреляем / стреляет / стреляю из пушки по воробьям*). При этом отмечается легкость, с которой тот или иной тип изречений может превращаться в другой – например, пословица в поговорку: *Из пушек по воробьям не стреляют* → *(Некто) стреляет из пушек по воробьям* [Пермяков, 1988: 96].

Другим важным параметром в характеристике пословиц и поговорок является противопоставление по линии «частное – обобщенное», хотя оно и не служит основой для классификации, а лишь дает дополнительную характеристику разграниченным по структурному принципу единицам. Так, некоторые пословицы *Игра не стоит свеч*; *Нашла коса на камень* – приложимы только к конкретным, частным ситуациям, не обладают функцией обобщения и тогда отличаются от поговорок *(кто-либо) из-за деревьев леса не видит* и *сидит между двух стульев* только в синтаксическом плане.

Следовательно, при разграничении пословицы и поговорки структурный критерий является для В.П. Жукова и Г.Л. Пермякова весьма важным; только лишь семантической характеристики недостаточно для классификации рассматриваемых единиц. У В.П. Жукова класс пословиц сужается до единиц, имеющих переносное значение, а класс ФЕ у Г.Л. Пермякова расширяется за счет поговорок.

К проблеме места паремии в системе устойчивых и относительно устойчивых словесных комплексов обращается в своей монографии Л.Б. Савенкова – в разделе «Паремия как языковой феномен». Сопоставление пословиц с поговорками, крылатыми словами, афоризмами и фразеологизмами проводится исследователем на основе двенадцати признаков – обязательных или факультативных, которые включают оценочность, дидактичность, соотносимость с понятием или с суждением (побудительной структурой), анонимность, устойчивость, воспроизводимость, наличие переносного значения по сравнению с деривационной базой и т.д.

С одной стороны, правомерно отказать пословицам в статусе фразеологических единиц, поскольку они опираются – в отличие от ФЕ, адекватных понятию, – на суждение или побудительную структуру.

С другой стороны, существование синтаксических или лексико-синтаксических факторов, поддерживающих номинативность паремий и приглушающих их предикативность (способность выступать в качестве члена предложения, особенно с характеризующим значением, иметь при себе определение, вводиться с помощью слов *это называется*, а также в обрамлении слов, подчёркивающих общеизвестность данных изречений, способность к трансформации в обороты номинативного характера, а также предрасположенность к эллипсису), позволяет относить паремии к числу специфических вторичных языковых знаков [Савенкова 2002: 149-153].

Л.Б. Савенкова разделение пословиц и поговорок проводит по семантическому критерию: если пословица или хотя бы часть ее элементов наделена переносным значением, то поговорка не испытывает семантического сдвига по сравнению с деривационной базой и отличается от нее только уровнем обобщения информации [Савенкова, 2004: 86-87].

Принципиально иное мнение высказывает А.М. Мелерович, дифференцируя в пословицах два основных типа внутренней формы пословиц: внутреннюю форму, базирующуюся на образном представлении, создаваемом отношением исходного значения словесного комплекса к переносному актуальному смысловому содержанию – в случае целостного переноса значения (*В тихом омуте черти водятся*), и внутреннюю форму, непосредственно передаваемую исходной семантикой словесного комплекса в отношении к его актуальному смысловому содержанию – при прямой мотивировке значения (*Мир не без добрых людей*). Смысловое содержание паремий второго типа не сводится к совокупности значений компонентов, оно является надсловным – некоторые его элементы не эксплицированы словами, а присутствуют имплицитно [Мелерович, 1998: 275].

Не сводя различие между идиомами и пословицами к поверхностной структуре «предложение vs. словосочетание», А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выявляют свойства идиом, позволяющие отграничить их от пословиц. Пословицы отличают следующие параметры: 1) наличие кванторного значения

всеобщности в плане их содержания (это часто выражается на поверхностном уровне лексемами типа всякий, каждый, а также обобщенно-личной формой глагола в их составе); 2) наличие в иллокутивной семантике пословиц «рекомендательной силы»; 3) бóльшая дискурсивная зависимость идиом-высказываний по сравнению с пословицами [Баранов, 2008: 69]. Сказанное позволяет авторам дать пословицам следующее определение – это фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью – и предложить операциональный тест, который позволяет диагностировать, является ли данное выражение пословицей или идиомой [Там же].

Несмотря на достаточно длительную традицию, вопросы, связанные с лексикографической разработкой различных типов паремий, разграничением ситуативных и контекстуальных выражений, включением в семантизацию пословицы различных элементов значения – функционально-стилистической информации, ситуативных характеристик и т.д., с разграничением пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений, по-прежнему дискутируются (см., например: [Иванова, 2004], [Савенкова, 2007], [Семененко, 2008, 2013]), и во многих существующих сборниках пословицы и поговорки представлены вместе, что объясняется близостью этих понятий.

Е.И. Селиверстова приводит и другие аргументы в пользу не самого строгого отношения к пословицам. Во-первых, сам факт выделения пословично-поговорочных выражений есть показатель трудности строгого разграничения отдельных разновидностей устойчивых единиц. Это подтверждается и включением ряда поговорок в словари пословиц – и не только в словарь В.И. Даля. Во-вторых, дидактичность, способная служить критерием разграничения поговорок, относительна: единицы, лишенные эксплицитно выраженной дидактичности, могут при определенных условиях служить назиданием. В-третьих, пословицы в контексте часто приобретают вид поговорок и указыва-

ют на определенную модель поведения. Однако наиболее важным представляется для исследователя то, что многие черты и свойства паремиологического пространства, т.е. всей системы пословиц, связанных различными типами отношений и обнаруживающих разной степени общность и отличия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), распространяются не только на классические образные пословицы, но и на иные типы единиц [Селиверстова, 2017: 36].

В ряде современных исследований [Семененко, 2011, Ломакина, 2018 и др.] термин *паремия* используется как родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего, пословиц, поговорок, загадок и примет, а также присловий, прибауток и т.д. Из всего класса паремий наиболее употребительным в различных типах дискурса, а также наиболее изученным является пословица, поэтому рассмотрим этот жанр паремий отдельно.

1.2. Формирование метаязыка современной паремиологии

Временем появления метаязыка паремиологии можно считать конец XVII – первую половину XVIII в. – время, когда в литературные тексты хлынул поток народных пословиц и поговорок, зафиксированных в первых сборниках русских пословиц и поговорок. Это время начала русской паремиографии, и первые сборники русских пословиц и поговорок были весьма несовершенны и неполны, если оценивать их с современных фразеографических позиций, носители русского языка того времени давно отошли в мир иной, а потому все, чем располагает историк фразеологии, – это тексты, из которых можно извлечь широкие контексты употребления устойчивых фраз, в состав которых входят и конструкции, в современной лингвистике относящиеся к метатексту [Николаева, 2003: 227]. Например: «*Дядя мой, будучи порядочный и степенный человек, жил, как говорится в* ***пословице****, ни шатко, ни валко, ни на сторонку*» (А.Т. Болотов), «*Не всем с неба звезды хватать, как говорит*

присловие *наше*» (В.К. Тредиаковский), «*Говорится в* ***пословице****: “к этакому празднику люди пешком ходят”, а мне для чего было не согласиться*» (А.Т. Болотов).

Исследование терминов в текстах XVII–XVIII вв. позволяет проследить начало процесса формирования русской паремиологической терминологии. В произведениях XVII в., а особенно XVIII в., поражает разнообразие слов, используемых для определения того или иного устойчивого выражения: *Общенародное есть присловие: правда очи колет* (Симеон Полоцкий, 1676); *Припомнишь русскую пословицу, что всяк спляшет, да не как скоморох* (К.А. Кондратович, 1769); *Помнишь ли... притчу: по каторой реке плыть, по той и славу творить* («Сказание о куре и лисице», XVII в.); *Пословие: мудрого человека свойство есть отменять мнение* (Феофан Прокопович, 1721) и др.

Всего Е.К. Николаевой и С.И. Николаевым было выделено около 10 подобных слов-терминов, частотность употребления которых весьма различна: *пословица* (мирская пословица), *присловие*, *притча* (мирская притча), *пословие*, *басенка* (прибаснь), *приповесть мирская*, *погудка, присловица, фразес русская, поговорка, пословка* [Николаева, Николаев 1999]. Уже само разнообразие этих слов говорит о том, что в конце XVII – начале XVIII в. возникла потребность в определении так называемых сложных клише, начинается поиск русского термина для обозначения паремий, а возможно, появляется и необходимость в разграничении различных типов устойчивых выражений.

Наиболее ранний русский термин для обозначения пословиц и поговорок – *притча*: «*Отколе есть и* ***притча*** *пошла у греков: кто тягла не дает, добра не знает*» (Ю. Крижанич, 1660-е гг.). В первой половине XVIII в. наиболее частотными словами для обозначения паремий становятся *пословица* и *присловие*. Именно в это время слово *пословица*, видимо, окончательно приобретает характер паремиологического термина. До XVII в. оно обычно использовалось в значениях ‘слово’, ‘речь, высказывание’ (но не клишированное выражение) [Словарь

русского языка XI–XVII вв. Москва, 1991, вып. 17, с. 184-185]. Только с конца XVII в. это слово начинает употребляться в уже привычном для нас, хотя и более широком, значении, обозначая любые типы устойчивых выражений: «*...тщательством монарха нашего испразднися оная древняя* ***пословица*** *сарматская: "не разом Краков будовано"*» (Феофан Прокопович, 1715); «*Воистину токмо старая* ***пословица****: ни богу, ни людям*» (И.И. Голиков, 1724); «*Вилами по воде писать –* ***русская пословица***» (А.Д. Кантемир, 1739). Как видно из приведенных примеров, это слово охватывало и пословицы, и поговорки, и идиомы.

В аналогичном значении употреблялось и слово *присловие*, что отражено и в «Лексиконе» Целлария (1746): «*Proverbium. Пословица, присловие*». Словари фиксируют этот термин с начала XVI в. в значении 'краткое высказывание'. Во второй половине XVII в. оно начинает употребляться параллельно со словом *пословица* для обозначения клишированных выражений (пословиц и поговорок – по современной терминологии): «*Общенародное есть* ***присловие****: правда очи колет*» (Симеон Полоцкий, «Вечеря душевная», 1676, изд. 1683); «*Но не всем с неба звезды хватать, как говорит* ***присловие*** *наше*» (В.К. Тредиаковский, 1748); «*Охота, которая праведно по* ***присловию****, пуще неволи*» (В.К. Тредиаковский, 1748); «*А я чем богат, тем вам буду и рад, по* ***присловью***» (В.К. Тредиаковский, 1748).

Слово *присловие*, вероятно, попало в русский язык из польского (ср. przysłowie), куда, в свою очередь, оно было привнесено переводчиками Библии, использовавшими древнечешские переводы, в XV в. [Kucała, 1974]. В русском же литературном языке XVII–XVIII вв. полонизмы вовсе не редкость. В.Н. Перетц в своей работе «Из истории пословицы» (1898) писал, что польская и южнорусская литература были «связующим звеном между литературой европейской и московской», а литература польских пословиц была одной из главнейших литературных ступеней, «по которым подвигалась и передавалась к нам пословица» [Перетц, 1898: 10-15]. Видимо, таким образом чешское *prislovie* через польское *przysłowie* превратилось в рус-

ское *присловие* (иногда – присловица) в значении паремиологического термина [Николаева 2003: 234].

В современной русской паремиологии *присловие (присловье)* как термин практически не используется (в отличие от польской и чешской, где оно прочно обосновалось), на что обратил внимание Г.Л. Пермяков и предложил использовать этот термин для обозначения изречений, сходных с пословицами и поговорками, но обладающих прямой мотивировкой общего значения. По его мнению, «во-первых, это слово как термин пока ‘свободно’, причем обычно употребляется в том же смысле, что и поговорка; во-вторых, подавляющее большинство клише этого вида представляют собой разные сравнительные обороты – приглагольные или приименные, т.е. состоящие при каком-нибудь слове (ср., например: *Звенит, как пустой кувшин*)». Кстати, гораздо реже встречающийся в метаоператорах термин *приповесть* также имеет польские корни (ср.: *przypowieść*): «*Каков* ***построй****, таков устрой. Приповесть от старинных*» («Притча о дщерях», XVII в.); «*Откуду сия* ***приповесть****: долга тому покута, кто когда бабу окута*» («Фацеции», перевод с польского XVII в.).

В отличие от терминов *пословица* и *присловие*, столь привычная сейчас для нас *поговорка* в значении паремиологического термина появляется позднее – во второй половине XVIII в. и в этом значении употреблялась в то время редко: «На одном солнце онучи сушили, как гласит наша простонародная поговорка» (из материалов И.Н. Болтина, 1788). Само же слово *поговорка* было широко распространено в XVII–XVIII вв., но употреблялось лишь в значениях ‘разговоры; слух, молва’).

Метаоператоры в произведениях XVI–XVIII вв. – богатый источник для исследователей этимологии устойчивых выражений, отражающий восприятие, осмысление и употребление этих выражений носителями языка в период формирования русского литературного языка, что помогает проследить процесс формирования метаязыка современной паремиологии.

1.3. Определение пословицы, её статус

Проблемы определения пословицы и обозначения её статуса остаются неизменно актуальными в современной лингвистике [Бредис, 2019: 35]. Причина заключается в многогранности, многоплановости пословиц как знаков и моделей различных жизненных ситуаций [Пермяков, 1988]. Кроме того, актуальность этой темы обусловлена возможностью самого широкого взгляда на определение паремии – от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста [Мокиенко, 2015: 9].

В современной паремиологии существует немало трудов, посвящённых изучению пословиц, определению их статуса, их разграничению и функционированию, исследованию синтаксических, лексических, стилистических, лингвокультурологических, социокультурных, сопоставительных аспектов и пр. (работы Т.Г. Бочиной, М.А. Бредиса, П. Гржибека, П. Дюрчо, Е.Е. Иванова, М.Ю. Котовой, А. Крикманна, О. Лаухакангас, О.В. Ломакиной, В. Мидера, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбовой, Е.В. Ничипорчик, Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семененко, Г.Д. Сидорковой, З.К. Тарланова, Р.Х. Хайруллиной и др.).

При всей широкой употребительности пословиц в различных функционально-стилистических дифференциациях языка – от разговорной речи до языка художественной литературы – этот языковой знак можно отнести к самым сложным явлениям языка. Каждый из исследователей выделяет в пословице разные аспекты, считая их определяющими, поэтому не существует всеобъемлющего определения, которое могло бы устроить всех. В отношении русских пословиц нам следует согласиться с мнением Л.Б. Савенковой, считающей, что главная трудность определения понятия ***пословица*** «заключена в общеупотребительности и – одновременно – исторической многозначности этого слова в русском языке. Другая – состоит в том, что в настоящее время пословица является объектом изучения в разных науках – фольклористике, поэтике, лингвистике, которые обращают внимание на различные аспекты ее сущности и в соответствии с

этим дают определения с нетождественными наборами признаков» [Савенкова, 2002: 52].

Различные направления исследования пословиц нашли развитие в работах отечественных лингвистов 2-й пол. XX – XXI в. (Н.Ф. Алефиренко, М.Л. Ковшова, В.М. Мокиенко, Л.Б. Савенкова, Н.Н. Семененко и др.), в которых паремии рассматриваются как репрезентанты конкретных концептов. Для их лингвокультурологического анализа «весьма продуктивным является привлечение паремических языковых единиц, в которых не только запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса, но и в афористичной форме содержится сумма активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» [Фархутдинова, 2000: 100-101].

Современными исследователями паремии рассматриваются как часть фразеологии в культурологическом, системно-структурном и когнитивно-прагматическом аспектах. В работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского «пословицы – это фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, 2008: 69]. По определению Л.Б. Савенковой, пословица представляет собой «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова, 2002: 100]. Существует мнение и о принадлежности пословиц к подсистеме афористических единиц языка, противопоставленной фразеологии в узком смысле [Иванов, 2016, Іваноў, 1994, Іваноў, 2017].

При этом «пословица – это минимальный художественный текст и как таковой она, в отличие от такой строевой единицы языка, как слово, воспринимается индивидуально, избирательно. Пословиц “для всех” нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории» [Мокиенко, 2015: 17].

Минимализм пословиц позволяет считать их весьма компактным вместилищем, или упаковкой опыта. Функционально упаковка, помимо того что вмещает в себя продукт, защищает и продлевает срок годности, также привлекает внимание потенциального покупателя, чтобы тот запомнил торговую марку и принял решение о покупке товара. Пословица же облегчает запоминание формулировки, констатирующей определённый опыт, и побуждает к следованию ценностной установки, заключённой в паремии. Выделяя в качестве определяющего аспекта пословицы опыт, пословицу можно определить как «общеупотребительное краткое обобщение человеческого опыта, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом» [Бредис, 2019: 70].

Подход американского учёного Алана Дандиса к определению пословицы учитывает её структурное строение: «Пословица – это традиционное высказываемое утверждение, состоящее, по меньшей мере, из одного дескриптивного элемента, дескриптивного элемента, который состоит из темы и комментария» [Dundes, 2007: 127]. Традиционность, дидактичность и метафоричность паремий отмечаются в определении Нила Норрика: «Пословица – это традиционный, разговорный, дидактический жанр с обобщенным значением, потенциальный свободный речевой оборот с переносным смыслом» [Norrick, 1985: 78]. Одним из наиболее известных и цитируемых является определение пословицы, данное В. Мидером: «Пословица – короткое, общеизвестное изречение народа, содержащее мудрость, истину, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме, и которое передается из поколения в поколение» [Mieder, 2004: 5].

Согласно определению Теодора Левандовского, пословицы – «[...] устойчивые сочетания слов, состоящие из полных, то есть законченных по форме и содержанию предложений, которые представляют определенный опыт, мнения или воззрения и благодаря неизменному и частому употреблению сделались

общим достоянием языкового сообщества [...]»[1]. Словарь Metzler-Lexikon Sprache в определении подчеркивает дидактическую сторону пословицы, представляющей собой устойчивый оборот (неизменную конструкцию) «с дидактической тенденцией, который относится к практической жизни и, как правило, обобщает единичный случай и предстает как “житейская мудрость”»[2].

В Латвии и Литве паремиологи продолжают дело основоположников балтийской сопоставительной паремиологии – латвийской исследовательницы Эльзы Кокаре и литовского паремиолога Казиса Григаса. Большой вклад в изучение латгальских паремий внесла Бернадета Опинцане, автор вышедшего в Резекне в 2000 г. словаря латгальских поговорок и пословиц *Latgaļu parunas un sokomvōrdi*[3]. По определению Э. Кокаре, пословицы – это «распространенные в народе краткие, ёмкие, как правило, понимаемые в переносном смысле высказывания, которые заключают в себе сформированные столетиями опыта обобщенные суждения о жизни человека, о труде, классовых отношениях, этических и бытовых нормах»[4]. В настоящее время в Литве немного исследователей литовских пословиц, но они эффективно работают в области сопоставительной паремиологии (Г. Буфене, Л. Кудиркене, Д. Зайкаускене).

Изучение паремий в диахроническом аспекте, детализированный анализ и межъязыковое сопоставление паремий славянских языков может внести большой вклад в решение одной из «запущенных» в европейской паремиологии проблем – историко-этимологического анализа пословиц на основе строгой

---

[1] *Lewandowski T.* Linguistisches Wörterbuch. 6. Auflage. Heidelberg / Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1994. S. 1095.

[2] *Metzler-Lexikon Sprache.* Hrgb. v. H. Glück. 2. überarbeitete und erweiterte Auflage. Stuttgart, Weimar: Metzler, 2000. S 685.

[3] *Opincāne B.* Latgaļu parunas un sokomvōrdi / sak. B. Opincāne. Rēzekne: Latgolas kult. centra izd., 2000. 86 lpp.

[4] *Kokare E.* Sakāmvārds// Latvijas PSR Mazā enciklopēdija. Rīga: Zinātne, 1970. 3. sējums. 270. lp.

лингвистической методики [Мокиенко, 2015: 17]. Многие слависты-паремиологи и фразеологи затронули эту проблематику, анализируя славянские паремии диахронически. Работы В. Айсмана, Б. Татара, Р. Эккерта, Й. Матешича, А.К. Бириха, И.Г. Добродомова, Х. Вальтера, А. Менац, Ж. Финк, Э. Кржишник, Д. Мршевич-Радович, А.А. Ивченко, И.В. Кузнецовой, Л.И. Степановой, Е.К. Николаевой, Е.В. Ганапольской и других славистов содержат ценные расшифровки той или иной паремиологической загадки. Однако в целом не хватает отточенной методики лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте [Там же].

В лингвистическом смысле пословица рассматривается одновременно как текст и знак (Е.В. Иванова, Г.Л. Пермяков), самое сложное образование, которое может иметь статус языкового знака (В.В. Гвоздев). Согласно Дэвиду Крэму, пословица является лексическим элементом со статусом цитаты в том смысле, что она запоминается и многократно используется в качестве некой единицы с неизменной внутренней и внешней структурой. Пословицы служат для определения и клиширования ряда домашних и межличностных ситуаций и для передачи этих культурных категорий из поколения в поколение [Cram, 1994: 74].

Ряд исследователей отмечает диалогичность пословиц. Согласно Т.Г. Бочиной, пословица – резюме свёрнутого диалога, одновременно и пропозиция (пословица = предложение), и обобщённая информация (пословица = текст) [Бочина, 2015: 27]. Эту точку зрения разделяет Франтишек Чермак: «Пословицы являются определённо диалогическими фразами и, будучи таковыми, они требуют контекста» [Čermák, 2014: 11]. Соответственно, выделяются два типа значения пословицы – базовое (инвариантное) и контекстно-ситуативное [Гвоздев, 1983].

Один из дискуссионных вопросов современной паремиологии – это соотносимость когнитологической информации в общем паремиологическом значении и концептах, заложенных в её ключевых компонентах (так, имена собственные в составе паремий подробно исследованы Т.Н. Кондратьевой, Л.И. Сте-

пановой, Р. Шрамеком, О.В. Ломакиной и др.; соматизмы – Ю.А. Долгополовым, М. Тунси, И. С. Козыревым, А. Спагиньской-Прушак, Д. Балаковой и др.; зоонимы – Е. Гурбишем, Е. Мргачовой и др.; имена живой и неживой природы – А.В. Егоровой и т. д.) [Мокиенко, 2015: 13].

Важный признак пословиц – их *общеупотребительность.* Люди способны их узнавать, даже услышав лишь часть высказывания. В их памяти хранятся популярные пословичные образы, которые выходят на первый план, как только говорящий начинает произносить пословичную формулу. Если русскому человеку сказать: *Лучше синица в руке*…, он сразу вспомнит оставшуюся часть: …*чем журавль в небе*. То же самое (с тем же результатом) можно сказать литовцу: *Geriau žvirblis rankoj* (*Лучше воробей в руке*) …*negu briedis girioj* (*чем лось в пуще*); латышу *Labāk zīle rokā* (*Лучше синица в руке*) … *nekā mednis* kokā (*чем глухарь на дереве*); поляку *Lepszy wróbel w garści* (*Лучше воробей в руке*) …*niż gołąb na dachu* (*чем голубь на крыше*); немцу *Lieber den Spatz in der Hand (Лучше воробей в руке) …als die Taube auf dem Dach (чем голубь на крыше)*; англичанину *A bird in the hand (Птица в руке) …is worth two in the bush (стоит двух в кустах).* И так далее. Пословица популярна во всех перечисленных языках. При этом одно без другого (формула без образа и наоборот) не делает высказывание пословицей [Бредис, 2017: 93].

Лингвокультурологические знания необходимы для интерпретации паремий, содержащих этнолингвомаркёры (термин О.В. Ломакиной). Речь идёт о таких компонентах пословицы, которые отражают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, являясь этноспецифическими [Ломакина, 2010]. Так, паремии становятся источником этнокультурной информации как для изучающих язык, так и для его носителей: часто непонимания вызывают устаревшие компоненты, традиции и обычаи, лежащие в основе паремии.

Изучение дефиниций пословицы, предложенных отечественными и зарубежными исследователями, демонстрирует от-

сутствие её однозначного краткого определения, которое удовлетворило бы всех лингвистов.

1.4. Признаки пословиц

Как и определение пословицы, выделение её признаков вызывает споры лингвистов.

Большим вопросом для исследователей остаётся то «непередаваемое качество» пословиц, которое В. Мидер называет *proverbiality* (*пословичность*), сетуя на отсутствие безошибочного метода её определения [Mieder, 2004]. При этом люди обычно без труда распознают пословицы, особенно если речь идёт о пословицах на родном языке.

Б. Уайтинг, считая в принципе невозможным дать всеобъемлющее определение пословицы, одновременно подчёркивал, что такое определение не так уж и необходимо, поскольку «все мы знаем, что такое пословица» (Цит. по: [Дандис, 1978: 14]). З. Каньо в своё время отмечал интересный парадокс: с одной стороны, члены общества интуитивно имеют понятие о том, что такое пословица, и эти интуитивные понятия служат основой для научных определений пословицы; с другой стороны, именно научные исследования вносят неопределённость в то, что ранее считалось совершенно ясным [Kanyó, 1981: 149].

Мысль об интуитивном понимании носителями языка сущности пословиц подтверждают результаты социологического исследования, проведённого под руководством А.Г. Кротовой. В ходе опроса задавался вопрос: «Закончите предложение: пословица – это…». Для 28% респондентов пословица – это народная мудрость, для 18% – краткое изречение, для 6% – выражение с глубоким смыслом, ещё для 6% – поучительное выражение, для 7% – выражение, связанное с жизненными ситуациями, фактами, обстоятельствами, опытом и пр. Всё это позволяет говорить о том, что «носители языка имеют достаточно точное для обыденного понимания представление о том, что такое пословицы, и в своих ответах определяют структурно-семантические, прагматические, функциональные особенности

данного вида паремий» [Кротова, 2014: 77]. При этом следует отметить, что существуют фразы, которые звучат совершенно как пословицы, но таковыми не являются. Например, предложение «Где звёзды, там скандалы». Это высказывание построено по принципу «Есть X, есть Y», свойственному некоторым паремиям, и как будто бы претендует на некое обобщение, однако это не является свидетельством *пословичности*. В. Мидер подчёркивает, что люди должны подхватить эту фразу и использовать её в течение определённого времени. Лишь после этого высказывание становится настоящей пословицей, а до этого речь идёт лишь о фразе, похожей на пословицу [Mieder, 2004: 4-5].

Финский исследователь Пекка Хакамиес отмечает, что *пословичность* как понятие включает в себя все характеристики предложений или высказываний, которые идентифицируются как пословицы [Hakamies, 2014: 57]. Это понятие тесно связано с определением пословицы, но отличается от него ракурсом: *пословичность* относится к точке зрения пользователей и к тому, как они способны идентифицировать высказывания в качестве пословиц в потоке речи, а определение обычно строится с точки зрения исследователя. Оба этих аспекта тесно взаимосвязаны, поскольку определения включают, как правило, наиболее общие или типичные признаки пословиц как жанра [Там же].

Большую роль в том, что люди способны распознавать и идентифицировать пословицу, играет один из её важных признаков – *общеупотребительность*. С раннего детства из общения со старшими членами семьи ребёнок узнаёт пословицы. На определённом этапе развития у ребёнка формируется понятие о пословицах, которые он слышит и различает в речи родителей. Вопросы распознавания пословиц как особого жанра показаны в работе Ширли Ароры [Arora, 1994]. По мнению исследовательницы, *пословичность* зависит от традиционности, общеупотребительности, повторяемости, некоторых грамматических или синтаксических характеристик, метафор, семантических (параллелизм, парадоксальность, ирония и пр.), лексических

(архаизмы и пр.) и звуковых (ритм, метр, аллитерация) маркёров. И чем больше таких маркеров мы видим в высказывании, тем более вероятности, что оно является пословицей [Arora, 1994: 17].

Колдо Гарай подчёркивает, что когда мы слышим пословицу, мы распознаём её в качестве таковой в зависимости от того, насколько она соответствует нашему представлению о типичной пословице [Garai, 2001: 587]. При этом некоторые признаки, согласно которым человек идентифицирует пословицы, изменяются от одного языка к другому. Поэтому исследователь делает вывод о том, что восприятие пословиц связано с языком, а пословицы усваиваются человеком вместе с овладением языком, что позволяет говорить о «пословичности языка» (*proverbiality of the language*). Отметим, что при изучении иностранного языка наибольшую сложность для освоения и перевода представляют фразеологизмы, в том числе пословицы. К. Гарай определяет *пословичность* как способ, при помощи которого пословицы «ломают» нормы языка: «Когда мы изучаем язык, мы также усваиваем восприятие того, как пословицы “ломают” норму» [Garai, 2001: 587]. С этим трудно не согласиться. Вероятно, процесс обучения распознаванию пословиц тесно связан с процессом освоения языка в раннем детстве.

Финская исследовательница О. Лаухакангас отмечает: «Сила пословиц – в их общеизвестности, в первую очередь это касается структуры. Употребление пословичного клише вызывает чувство “общего языка” у говорящего и его аудитории. В то же время не знакомая ранее пословица подталкивает слушателя или читателя к принятию соответствующего утверждения» [Лаухакангас, 2015: 102]. В случае с общеупотребительными пословицами люди способны их узнавать, даже услышав лишь часть высказывания. «Без этой популярности, – отмечает Р. Тренч, – без этих выборов и согласия многих, ни одно высказывание, даже краткое, даже мудрое, даже приправленное солью, даже достойное во всех отношениях стать пословицей, даже при выполнении всех других условий, не может расцениваться как пословица» [Trench, 2003: 10].

Общеизвестность паремии определяется также, по выражению Е. И. Селиверстовой, стоящей за паремиологической единицей (ПЕ) кратко выраженной её сущности в виде сжатой идеи (конденсата), которая, в свою очередь, «не только известна носителям языка и служит знаком паремийности, как и другие паремийные маркеры, но и охватывает, как правило, несколько ПЕ» [Селиверстова, 2017: 264]. Подобные конденсированные смыслы являются промежуточным звеном между ситуацией, провоцирующей употребление ПЕ, и конкретной пословицей, избираемой для характеристики ситуации.

М.Ю. Котова определяет употребительную пословицу как особую языковую единицу, которую отличают от других языковых единиц её универсальные признаки: «общезнаемость», дидактичность, афористичность, замкнутая синтаксическая структура, обозначение ситуации, а не понятия [Котова, 2010: 103]. По мнению исследовательницы, неупотребительные пословицы являются предметом исторической паремиологии. Однако надо отметить, что в настоящее время грань общеупотребительности пословиц несколько размыта. Теоретически скорость распространения паремий в наше время весьма высока, что происходит благодаря электронным СМИ и интернету. Таким образом, общеизвестность может быть получена в очень короткий срок. Кроме того, забытая пословица, к месту употреблённая в сети, теоретически может приобрести популярность в обществе.

Изучая пословицы в дискуссионных интернет-форумах, О. Лаухакангас отмечает: «Хотя считается, что такие устойчивые выражения, как пословицы, лучше всего передаются человеку в раннем эмоциональном общении, например, от дедушек и бабушек в каждодневных ситуациях…, я предполагаю, что различные интернет-форумы в наше время представляют собой хорошую платформу для распространения этих выражений. То, что воспринимается на слух или, по крайней мере, в результате усвоения, переносится в язык письменной речи – так же верно и обратное. Пословицы, “услышанные” в виртуальном контексте, находятся на новом этапе развития как форма традиции» [Лаухакангас, 2015: 102].

Другой признак пословицы – *традиционность*. В. Мидер вкладывает в это понятие и возраст (время бытования в языке) пословицы, и общеупотребительность [Mieder, 2004: 4]. По мнению Ш. Ароры, возраст является наиболее привлекательным аспектом традиционности [Arora, 1994: 7]. Думается, в понятие традиционности следует добавить также и коллективный авторитет. Важно, что слушатели узнают пословицу как «голос прошлого» [Селиверстова, 2017: 43], сам факт произнесения пословицы как бы открывает дверь и приглашает в комнату уважаемых «старейшин былых времён» [Briggs, 1988: 101]. Человек, использующий пословицу, ссылается на опыт поколений, мудрость многих, проверенную временем. У людей есть ощущение того, что пословица должна быть традиционной и основываться на мудрости, приобретаемой с опытом. Указывая на то, что пословицы вполне могут расцениваться как аргументы, подкреплённые авторитетом, К. Гарай приводит баскскую пословицу *Anbiolako Supitak, Egiak* (*Старые пословицы – правда*) [Garai, 2001: 591]. Русские паремии также подтверждают ценность традиционности и опыта: *Старинная пословица не мимо молвится*, *Старая пословица век не сломится* [Даль, 2: 414].

Истинность, правота пословицы никем не оспаривается: она не может быть лживой, поэтому её смысл признаётся имеющим безоговорочный авторитет [Селиверстова, 2017: 42]. К. Янка использует термин *культурный трюизм*, имея в виду пословицу, которой говорящий стремится подкрепить своё мнение, эксплуатируя авторитет традиционности. Такой человек может сказать слушателям: «Вот, если вы все согласны с этим пунктом в этой пословице как с неоспоримой истиной, которую благословили наши предки и вручили нам, вы также можете подержать мою точку зрения» [Yankah, 1994: 133]. Остаётся открытым вопрос о том, как долго существует пословица, пока не станет ощущаться как традиционная. Так, С. Уиник пренебрегает традиционностью пословицы, считая, что текст становится пословицей сразу после возникновения, с чем категорически не согласен В. Мидер [Mieder, 2004: 5]. Все пословицы когда-то были созданы, и в наше время постоянно рождают-

ся новые паремии. «Борьба за статус пословицы появившегося изречения, начинающаяся с момента его возникновения, служит своего рода испытанием, призванным в конечном итоге либо утвердить этот статус и, следовательно, признать изречение пословицей, либо отвергнуть его» [Селиверстова, 2017: 43].

Из множества неоспоримо истинных изречений лишь немногие распространяются в качестве пословиц, используемых всеми членами общества. Очень редко исследователям удаётся зафиксировать возникновение новых пословиц. Американские учёные Ч. Дойл, В. Мидер и Ф. Шапиро предприняли такую попытку, зафиксировав возникновение ряда паремий, собранных в XX в. [Doyle, 2012]. Среди современных американских пословиц называются: *Been there, done that* (*Были там, делали это*), *The camera doesn't lie* (*Камера не лжёт*), *No guts, no glory* (*Нет силы духа, нет славы*). Чтобы присвоить новым пословицам статус настоящей пословицы, исследователи засвидетельствовали факт, что эти пословицы были зафиксированы несколько раз за определённое время [Mieder, 2004: 5]. Вопрос, какое время необходимо для того, чтобы высказывание приобрело необходимую традиционность, насколько старой она должна быть, остаётся открытым.

Ш. Арора отмечает, что человеку, использующему пословицу, она представляется «старой», если он помнит данное высказывание с раннего детства или слышал его от представителей старших поколений. При этом истинный возраст пословицы не имеет для него значения [Arora, 1994: 8]. В настоящее время гипотетически можно говорить о значительном сокращении периода приобретения пословицей авторитета традиционности, когда благодаря новейшим средствам коммуникации удачно сказанное *бон мо* молниеносно распространяется по планете, переводится на разные языки так, что довольно трудно потом найти автора, то есть соблюдается ещё один из признаков пословичности – *анонимность*. Кроме того, теоретически возможно использование кем-то в интернете старинной забытой пословицы из давно опубликованного сборника, которая быстро вновь приобретает популярность в обществе. По мнению

О. Лаухакангас, даже старые высказывания вновь входят в обращение, если их произносит какая-нибудь знаменитость [Лаухакангас, 2015: 114]. Правда, эти вопросы нуждаются в дальнейших исследованиях, которые необходимо проводить на материале самых разных языков. Согласимся с О. Лаухакангас в том, что ещё предстоит изучить, насколько анонимность в сети может влиять на стремление людей подкреплять свою точку зрения пословицами. По мнению финской исследовательницы, «анонимность, возможно, даже может усилить необходимость в повышении собственного авторитета посредством авторитета общеизвестных пословиц» [Лаухакангас, 2015: 115].

Современная жизнь немыслима без интернета, который обеспечивает человечеству доступ к гигантским массивам информации, в том числе касающейся паремиологического фонда языка. Пословицы во всемирной сети получают новую форму бытования. Редактор «Оксфордского словаря пословиц» Дженнифер Спик подчёркивает, что «ресурсы интернета играют все возрастающую роль, не в последнюю очередь предоставляя свидетельства продолжающегося бытования значительного количества старых пословиц, для которых в предыдущих изданиях не было примеров, датируемых временем позднее девятнадцатого столетия» [The Oxford, 2008: V]. Это же подтверждают исследования О. Лаухакангас относительно использования пословиц на современных интернет-форумах. Выяснилось, что пользователи в комментариях на форуме предпочитают использовать традиционные пословицы. По мнению О. Лаухакангас, пословицы сейчас переживают новую фазу развития в качестве фольклорного жанра: «Если вы далеки от многочисленных потребностей в письменных текстах в интернете, от различных контактов и даже целых сообществ в сети, вам легко может прийти в голову ложная мысль о том, что в интерактивных ситуациях в интернете живут только пародии на пословицы, насмешливые лозунги и шутки. На самом деле в рассмотренном материале на удивление мало перефразированных традиционных устойчивых выражений» [Лаухакангас, 2015: 115].

Ещё одним признаком пословиц является их *обобщающий характер*. А.Н. Кожин называет пословицы суждениями большой обобщающей силы [Кожин, 1985: 84]. В них, по словам В.В. Колесова, конкретное событие предстаёт как обобщение ряда типичных случаев, становится формулой, годной при оценке подобных событий в будущем понятно [Колесов, 1989: 9]. По мнению В.В. Колесова, смысл всякой пословицы – обобщение опыта прошлого, который дан как завет на будущее: «Пословица задним умом живёт». «Оттого-то в особой цене наиболее старые, веками осмысленные изречения» [Колесов, 1989: 11].

С обобщающим характером пословиц связана их *поучительность*. У. Баском среди функций фольклорных произведений, в том числе паремий, называет педагогическую функцию, позволяющую использовать пословицы в качестве образовательного инструмента (См.: [Bascom, 1965]). Т. М. Николаева отмечает: «Дидактичность паремий, их роль в воспитании индивида через опыт социума очевидна и неоспорима» [Николаева, 1995: 311]. Пословицы учат людей жизни. Ф.И. Буслаев считал пословицы нравственными изречениями, которые раздаются «на пользу всем и каждому, а не для праздной потехи» [Буслаев, 1861: 110]. Говоря о «дидактических пословицах», обладающих назидательным смыслом, дающих указания и рекомендации, инструкции к действию в определенных ситуациях, Т.Г. Никитина показывает, что здесь «возможно не только резюмирующее, но и “превентивное” употребление с целью предостеречь собеседника, удержать его от нежелательного поступка, действия. А толкование, начинающееся словами “не следует”, “не рекомендуется”, может быть дополнено каузальным компонентом, например, для выражения *цыплят по осени считают*: ‘не следует судить о результатах, пока они еще не достигнуты [т.к. их можно переоценить (недооценить)]’» [Никитина, 2008: 10]. Я. Мукаржовский особенно выделяет эстетическую функцию пословицы в сравнении с дидактической: «Пословица как принадлежность чисто практического использования – иллюзия». По его мнению, пословица обладает чер-

тами поэтического способа высказывания, среди которых необычность стиля, образность, аллитерации (Цит. по: [Селиверстова, 2017: 42]).

Ещё одним признаком пословицы служит её *краткость*, афористичность. Однако довольно сложно определить, сколько слов должно быть в пословице, чтобы считать её краткой. Р. Тренч считает этот признак относительным, главное, по его мнению, пословица должна быть сжатой и ёмкой, то есть она должна быть сведена к возможному минимуму слов, как конденсированная (condensed) квинтэссенция мудрости [Trench, 2003: 9]. По мнению В.М. Глухих, лаконизм свойствен народной речи, и смысловая ёмкость является одной из особенностей пословицы: «Одно из ярких проявлений лаконичности пословицы – её немногословие, явление естественное и осознанное. Народная мудрость гласит: “Где слова редки, там они имеют вес”» [Глухих, 1992: 77].

Ряд исследователей подчёркивает такой признак, как *диалогичность* пословиц [Čermák, 2014], [Dundes, 1989], [Mieder, 2004], [Mukařovský, 1971], [Бочина, 2015], [Селиверстова, 2017]. Согласно Т.Г. Бочиной, «пословица, за которой стоит многовековая история масс с большим стандартизированным опытом, и по своему возникновению, и по использованию представляет собой диалогический процесс» [Бочина, 2015: 27]. А.А. Потебня также подчёркивал диалогичность пословиц, появившихся из басни. Он проследил процесс возникновения пословиц из басни: «Из инверсии в басне рождается другая форма, по мере того как усиливается перевес конечного изречения, поставленного спереди, над остальным рассказом, по мере того как этот рассказ отходит вдаль; а это бывает тогда, когда он не нужен, когда мы его легко можем воспроизвести. Такая форма превращается в более короткое изречение. Это более короткое изречение и есть одна из форм пословицы» [Потебня, 1990: 95]. О пословице *Если хочешь в рай, передайся к нам* учёный говорит: «Не подлежит сомнению, что это заключительная фраза какого-нибудь диалога» [Там же: 96]. По мнению Я. Мукаржовского, пословица выступает как своеобразная цитата и позволяет дос-

тичь не только интенсивной «диалогизации» разговора, но некой театральности (Цит. по: [Селиверстова, 2017: 42]). В.В. Колесов отмечает важнейшую особенность пословицы: каждый их нас воспринимает её как свою собственную речь – и вполне мог бы сам создать её [Колесов, 1989: 17].

Одним из важных признаков пословиц является *образность*. Пословицы как вид фольклорного художественного творчества характеризуются различными выразительными средствами, среди которых олицетворение, метафора и другие тропы. Носители языка относят образность к основным признакам, в соответствии с которыми можно идентифицировать то самое «неуловимое» ощущение «пословичности». Например, в ходе пословичного эксперимента, проведённого А. Литовкиной среди американских и венгерских студентов, выяснилось, что для них *пословичность* заключается, прежде всего, в их метафоричности. Относительно других признаков мнения венгерских и американских участников разошлись. Так, в отличие от американцев, венграм рифмованные и краткие высказывания кажутся более похожими на пословицы [Litovkina, 1997: 217]. Пословицы не всегда метафоричны, но, по замечанию А. Дандиса, «подавляющее большинство настоящих пословиц очевидно метафоричны в такой степени, что они на законных основаниях могут быть применены к целой серии контекстов и ситуаций» [Dundes, 1989: 95].

Рассмотрев признаки пословиц, мы можем отметить, что знаменитое «непередаваемое качество» пословиц, их принадлежность к жанру пословиц, *пословичность* (*proverbiality*) ощущаются людьми благодаря целому ряду регулярных признаков (по выражению В. Мидера, *маркёров*), среди которых выделяются *общеупотребительность*, *традиционность*, *авторитет*, *анонимность*, *обобщение*, *дидактичность*, *диалогичность* и *образность* языка. Существует ещё ряд признаков, связанных с выразительностью пословичного текста. К ним относятся интонация, ритмическая организация, рифма и др. Пекка Хакамиес считает присущую финским паремиям аллитерацию и порядок слов, зависящий от того, что требуется сказать, важ-

ными признаками, позволяющими финнам распознать в речи пословицу [Hakamies, 2014: 68]. Точно так же ритмическая организация пословиц и рифмы помогают носителям русского языка идентифицировать пословицы. Например, *Есть грош, так будет и рожь*, *Есть в мошне, так будет и в квашне* [Даль, 1: 67].

1.5. Паремиологическая картина мира и способы её реконструкции

Языковая картина мира (ЯКМ) представляет собой сложное образование, некую мозаику, составленную посредством единиц различных языковых уровней. Признание ЯКМ абстракцией (Е.И. Зиновьева), особой когнитивной структурой (Е.В. Иванова), средством объективации сведений о мире и системе ценностей позволяет говорить об основных аспектах изучения ЯКМ. Р.Х. Хайруллина выделяет три аспекта: логический, философский и аксиологический: логический анализ позволяет не только «инвентаризировать» концептуарий, но и охарактеризовать важность определённого концепта; философский подход помогает сформулировать концепцию, отражающую «способ видения мира человеком» путём представления вербализированной символики бытия; через оценку мира предметов и явлений происходит реконструкция семантических моделей, воспроизводимая «в результате концептуального анализа языковых значений слов… фразеологических оборотов» [Хайруллина, 1996: 13-23]. Если первые два аспекта опираются на существующие и широко апробированные научные парадигмы, то познание языка через систему оценок получило в последние годы развитие в ряде работ, выполненных в рамках лингвоаксиологии как нового междисциплинарного направления (см., например: [Бредис, 2014; Ломакина, 2013; Нелюбова, 2019]).

«Знания и представления о действительности каждого народа, формируясь в процессе познания окружающего мира и вербализуясь различными способами, находят воплощение в

национальной картине мира (НКМ)» [Ломакина, 2018: 17]. Хотя самобытность народа представлена рядом языковых единиц, в большей степени её отражают фразеологические единицы и паремии как «зеркало национальной культуры, психологии и философии» [Толстой, 1991: 5], которые являются конституентами фразеологической картины мира (ФКМ) и пословичной (паремиологической) картины мира (ПКМ) как различных языковых форм фиксации НКМ соответственно.

Паремиологический фонд языка, включающий пословицы, приметы, загадки, присловья, представляет набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, несёт информацию культурологического и прагматического содержания и образует ПКМ, которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт, представляя собой компактное вместилище опыта, своего рода упаковку этого опыта [Бредис, 2017: 119]. Реконструкция ПКМ, проведённая различными способами, поможет не только воспроизвести лингвокультурологическую информацию, показав менталитет народа и представив его ценностные ориентиры, но и выявить так называемый концентр (термин В.М. Мокиенко) [Мокиенко, 2018] паремиологического фонда языка.

Реконструкция ПКМ происходит различными способами. Е.В. Иванова считает, что для реконструкции ПКМ надо учитывать наличие как универсального, так и архаичного – взглядов и представлений о мире – и анализировать материалы узкого временного промежутка [Иванова, 2006: 54]. Продолжая высказанные идеи учёного, выделим ***словарное и дискурсивное направления реконструкции ПКМ***, представив их преимущества и недостатки.

Словарь не просто фиксирует ту или иную паремию, но и запечатлевает языковую реальность, помогает представить языковую картину мира, являясь источником культурологической информации. Так, словарь «Пословицы русского народа», составленный В.И. Далем, подготовленный к печати в 1853 г. и изданный лишь в 1862 г., на сегодняшний день является одним из авторитетных собраний малых жанров фольклора по

охвату материала (включены как пословицы и поговорки, так и народные речения: присловья, загадки, приметы, скороговорки, прибаутки) и широте (около 30 тыс. единиц). Считается, что период охвата материала для лексикографа составляет не менее 50 лет: составитель словаря экстраполирует как свой опыт и вокабуляр, так и перенятый от предыдущих поколений, на основании чего можно считать, что паремиографический сборник В.И. Даля отражает языковые тенденции последних пятидесяти лет, т.е. с начала 1800-х гг. Это же правило распространяется и на функционирование паремий: они становятся всё менее употребительными и, как следствие, менее понятными для новых поколений говорящих.

Реконструкция ПКМ, запечатлённой в обозначенном собрании, происходит по фрагментам, которые В.И. Даль представил в виде 179 разделов, названных одним словом («Упорство», «Казна», «Праздник»); двумя словами: антонимами («Поиск – находка», «Хорошо – худо», «Прямота – Лукавство»), синонимами («Воровство – грабёж», «Путь – дорога»), реже – тремя словами, связанными ассоциативно или парадигматически («Чудо – диво – мудрёное» «Начальство – Приказ – Послушание», «Добро – Милость – Зло»). Тематический принцип описания паремий, выбранный В.И. Далем, не исключает отнесения одной и той же единицы в разные тематические группы.

Анализ паремиографических сборников позволяет выявить систему ценностных ориентиров того или иного народа посредством выявления приоритетных тем, в соответствии с которыми объединены единицы. Количественное превосходство паремий, представленных в той или иной рубрике, говорит о месте определённой ценности в системе ценностных констант нации (см., например: [Нелюбова, 2019а]). В паремиографическом сборнике В.И. Даля самыми многочисленными являются группы «Счастье – Удача», «Русь – Родина», «Земледелие». Достоверность количественного показателя доказана в ряде лингвистических работ (см., например: [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005]). Вместе с тем выделение ценностных доминант, жизненных ориентиров, культурных традиций не делает их

специфическими, принадлежащими только одному народу, а может носить общечеловеческий характер и потому считаться интернациональным.

Праздники присутствуют во всех лингвокультурах, однако имеют национальное преломление, которое выражается как в репертуаре праздников, так и в культурных традициях празднования. Рассмотрим тематическую группу «Праздник», которая включает 54 паремии [Даль, 2: 284-286]. Самую обширную группу составляют паремии, содержащие хрононимы – названия праздников и их производные (13 единиц). Это один из самых известных и до сих пор отмечающийся языческий праздник Масленица (*Боится масленая горькой редьки да пареной репы; Душа моя масленица (говорит семик), перепелиные твои косточки, бумажное твоё тело, сахарные уста, сладкая речь, красная краса, руса коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трёх матерей дочка, ясочка, ты же моя перепёлочка*) и православные праздники (*Для праздника Христова не грех выпить чарочку простова*; *Такой праздник, что в этот день и грешников в аду не мучат* (Благовещенье и Пасха)); дни почитания святых: *Сегодня Саввы, завтра Варвары; Лучше не саввить и не варварить, а пониколить; Просаввилась еси, проварварилась еси* (так, приговаривая, мужик бил жену свою за праздники, от которых она осталась без рубахи). Пословицы *В толстый колокол звонят, так праздник* и *Не поглядев в святцы, да бух в колокол* связаны с традицией, когда «любой прихожанин мог подняться на колокольню и позвонить в колокола» на Светлую седмицу [Капица, 2009: 219-220]. Даже небольшой фрагмент показывает, какие праздники стали единицами-этнолингвомаркёрами, являющимися материалом для реконструкции ПКМ: наряду с языческой Масленицей, важными для русских были праздники Благовещения и Пасхи.

Как видно из примеров, в обозначенном разделе паремиологического сборника В.И. Даля зафиксировано 3 паремии, связанные с Варвариным, Саввиным и Николиным днём, традиционно отмечающимся 4, 5 и 6 декабря по старому стилю (17, 18 и 19 – по новому). На первый взгляд, упоминаемые де-

кабрьские праздники не относятся к числу основных православных праздников, однако эти дни были важны для русского человека. Объяснение находим в климатических условиях: после Введенских морозов наступили Никольские, начиная с Варвариного дня, становилось всё холоднее. Николай-угодник – «самый почитаемый святой в народном православии» [Капица, 2009: 176], поэтому традиционным было празднование Николиного дня. «На Никольщину в складчину наваривали обетной браги и напекали мирских пирогов» [Стрижев, 1973: 238]. Глаголы-дериваты, вошедшие в паремии и фразеологизмы, получили в языке отрицательную коннотацию, т.к. характеризовали тех, кто не в меру запраздновался (ср.: *что наковал, то и прониколил; дониколился до сумы*).

Интересным разделом является «Месяцеслов», содержащий как приметы, так и присловья, связанные с религиозными и языческими праздниками. При реконструкции ПКМ этот вид паремий, обладающий информативным потенциалом, помогает восстановить данные о сельскохозяйственных работах и влиянии погодных особенностей на них, а также представить наблюдения и предположения бытового характера.

О языческой традиции, связанной с празднованием Пасхи, рассказывает следующая паремия: *После утрени в первый день Пасхи ходят христосоваться с усопшими, зарывают яйцо в могилу*. С Пасхой связаны такие приметы: *В светлый праздник огня в домах не разводить – будет головня в пшенице; На святой дождь – добрая рожь*. В.И. Даль зафиксировал и присловье, которое говорили, приглаживая лошадь: *Как яичко это кругло, такова бы и лошадка моя была* [Даль, 2: 355]. Пасха считается главным православным праздником, однако в паремиях сохранились сведения о языческих традициях, что показывает реконструкция паремиологического материала.

Тематический принцип описания паремий не является совершенным: паремия, будучи поликонцептуальной единицей, может употребляться в разных коммуникативных ситуациях, а их смысловая структура… связана не с одним ключевым кон-

цептом, а сразу с несколькими, причем иерархия и актуализация данных концептов прямо зависит от дискурсивных установок [Семененко, 2009: 25]. Отметим, что по тематическому принципу организованы многие сборники, в последние десятилетия – «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимина и А.С. Спирина (1996), «Народная мудрость» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (2011).

Стержневой принцип представления материала даёт более широкие возможности для реконструкции ПКМ. Хотя между лексикографами существуют разногласия относительно употребления терминов *стержневое слово, стержневой компонент, фразеологическое гнездо*, суть принципа, заимствованного из европейской традиции и апробированного В.М. Мокиенко в серии словарей («Словарь псковских пословиц и поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной; «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаева), сводится к следующему: в составе паремий выбирается первое знаменательное слово (чаще – имя существительное), в котором сконцентрирован основной смысл единицы. Благодаря такому принципу расположения паремиологического материала поиск единицы осуществляется быстрее, а «исследователь получает интересную картину, позволяющую увидеть, как отдельные фрагменты пословицы становятся постоянными выразителями определённого семантического фрагмента, неким кодом, сближающим разные семантические сферы» [Селиверстова, 2017: 59], что служит более полной реконструкции ПКМ.

Этнолингвистический словарь «Русский народный календарь» под ред. Е.Л. Березович организован по стержневому принципу, включает два типа хрононимов: содержащиеся в святцах церковные названия, общенародные хрононимы (название праздников) и диалектные хрононимы. Каждый из типов обозначенных этнолингвомаркёров содержит лингвокультурологическую информацию и репрезентует определённую картину мира. Так, диалектные хрононимы помогают представить мир деревенского жителя, его привычки, устремления, особенности мировосприятия.

Этот словарь содержит важную информацию, способствующую более полной и репрезентативной реконструкции ПКМ. Например, хрононим *Пасха* (*Паска*) и дериваты *пасхальный, пасхалина* включают различные группы паремий: пословицы (*Много праздников-то, а самые-то коренные – Паска и Никола; Пасха шире Рождества; Пасха красна песней, а весна – Пасхой*), суеверные приметы (*В год на Пасху ходят вокруг церкви с зажжённой свечой: погаснет свеча – год будет худым, нет – хорошим; В Пасху яичкам стукались. Чьё лопнет – худо. Чьё не лопнет – жисть будёт хорошая*), фенологические приметы (*Если в Паску хорошая погода, то все летние праздники хорошая погода; Если в Пасху плохой день – каждое воскресенье до Троицы будет плохим; На Пасху дождь – все праздники дождь*) [РНК: 304-306]). Представленные примеры, с одной стороны, содержат культурологическую информацию: в православном мире главным считается праздник Пасхи, в отличие от католиков, где с большим благоговением отмечают Рождество, а наиболее почитаемым святым является Николай. С другой стороны, на примере словаря «Русский народный календарь» мы показали преимущества стержневого принципа расположения материала.

Дискурсивный метод описания паремий позволяет определить «их роль в процессе когниции и в процессе коммуникации», «только на фоне дискурса (и текста как его материального выражения) паремии могут получить наиболее полное описание» [Константинова, 2012: 6]. В речи / текстах говорящий / слушающий реализует коммуникативные намерения. Контекстуальное употребление паремий не только запечатлевает паремиологический концентр определённого временного отрезка, но и фиксирует метаязыковую информацию, представляя различные способы экспликации коммуникативного намерения говорящего. Мы выделяем три способа экспликации: 1) формальный способ включает графическую маркированность (например, заключение в кавычки, выделение цветом, изменение шрифта) и определение «природы высказывания (пословица, поговорка, народная мудрость и т.п.), что показывает желание

говорящего сослаться на уже имеющееся мнение», заключённое в паремии; 2) ценностный способ занимает промежуточное положение, здесь паремии оцениваются говорящим / пишущим по шкале хорошо – плохо; благодаря чему определяется отношение говорящего / пишущего к той или иной коммуникативной ситуации и косвенно экстраполируется система ценностных ориентиров; 3) концептуальный способ, при котором употребление паремии носит концептуальный характер: говорящий / пишущий актуализирует значение единицы путём её семантизации (подробнее см.: [Ломакина, 2014: 177-179]).

Анализ текста, прежде всего, художественного и публицистического, помогает реконструировать ПКМ: автор при употреблении той или иной паремии пользуется личным тезаурусом и может привлекать лексикографические источники. Фонд паремий, в отличие от лексики, не является регулярно пополняемым ресурсом языка. Исключение составляют *антипословицы / контрпословицы / антипаремии*. Этот термин, предложенный В. Мидером при исследовании немецких и английских паремий, был использован и внедрён в обиход славистов Х. Вальтером и В.М. Мокиенко. При всей новизне современных антипословиц они создаются по моделям, свойственным традиционным паремиям, и прототип сразу узнаётся носителями языка» [Бредис, 2018: 210]. Популярность антипословицы определяется эффектом узнавания. Например, пословица *Дареному коню в зубы не смотрят* трансформировалась в русском языке в такие антипословицы, как *Дареного коня бороздой не испортишь*; *Дареному коню кулаками не машут* [Адамчик, 2012: 158]. В литовском языке имеются варианты: *Arklys be dantų – geriausia dovana* (*Конь без зубов – лучший подарок*); *Dovanotam kompiuteriui į klaviatūrą nežiūri* (*Дареному компьютеру в клавиатуру не смотрят*) и др. [Zaikauskienė, 2012: 219].

Согласимся с Е.В. Ивановой, что современный пословичный (и шире – паремиологический) фонд языка сложился в целом к концу XIX – началу XX в. [7, с. 54], а современные тексты лишь выявляют концентр ПКМ, который образуется за счёт наиболее употребительных единиц, служащих раскрытию ин-

тенции автора и отражающих его систему ценностей. Тексты же, созданные до начала XX в., наряду с лексикографическими сборниками, порой впервые фиксировали паремии, поэтому могут считаться материалом для реконструкции ПКМ.

Примером является употребление в письмах и дневниках Л.Н. Толстого пословицы *На небе царство господнее, а на земле царство господское*, не зафиксированной в словарях: *Тяготит меня, как всегда, и особенно здесь роскошь жизни среди бедноты народа. Здесь мужики говорят:* ***на небе царство господнее, а на земле царство господское****. А здесь роскошь особенно велика, и это словечко засело мне в голову и усиливает сознание постыдности моей жизни* (Письмо В.Г. Черткову, 25 августа 1910 г.). Эта пословица употребляется, когда противопоставляется духовное и материальное, говорится о власти богатых на земле. В 1910 г. Л.Н. Толстой от крестьян услышал эту пословицу, ставшую любимой. Возникновение данной паремии опирается на христианское вероучение и связано с политическим строем, господствовавшим в России. В основе данной паремии лежит антитеза, противопоставляющая два мира: мир Господа и господ [Ломакина, 2018: 275]. Значение пословицы определяется по контексту, привлекается дополнительная литература (свидетельства В.Г. Черткова), поэтому дискурсивный анализ является определяющим.

Дискурсивный анализ важен при рассмотрении паремий, зафиксированных в изданиях, которые недоступны современному читателю. Так, ряд примет, известных Л.Н. Толстому по «Книге для чтения» известного педагога И.И. Паульсона (1825-1898), был включен в рассказ «Хозяин и работник»:

– Вот так-то и ладно будеть, – сказал он, охлопывая с себя снег. – Вишь, заливается! – прибавил он на собаку. – Да будеть тебе! Ну, буде, глупая, буде. Только себя беспокоишь, – говорил он. – Не воры, свои...

– А это, как сказано, три домашние советника, – сказал малый, закидывая сильной рукой под навес оставшиеся снаружи санки.

– Это как же советники? – сказал Никита.

– А так в Пульсоне напечатывано: ***вор подкрадывается к дому, собака лает, – не зевай, значит, смотри. Петух поёт – значит, вставай. Кошка умывается – значит, дорогой гость, приготовься угостить его****, – проговорил малый, улыбаясь* («Хозяин и работник», IV).

Упоминание источника примет, с одной стороны, носит метаязыковой характер, а с другой – позволяет писателю иронически охарактеризовать Никиту как грамотного человека, прочитавшего книгу известного русского педагога И.И. Паульсона.

Дискурсивный анализ служит вспомогательным инструментом при определении заголовочной единицы в новых паремиографических сборниках: составитель, опираясь на контекстуальное использование, решает, какую единицу выбрать в качестве заголовочной. Например, паремиографическое описание нескольких паремий в анонсируемом нами «Словаре языка Л.Н. Толстого» будет отличаться от более распространенного в словарях [Даль, 1996]: заголовочными станут паремии *Яйца курицу учат* и *Овчинка стоит выделки* утвердительного характера. В своём выборе мы руководствуемся более распространённым в дискурсе данного писателя употреблением [Ломакина, Макарова, 2015а: 471-472]; [Ломакина, Макарова, 2015б: 109-110].

В современном языке функцию фиксации выполняют интернет-ресурсы, благодаря которым в первую очередь формируется концентр современной паремиологии.

ПКМ, один из конструктов современной лингвистики, требует последовательного описания. Одновременное применение словарного и дискурсивного направлений анализа паремиологического материала даёт наиболее достоверный и полный результат при реконструкции ПКМ. Перспективным направлением будущих исследований является сравнение информации различных словарей, составленных по одному и тому же лексикографическому принципу (например, «Большого словаря русских пословиц» и этнолингвистического словаря «Русского народного календарь»), а также привлечение более широкого паремиологического материала для дискурсивного анализа.

1.6. Отражение антропоморфизма в русских паремиях

Актуальной исследовательской тенденцией синхронно-дескриптивной филологии является аналитическая работа с языковым материалом, в основе которой лежат поликультурные подходы. Поэтому антропоморфизм как философская и культурологическая категория не лишен и лингвистических параметров. Помимо вербализации антропоморфной концептосферы происходит отбор языкового материала, пригодного для создания устойчивых сочетаний слов, фиксирующих опыт предшествующих поколений, этнокультурные особенности нации, ментально-интеллектуальный уровень культурной общности в диахронном срезе и т. д. Лингвокультурологический подход к интерпретации языковых синтагматических возможностей позволяет расширить исследовательский спектр при аналитико-синтетических формах работы с антропоморфными компонентами. Особое внимание при этом следует уделить реализации антропоморфизма в контексте русской паремиологии, представляющей собой копилку народной мудрости.

В настоящее время данному языковому явлению посвящено множество научных трудов, где лингвистические категории рассматриваются не изолированно, а в дискурсе, который, являясь многозначным термином, представляет собой монологическое языковое полотно, развивающееся и реализующееся в конкретных речевых ситуациях, в письменных и устных текстах. Повсеместно используются филологами дискурсивные формы изучения того или иного языкового явления [Антонова, 2017; Ломакина, 2018]. При этом стоит сказать, что феномен паремиологического дискурса заключается в его психолингвистической и нередко антропоморфной природе.

При обращении к принципу антропоморфизма, который во многих случаях является источником онтологического мировоззрения архаичных эпох, необходимо отметить религиозный характер данной ассоциативно-образной системы. На бытовом

уровне каузальные связи антропоморфных образов лингвокультурологии соотносятся с детским мировосприятием. Неслучайно ряд исследователей-психологов проводит параллель между этапами развития ребенка и человечества в целом.

Термин *антропоморфизм* возник в результате слияния двух греческих корней, переводимых соответственно как «человек» и «форма, образ, вид». Научные теории связывают антропоморфизм с перенесением параметрических характеристик человека на прочих живых существ, на мифических персонажей, на природные проявления, на абстрактные категории и неодушевленные предметы и др. Изначально антропоморфные учения были уделом теологии, но в свете возникновения пограничных научных дисциплин образовались дискурсивные лакуны в области лингвокультурологии, особенно если речь идет о паремиологических базах узуса. На уровне ассоциативных интенций в тезаурусе нации нашли отражение отголоски анимизма (веры в обитателей потустороннего мира, силы природы, одушевленность флоры и фауны), политеизма (перенесения качеств человека на божественный пантеон), монотеизма (описания верховной божественной сущности с внешними и внутренними проявлениями человека) [Кулебякин, 1987].

Посредством антропоморфизма с древнейших времен человек постигал и объяснял мир. С появлением второй сигнальной системы, то есть оформления членораздельных звуков в связные высказывания и скапливания народной мудрости в метких образных выражениях (паремиях), антропоморфизм стал одним из важных принципов лингвокультурологических исследовательских подходов.

Дискурсивный прием включения антропоморфных компонентов в паремиологическую комбинаторику имеет различные проявления, такие как: коннотативно-денотативное изображение творца мироздания и представителей божественного пантеона при языческих верованиях, вербальная репрезентация гибридных существ различных культур (героев сказок, мифов, легенд) и обитателей потустороннего мира, контекстуальные дескрипции очеловеченных животных и растений и т. д.

Паремиологическая база любого языка содержит семантический стержень, объединяющий ее с базами других языков, но содержащий специфические логико-этнические особенности. Данная филологическая область коррелирует с паремиографией, занимающейся созданием соответствующих словарей. Паремиография благодаря систематизации информационных ресурсов позволяет позиционировать прагматический статус антропоморфного компонента по двум основным направлениям.

1. Лексико-семантический вектор – с точки зрения проявления принципа антропоморфизма:

а) структурное включение – при наличии антропоморфного компонента в лексической структуре паремии;

б) семантическое включение – при опосредованном указании на антропоморфный признак;

в) структурно-семантическое включение – при комбинированной реализации исследуемого явления.

2. Смысловой, или понятийный, вектор – в соответствии с ассоциативными параллелями на уровне:

а) анимизма; б) политеизма; в) монотеизма.

Проиллюстрируем сказанное на примере некоторых паремий, извлеченных из справочника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 1996].

Обзорно-синтетическая работа с классификатором данной книги позволяет заключить, что особенно ярко в русских паремиях отражается монотеизм (об этом свидетельствуют целые разделы «Бог – вера», «Вера – грех», «Вера – исповедание» и проч.). Проявления анимизма происходят в том числе за счет частого упоминания черта как антипода Бога и обитателя потустороннего мира. Политеизм в первую очередь связан с отголосками язычества у древних славян.

Антропоморфно нагруженные паремии, расположенные по шкале понятийного вектора на отметке монотеистических воззрений, имеют достаточное количество примеров реализации и в зависимости от лексико-семантического направления.

Структурное включение антропоморфного компонента наблюдается в паремиях: *Жить – богу служить; Жив бог – жива душа моя; Господь богатит и высит, убожит и смиряет; Даст бог день, даст бог и пищу; Ащё бог с нами, никто же на ны* и др.

Семантическое включение элемента антропоморфизма реализуется в таких паремиологических единицах: *Молитва места не ищет; Коротка молитва «Отче наш», да спасает; Не хлебом живы, молитвою; Одно спасенье – пост да молитва* и др.

Структурно-семантическое включение антропоморфного признака происходит в устойчивых единицах: *Не встанет свеча перед богом, а встанет душа; Не нужны нам праведники, нужны угодники (т.е. нам угождающие); Велико имя господне на земли* и др.

Если говорить о паремиологическом описании анимизма, то антропоморфные признаки проявляются следующим образом.

Структурное включение: *Аминем беса не отшибёшь; Мужик лишь пиво заварил, уж чёрт с ведром; Бога не гневи, а чёрта не смеши!; Волос глуп – везде растёт; Рубль голову стережёт* и др.

Семантическое включение: *Великий пост всем прижмёт хвост; Да воскреснет бог и расточатся враги его!; Быть тебе в раю, где горшки обжигают* и др.

Структурно-семантическое включение: *Богу свечу, а чёрту кочергу; Скуден, да нужен (человек), а беден бес; Бог путь, а чёрт крюк; Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили* и др.

Принцип политеистического антропоморфизма аналогично предыдущим может быть условно разделён на группы.

Структурная реализация: *Бог не Макешь (или: Мокошь – языческое божество), чем-нибудь да потешит; Чур меня! (Чур – бог в язычестве); Не страшны злыдни за горами; Который бог замочит, тот и высушит; Взял боженьку за ноженьку, да и об пол* и др.

Семантическая реализация: *Не гони бога в лес, коли в избу влез; Без роду и племени; У бабы семь пятниц на неделе; За тебя только три пятницы молока не есть; Моленый баран отлучился, ин гулящий прилучился (о жертвоприношении)* и др.

Комбинированная (структурно-семантическая) реализация: *Каков Бог, такова ему и свеча; Ладно баюкаешь, да сон не берёт (Бай – языческий бог); От лиха не уйдёшь; Жил в лесе, молился пням; Старый ворон мимо не каркнет* и др.

Представленное разделение по названным направлениям и группам, однако, не лишено некоторого субъективизма, поскольку вопросы вхождения паремиологических единиц в ментальное поле конкретной нации носят дискурсивный характер и получают многогранность оценок и суждений в зависимости от авторской позиции, что не снижает интереса к паремиологическим возможностям при включённом принципе антропоморфизма в русском языке [Антонова 2019: 213-214].

1.7. Переходные случаи в паремиологии: крылатое выражение ↔ пословица

Фразеологизация, свойственная любому национальному языку, является также частью процесса формирования его фразеологического фонда, что подтверждает факт развития языка. Как показали исследования ФЕ различных языков [Гвоздарёв, 2010, Іваноў, 2004, Мокиенко, 1990, Назарян, 1981 и др.], данный феномен имеет универсальный характер. В связи с этим встал вопрос о разработке проблемы фразеологизации как «процессе стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых (то есть таких, которые каждый раз не создаются заново, а воссоздаются, извлекаются из памяти говорящих), относительно устойчивых определённых языковых комплексов» [Ройзензон, 1961: 114].

Крылатые выражения (КВ), являясь составной частью фразеологии, в процессе своего вхождения в тот или иной язык проходят следующие этапы:

1) историческая потеря реалии;

2) семантическое обогащение при исходной метафоризации;

3) утрачивание подробностей.

Употребление паремий и КВ, как правило, имеет прагматическую направленность, выявляет глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными интенциями. Поэтому среди актуальных проблем современной крылатологии находится проблема перехода КВ в разряд паремий и обратно, то есть когда паремия становится крылатой и можно говорить о ней как о КВ [Макарова, 2016а: 124-125].

Лингвисты, изучающие КВ, отмечают, что существует немалое количество данных сверхсловных единиц, происхождение которых не является бесспорным: точно неизвестен автор (иногда авторство приписывается нескольким людям одновременно), некоторые КВ известны многим европейским языкам как пословицы. Например, КВ *Великие умы сходятся* как пословица, видимо, была известна и ранее, о чём свидетельствует её фиксация в других европейских языках до употребления Вольтером: нем. *Klugen haben mit einander viel gemein* (у Гёте), англ. *Great wits jump* (у Стерна) – позже у Вольтера [БСКСРЯ, 2005: 69]. Сюжет, использованной баснописцем Лафонтеном пословицы *Делить шкуру неубитого медведя / Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant qu'il soit pris*, восходит к Эзопу, поэтому «оборот представлен и в других европейских языках – например, нем. *Die Bärenhaut verkaufen bevor man den Bären hat*, англ. *Don't sell the bear's skin, before you have caugth the bear*» [БСКСРЯ, 2005: 138]. КВ *Один за всех и все за одного* – «древняя формула солидарности, круговой поруки, известная многим славянским и неславянским языкам: укр. *Всі за едного, еден за всіх*; *Усі за одного, один за всіх*; болг. *Един за всички, всички за един*; фр. *Tous pour un, un pour tous*; англ. *One for all, all for one*; нем. *Einer für alle, alle für einen* и т.д. В литературе использована впервые, видимо, Шекспиром в «Лукреции» (1594). В русском языке известна издревле: например, на вече новгородцы

клялись, целуя крест, «*стати всем за один, любо живот, любо смерть за правду Новгородскую*». В современном русском языке пословица получила популярность благодаря роману А. Дюма-отца «Три мушкетёра» (гл. 9 и др. – 1844), где она повторяется как девиз героев – верных и самоотверженных друзей» [БСКСРЯ, 2005: 339].

Справедливо мнение В.П. Жукова, что «…далеко не всегда удаётся установить, принадлежит ли то или иное выражение определённому автору или писатель заимствовал его из народной речи» [Жуков, 2006: 9]. Иногда один писатель употребляет высказывание другого автора, которое после этого приобретает известность. Так, *КВ Аппетит приходит во время еды* (*L'appétit vient en mangeant*) приписывается Ф. Рабле. Но это – известная средневековая пословица, которую Ф. Рабле вложил в уста одного из персонажей своего романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (ч. I, гл. 5 – 1532). Создателем же пословицы был епископ города Ле Манн Жером де Анже, употребивший её в сочинении «О причинах» (1515 г.) [БСКСРЯ, 2005: 30].

Исходя из данных [БСКСРЯ] представляется вполне оправданным называть подобные пословицы крылатыми.

Например, в общем фонде КВ-галлицизмов французского и русского языков, насчитывающем 136 единиц, обнаружено 25 крылатых пословиц, из которых 11 паремий приобрели «крылатость» благодаря литературе, 14 КВ стали пословицами и пришли в речь также в основном из литературы [Макарова, 2016б: 54]. 7 пословиц (*Аппетит приходит во время еды / L'appétit vient en mangeant; Буря в стакане воды / La tempête dans un verre d'eau; Великие умы сходятся / Les beaux esprits se rencontrent; Делить шкуру неубитого медведя / Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant qu'il soit pris; Надо возделывать свой сад / Il faut cultiver son (notre) jardin; Один за всех, и все за одного / Tous pour un, un pour tous; Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним / Rira bien qui rira le dernier*) из 11 пришли в русский язык через переводы литературных произведений, появление 4 паремий (*Qui s'excuse, s'accuse / Кто оправдывается, тот сам себя выдаёт (На воре и шапка горит); Игра не*

стоит свеч / Le jeu ne vaut pas les chandelles; На войне как на войне / A la guerre comme à la guerre; Хорошая мина при плохой игре / Faire bonne mine au mauvais jeu) остаётся неясным. Возможно, проникновению французских пословиц в русский язык мы обязаны коммуникации российского общества на французском языке в течение долгого времени. Интересно, что из 14 КВ 8 *(Если бы молодость знала, если бы старость могла / Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait; За деревьями не видеть леса / Les arbres cachent la forêt; Крайности сходятся / Les extrêmes (les extrémités) se touchent; Лучшее – враг хорошего / Le mieux est l'ennemi du bien; Понять – значит простить / Tout comprendre, c'est tout pardonner; Что правда здесь, то заблужденье там (У всякого Павла своя правда) / Vérité en deça des Pyrénées, erreur au-delà; Я думаю, следовательно <значит>, я существую / Je pense, donc je suis; Человек есть то, что он ест / Dis-moi ce que tu manges, je te dirai ce que tu es*) проникли в русский язык из французской литературы, а 6 (*Новое – это хорошо забытое старое / Il n'y a de nouveau que ce qui est oublié; От великого до смешного один шаг / Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas; Положение обязывает / Noblesse oblige; Точность вежливость королей / L'exactitude est la politesse des rois; Труден только первый шаг (Лиха беда начало) / Il n'y a (pas) que le premier pas qui coûte; Язык дан человеку <дипломату> для того, чтобы скрывать свои мысли / La parole a été donnée à l'homme pour déguiser (cacher) sa pensée*) являются высказываниями известных исторических лиц Франции.

«Художественная литература и публицистика – главные источники появления КВ, о чём свидетельствуют лексикографические и фразеографические справочники» [Макарова, 2017: 568]. Творчеству многих писателей свойственна афористичность, и их произведения становятся источниками КВ. Вместе с тем важнейшим источником КВ является и фольклор [Іваноў, 2004; 2006; 2011]. Между КВ и устойчивыми фразами фольклорного происхождения существует теснейшая связь, которая фиксируется фольклористами и лингвистами [Іваноў, 2005], но которую им еще предстоит осмыслить. Переход КВ в разряд

паремий возможен в процессе частого употребления, которое приводит к потере связи с авторским контекстом или определённой исторической эпохой. Таким образом, оборот фразеологизируется, т.е. становится системным явлением языка.

Однако существует и обратный процесс. Часто авторы вводят в свой язык использованные тем или иным писателем, историческим лицом, известным политическим деятелем пословицы, которые обретают второе дыхание или рождаются вновь, но уже в качестве КВ. Так, КВ и пословицы, закрепляясь в сознании людей разных стран, оказывали и продолжают оказывать влияние на формирование лингвокультуры народов, образуя общий для литературных языков международный фразеологический фонд. Нельзя не отметить, что немалую часть данного фонда составляют *крылатые пословицы*.

1.8. Дифференциация объёма пословичного фонда языка

Объём единиц паремиологического фонда языка устанавливается, как правило, четырьмя способами. Во-первых, в зависимости от определения объёма понятия *пословица* (т.е. все единицы, которые квалифицируются как пословицы, входят, по умолчанию, в паремиологический фонд языка), во-вторых, исходя из фиксации пословиц в паремиологических сборниках и лингвистических (паремиографических) словарях, в-третьих, на основании выборки пословиц из различных текстовых источников, в-четвёртых, по результатам специальных лингвистических экспериментов. В современной паремиологии все шире используется еще один способ – фиксация пословиц в национальных корпусах языков [Дюрчо, 2014].

Первый способ естественным образом прямо или косвенно либо влияет на все другие, либо вытекает из них (всех вместе или порознь). В лингвострановедении, например, объём языкового пословичного фонда ограничивается, согласно мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, только тем «малым числом пословиц (по подсчётам Г.Л. Пермякова, примерно 800–

1500 единиц)», которые «известны повсеместно и активно употребляются в речи» [Костомаров, Верещагин, 1988: 6], поэтому получают, «право называться элементами общенародного языка» [Верещагин, Костомаров 1990: 73]. Второй и третий способы являются взаимно детерминированными, прямо зависят от теоретических взглядов, языковых предпочтений и практических возможностей исследователя, поэтому характеризуются субъективностью и небольшой репрезентативностью. Например, фонд пословиц современного русского литературного языка определяется от 700 единиц, согласно «Школьному словарю живых русских пословиц» [Мокиенко, 2002] до 1200 единиц, согласно толковому «Словарю русских пословиц и поговорок» [Жуков, 1991], а фонд пословиц современного белорусского литературного языка насчитывает от 750 единиц, согласно толковому словарю И. Шкраба и Г. Шкрабы [Шкраба, Шкраба 1987] до 1800 единиц, согласно толковому словарю И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич [Лепешаў, Якалцэвіч 2011].

Лингвистический эксперимент отличается по сравнению с другими способами определения объема пословичного фонда языка наибольшей объективностью и репрезентативностью, однако не имеет непротиворечиво обоснованной и общепринятой методики. Самый известный, неоднократно повторенный и модифицированный разными паремиологами на материале различных языков «паремиологический эксперимент», разработанный Г.Л. Пермяковым для выяснения общеизвестных и активно употребительных в речи пословиц и иных устойчивых фраз русского языка [Пермяков, 1971; Пермяков, 1988; Permiakov, 1989] неоднократно критично оценивался [Крикман, 1995: 340; Иванов, 2002; Иванов, 2007; Мокиенко, 2010: 15], в том числе до полного отрицания принципов и методики такого эксперимента [Иванов, 2015: 48-51].

Объём паремиологического фонда языка может быть дифференцирован в диахронии на два количественно противопоставленных множества единиц – «максимум» (актуальный фонд) и «эссенциум» (обязательный фонд), которые отражают на каждом этапе исторического развития языки, с одной сторо-

ны, все паремиологические единицы, которые функционируют в данном общенародном языке – «паремиологический максимум», а с другой стороны, только те единицы, которые являются известными всем или почти всем носителям языка (наиболее известные), употребляются в речи чаще других (наиболее частотные), а также ни территориально, ни социально, ни функционально-стилистически не ограниченные (наиболее массовые) – «паремиологический эссенциум». Эссенциум обычно отражается в переводных паремиологических словарях [Иванов, 2001; Іваноў, Раманава, 2006; Иванов, Мокиенко, 2007; Іваноў, 2007; 2009].

«Паремиологический максимум» нельзя рассматривать количественно равнозначным объёму «национального паремиологического фонда» языка (совокупности всех пословиц данного общенародного языка на всех этапах его исторического развития), поскольку «максимум», во-первых, противопоставлен национальному фонду пословиц согласно антиномии двух планов (способов) описания языка – диахроническому и синхроническому, а во-вторых, отражает языковую реальность (актуальный для носителей языка фонд паремиологических единиц). «Национальный паремиологический фонд» (совокупность всех известных пословиц) общенародного языка нельзя рассматривать как реальный языковой феномен, поскольку он не существует в действительности, а создаётся искусственно в качестве лингвистической модели (является совокупностью пословиц, которые никогда не функционировали в данном языке одновременно все вместе). Так, пословицы, зафиксированные в фундаментальных паремиологических сборниках *«Большой словарь русских пословиц»* (2010), *«Прыказкі і прымаўкі»* (1976), *«Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich»* (1969–1978), *«English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary»* (1969) и т.п. отражают все известные пословицы, т.е. «национальные пословичные фонды» русского, белорусского, польского, английского языков (поскольку собраны из разных источников, охватывающих много столетий). В свою очередь, пословицы, которые отражены в таких справочниках,

как *«Словарь русских пословиц»* (2007), *«Слоўнік беларускіх прыказак»* (2002), *«Mała księga przysłów polskich»* (1996), *«English Proverbs Explained»* (1969) и т.п., представляют собой современные «паремиологические максимумы» русского, белорусского, польского, английского языков (поскольку все пословицы, входящие в данные словари, зафиксированы в текстовых источниках преимущественно последнего столетия и подтверждаются речевыми контекстами современного употребления).

Необходимо отметить, что фиксация актуальных паремиологических единиц европейских языков имела место задолго до создания собраний национальных паремиологических фондов, первые из которых появились на волне европейского романтизма, а массово стали создаваться только во второй половине XIX столетия. Так, в польском языке наиболее известный сборник актуальных пословиц «Proverbiorum polonicorum centuriae decem et octo» (1618) Соломона Рысиньского был опубликован почти на три столетия раньше, чем первый фундаментальный паремиологический сборник польских пословиц «Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich» (1889) С. Адальберга, описывающий национальный пословичный фонд польского языка.

«Паремиологический эссенциум» не совпадает целиком с активным составом паремиологических единиц языка, поскольку наиболее известные или функционально не ограниченные пословицы не обязательно являются одновременно наиболее частотными. Например, все русскоязычные православные христиане знают библейские заповеди, ставшие пословицами (*Не сотвори себе кумира*; *Не убий*; *Не укради*; *Не пожелай жены ближнего твоего* и т. д.), однако только одна из этих единиц (*Не сотвори себе кумира*) входит в современном русском литературном языке в состав наиболее частотных библейских афоризмов [Лепта библейской мудрости, 2014: 71].

Внутри «паремиологического эссенциума» можно выделить множество единиц, которые являются наиболее известными и наиболее массово употребительными в речи. Именно такие пословицы следует, на наш взгляд, квалифицировать как

«паремиологический минимум» общенародного языка, поскольку «паремиологический минимум количественно ограничен только языковым материалом, функционально актуальным в тот или иной (в том числе – новейший) период развития языка, а во-вторых, качественно (содержательно) детерминирован экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.)» [Иванов, 2015: 51].

«Паремиологический максимум» можно установить как путём последовательной обработки языкового материала (фронтальной выборки из разнообразных текстовых и лексикографических источников, которая на сегодняшний день может быть достаточно быстрой и весьма масштабной, благодаря национальным языковым корпусам), так и экспериментальным путём (посредством опроса значительного количества носителей языка). Второй путь представляется мало осуществимым вследствие технической сложности (хотя в настоящее время массовый характер информационных технологий значительно упрощает его процедуру). В свою очередь, точный объём «паремиологического эссенциума» можно установить только экспериментальным путём, поскольку главным показателем обязательности функционирования пословиц как единиц языка является их широкая известность, определить которую невозможно без обращения к языковой компетенции носителей языка.

«Паремиологический минимум» определяется по той же причине только экспериментальным путём. По словам В.М. Мокиенко, «заманчивая идея нащупать такой минимум из России быстро перенеслась в Европу. На материале чешского языка её инструментализировал Фр. Чермак, на материале немецкого – П. Гржибек, хорватского – П. Гржибек в соавторстве с Д. Шкарой и Зд. Хайкен, английского – В. Мидер и Х. Хаас. Появились и попытки установить паремиологический минимум даже для таких экзотических языков, как сомалийский» [Мокиенко, 2010: 14]. Для ряда языков, в том числе славянских, паремиологический минимум определялся несколько раз. Так, для

белорусского языка паремиологический минимум был установлен дважды в конце 1990-х – начале 2000-х гг. – М.Ю. Котовой [Котова, 2000] и Е.Е. Ивановым [Ivanov, 2002; Іваноў, 2004], а позднее также дважды уточнялся [Іваноў, 2017: 99-106; Котова, 2019]. Однако вскоре выяснилось, что общего для всех «паремиологического минимума», т.е. «минимума для всех носителей конкретного языка, видимо, не существует», поскольку если «наложить» русский паремиологический минимум, составленный Г.Л. Пермяковым, на словники словарей русских пословиц, то «следует констатировать их разительное несоответствие» [Мокиенко, 2010: 15]. Так, в паремиологическом минимуме Г.Л. Пермякова, как отметил Е.Е. Иванов в своем докладе на XI Международном конгрессе МАПРЯЛ (Варна, Болгария, 16–23 сентября 2007 г.), не нашлось места для таких общеизвестных и широко распространенных в речи русских пословиц, как *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*; *Пар костей не ломит*; *Ворон ворону глаз не выклюет* и т.п. К тому же оказалось, что результаты паремиологических экспериментов по выявлению пословичных минимумов разительно отличаются у разных исследователей. Так, состав единиц двух белорусских паремиологических минимумов (М.Ю. Котовой и Е.Е. Иванова) совпадает только наполовину (около 56%), что ставит под сомнение саму целесообразность их определения.

В современной паремиологии активно ведутся поиски альтернативы паремиологическому минимуму. Наиболее значимыми из них можно считать две – предложенные одновременно (в 2007 году) и независимо друг от друга концепцию «паремиологического оптимума» словацкого паремиолога Петера Дюрчо [Ďurčo, 2007] и концепцию «основного паремиологического фонда» белорусского паремиолога Е.Е. Иванова [Иванов, 2007].

Паремиологический оптимум, в понимании П. Дюрчо, представляет собой «ядро» паремиологического состава языка («всеобще известную часть пословичного фонда конкретного языка») и может быть выделен на основе использования специальной методики, которая предусматривает «5 шагов: 1) анализ

паремий, зарегистрированных в современных и исторических словарях и сборниках, дополненный сравнением и регистрацией пословичной неологики; 2) “экспертная” редукция паремиологического материала силами лингвистов, этнологов и лексикографов с точки зрения современного языка для выделения базы, служащей в дальнейшем целям исследования методом опросов; 3) опрос на “приемлемость” выделенной базы с помощью теста компетенции (необходимое число участников опроса можно обеспечить применением on-line анкеты и опросом через интернет); 4) корпусный анализ частотности употребления паремий из редуцированного списка; 5) определение так называемого “паремиологического оптимума” как корреляции между наиболее употребимыми / знакомыми паремиями в разговорном языке и наиболее частотными в датабазе корпуса» [Дюрчо, 2014: 15].

Согласно П. Дюрчо, цель паремиологического оптимума состоит в том, что он «может стать основой для дальнейшего выделения различных паремиологических минимумов, например в целях изучения как родного, так и иностранного языка» [Дюрчо, 2014: 16]. Поиск «оптимума», безусловно, значительно объективизирует дальнейшее определение паремиологического минимума, но остается в значительной степени субъективным, поскольку прямо зависит от языковой компетенции как самих лингвистов в качестве «экспертов» (шаг 2), так и современных носителей языка (шаг 3). В этом смысле методика определения «паремиологического оптимума» является модернизированной методикой «паремиологического эксперимента» Г.Л. Пермякова (который, конечно, использовал бы в своем эксперименте информационные технологии в анкетировании и корпусный анализ, будь они в его время). Это означает, что «паремиологический оптимум», как и «паремиологический минимум», является частью «паремиологического эссенциума», т.е. результатом диахронического анализа паремиологического фонда языка.

Суть определения «основного паремиологического фонда» состоит в отказе от диахронического подхода к дифферен-

циации пословичного фонда языка. Так, если взглянуть на пословицы в синхроническом аспекте, то можно выделить довольно заметное количество единиц, употребление которых фиксируется ещё в ранние периоды исторического развития данного языка, содержание и лексико-грамматическая организация которых остаются без заметных изменений в течение многих столетий и которые являются общеизвестными и продолжают активно употребляться в настоящее время. Так, каждая десятая пословица в нормативном справочнике «Словарь русских пословиц и поговорок» (1991) В.П. Жукова отражена в рукописном сборнике русских пословиц XVII века [Симони, 1899: 73-162], напр.: *Ворон ворону глаз не выклюет* – **Воронъ ворону глаза не выклюнетъ** (405 – по принятой в публикации рукописного сборника нумерации); *Где тонко, там и рвётся* **а Гдѣ тонко тамъ и рвется** (577); *Дураков не орут, не сеют, а сами родятся* або *Дураков не сеют, не жнут, сами родятся* – **Дураковъ ни сѣютъ ни жнут сами родятся** (666); *Куда иголка, туда и нитка* – **Куды иголка тѹды и нитка** (1270); *Насильно мил не будешь* або *Силой милому не быть* – **Насилу милу не быть** (1716); *Пьяному <и> море по колено (по колена)* – **Пьяному и море по калѣна** (1896); *С чужого коня среди грязи долой* – **С чюжова коня серед грязи долои** (2130); *Утро вечера мудренее* – **Утро вечера мѹдренѣе** (2315); *Чему быть, того (тому) не миновать* – **Чемѹ быть тово не минуть** (2606); *Шила (шило) в мешке не утаишь* – **Шила въ мѣхѹ не утаить** (2648) и т.д. То же наблюдается и в белорусском языке [Іваноў 2006], в английском языке [Иванов, Новикова, 2016] и др. Совокупность таких пословиц и составляет «основной паремиологический фонд» в каждом конкретном языке. Такие пословицы находятся вне исторической динамики языка и могут рассматриваться (с определённой условностью) как языковая константа.

Основным эмпирическим критерием включения той или иной пословицы в состав основного паремиологического фонда является её фиксация как в наиболее ранних, так и в современных текстовых и лексикографических источниках.

При наложении друг на друга «паремиологического минимума» и «основного паремиологического фонда» можно выделить минимальное количество пословиц, которые максимально долго функционируют в языке. В этом смысле «основной паремиологический фонд» целесообразно будет определять как полевую структуру, внутри которой можно выделить так называемое «паремиологическое ядро» (пословицы, которые являются, в известном смысле, неотъемлемой частью данного конкретного языка на всем протяжении его исторического развития) и периферию (пословицы, которые обнаруживают различную функциональную активность в разные периоды истории языка, включая настоящее время).

Ядро и периферия в составе основного паремиологического фонда не являются замкнутыми множествами единиц. В разные периоды развития языка одни пословицы в составе ядра и периферии основного фонда сменяют другие, при этом ядро никогда полностью не обновляется, иначе трудно объяснить наличие пословиц, которые фиксируются в письменных текстах на протяжении столетий в одной и той же форме (сохраняют свой лексический состав и свою грамматическую организацию).

Выводы

Первая глава носит преимущественно теоретический характер и направлена на освещение вопросов, связанных с осмысленным позиционированием паремий в синхронии лингвистического учения. На базе опубликованных ранее исследовательских выкладок предпринята попытка дифференциации таких понятий, как фразеологизм, пословица, поговорка. Названы фамилии ученых, стоявших у истоков определения устойчивых словесных комплексов, выделения их типов и классификационных возможностей (В.Л. Архангельский, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Н.М. Шанский и др.). Путем работы с филологическими фактами, на ос-

новании точки зрения В.И. Даля, ориентирующегося в первую очередь на «достояние народное», а также согласно мнениям других видных исследователей предложены дидактические принципы идентификации пословиц из ряда прочих устойчивых выражений.

Определение места паремии в современной науке связано с возникновением и развитием метаязыка паремиологии, формированием паремиологической терминологии. В настоящем исследовании данный процесс обоснован как логической потребностью создания терминологического аппарата и особенно продуцированием русского термина для обозначения паремии (*притча, присловие, пословие, погудка, присловица, пословка, фразес русская, пословица, поговорка* и т. д.), так и выведением алгоритма разделения разных типов устойчивых структур. Таким образом, возникает необходимость определения пословицы как таковой, в том числе характеристики ее статуса и признаков. При этом важную роль играет диахронический подход к историко-этимологическому анализу паремий. «Непередаваемое качество», или пословичность (по В. Мидеру), определяет основные признаки пословицы как текста и знака одновременно, выделяемые разными исследователями: диалогичность, общеупотребительность, включение в структуру этнолингвомаркёров, традиционность, анонимность, обобщающий характер (и связанная с ним поучительность), краткость, афористичность, образность, «общезнаемость», дидактичность, замкнутость синтаксической структуры, ситуативность (не понятийность) и др. Безусловно, включение тех или иных параметров в паремиологическую структуру вызывает в среде лингвистов споры и исключает однозначность решения проблемных вопросов.

Определение статуса и признаков паремий подводит исследователей к анализу реконструктивных возможностей при изучении паремиологической картины мира. Признание языковой картины мира когнитивно-абстрактной структурой с присущим ей концептуарием позволяет выделить в ней основные аспекты рассмотрения (например, логический, философский и аксиологический аспекты). Паремиологическая картина мира

является неотъемлемым компонентом языковой картины мира и представляет собой специфический носитель кодов культуры, лингвокультурологическое хранилище народного менталитета. Основными способами реконструкции паремиологической картины мира являются словарное и дискурсивное направления, обладающие своими достоинствами и недостатками.

Фиксирование общих закономерностей при воссоздании паремиологической картины мира провоцирует интерес к анализу и частных вопросов, к примеру, таких, как реализация антропоморфной концептосферы в русских паремиях. В данной работе дескриптивные подходы к определению прагматического статуса паремий, содержащих структурный, семантический или структурно-семантический антропоморфный компонент, проиллюстрированы языковыми единицами, извлеченными из лексикографического контента современной филологии. Отмечается теологический характер ассоциативно-образной системы антропоморфизма, поскольку во многих случаях он берет начало в онтологических мировоззрениях архаичных эпох.

Формирование фразеологического пласта любого языка ставит проблемный вопрос о процессе фразеологизации в лингвокультурологическом пространстве. Поэтому было важно осветить этапы вхождения в национальный язык крылатых выражений как компонентов фразеологии, при этом прагматический аспект крылатологии позволяет оценить мотивы, ситуации и цели перехода крылатых выражений в пословицы и обратно. Таким образом, паремии, вмещающие в себя опыт предшествующих поколений, играют значимую роль в становлении лингвокультурных традиций, отражающихся в международном фразеологическом фонде.

Паремиологический фонд языка дифференцируется на «национальный фонд» (лингвистический конструкт – совокупность всех известных пословиц, зафиксированных во всех формах существования за всю историю конкретного языка), «максимум» (множество пословиц, актуальных для различных носителей языка на данном историческом этапе его развития), «эссенциум» (множество пословиц, актуальных для всех носителей

языка в данный период его истории) и «основной фонд» (множество пословиц, актуальных для всех носителей языка на всем протяжении его исторического развития). Внутри «эссенциума» выделяются «минимум» (совокупность наиболее известных и употребительных пословиц) и «оптимум» (множество активных пословиц как основа для определения «минимума»). Внутри «основного фонда» выделяется «паремиологическое ядро» (минимальное количество пословиц максимально активных в употреблении на всем протяжении исторического развития конкретного языка). Определение паремиологического минимума и основного паремиологического фонда языка противопоставлено на основании глобальной антиномии двух планов анализа языковой системы – диахронического и синхронического.

Глава 2

ПАРЕМИИ В ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

«В научной парадигме современной лингвокультурологии давно стоит закономерный вопрос о базовых единицах культуры, воплощенных в языковых значениях, моделях и категориях национального языка» [Радбиль, 2018: 23]. Одним из направлений описания уникального паремиологического материала является аксиологический аспект, который выдвинул опирающийся на идеи антропоцентризма постулат: «Мир человека – это всегда мир ценностей» [Гусев, 1985: 49]. Е. Бартминский считает аксиологический аспект языка достойным внимания сегодня, «так как духовные ценности являют собой “сердцевину” культуры, неразрывно связанную с языком» [Бартминьский, 2005: 38]. В этом ракурсе социум предстаёт как маркер оценки людей, их поведения, поступков.

«Сравнительно-сопоставительная лингвистическая аксиология ставит своей целью определение ценностных констант и ценностных переменных, для чего требуется на материале языковых единиц представить иерархию ценностей в “кресте реальности” (В.Н. Телия)» [Ломакина, Мокиенко, 2018: 305].

2.1. Ценность как категория аксиологии и лингвистики

Любой человек в жизни руководствуется определённой иерархией ценностных ориентаций, которая складывается из отдельных норм и представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо». В прошлом «хорошее» и «плохое» относились философами к разряду тренсцеденталий – наиболее общих

характеристик всего сущего, универсальных свойств бытия, выходивших за пределы аристотелевских категорий. Учение о трансцеденталиях восходит к трудам Фомы Аквинского, который выделял шесть трансцеденталий: сущее (ens), единое (unum), истинное (verum), вещь (res), нечто (aliquid) [Философия, 2004]. Современное понятие ценности значительно расширилось и является предметом изучения аксиологов, психологов, культурологов и лингвистов.

В ряде философских концепций под ценностью понимается особый социальный феномен, являющийся критерием для оценки действий людей, объективной основой оценки предметов и явлений. «Для того чтобы оценить, что является добрым, а что злым, что справедливым, а что нет и т. д., должны существовать определенные критерии, по которым будет произведена оценка. Эти критерии и есть ценности» [Овчарова, 2004: 480]. С точки зрения культурологии, ценности представляют собой совокупность идеалов, принципов, нравственных норм, прав, имеющих приоритетное значение в жизни людей, независимо от их социального положения, национальности, вероисповедания, образования, возраста, пола и т. п. [Человек и общество…, 1996].

Современная аксиолингвистика в ходе решения ряда базовых проблем, в том числе (1) проблемы разработки общей теории аксиосферы; (2) вопросов описания фундаментальных категорий ценности и оценочности с последовательным разграничением ценностного и оценочного компонентов значения; (3) проблемы амбивалентности оценки и поливалентности ценностных репрезентаций; (4) задач по определению семантического и семиологического статуса ценности и т. д., особое внимание обращает на паремии как афоризмы фольклорного происхождения, характеризующиеся рядом когнитивно-прагматических функций, обусловливающих их исключительную силу убеждения.

При всём интересе исследователей к феномену ценностей в языке, до сих пор многое в этом вопросе не изучено и вызывает жаркие научные споры. Лингвисты обращают внимание на

сложность ценности как аксиологического термина. Польская исследовательница Я. Пузынина отмечает, что в общей аксиологии понятие *ценность* имеет чрезвычайно общее значение: «то, что считаем хорошим (или *позитивные ценности*) и то, что считаем плохим (или *негативные ценности*)» [Puzynina, 2014: 10]. Негативные ценности часто обозначаются также термином *антиценность*. Согласно Л.Б. Савенковой, ценность, вероятно, можно определить как «объект разнообразных человеческих желаний и устремлений» [Савенкова 2002: 120]. Е.В. Ничипорчик определяет *ценность* как «относительно устойчивое положительное отношение к объекту, проявляющееся в результате познания его значимых свойств, и сам объект отношения, принятый человеком в качестве ориентира в поведении и деятельности» [Ничипорчик, 2016: 16].

Языковая личность (по Ю.Н. Караулову) формируется под воздействием базовых понятий, стереотипных представлений. Эти стереотипы определённо имеют отношение к ценностям, и устойчивые связи между ними находят выражение в «генерализированных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках, из всего богатства и многообразия которых каждая языковая личность выбирает, “присваивает” именно те, что соответствуют устойчивым связям между понятиями в её тезаурусе и выражают тем самым “вечные”, незыблемые для неё истины, в значительной степени отражающие, а значит, и определяющие её жизненное кредо, её жизненную доминанту» [Караулов, 2010: 52-53]. Для языковой личности свойствен выбор, личное предпочтение одного понятия другому, создание личной иерархии ценностей, которая может не совпадать со шкалой ценностей, господствующей в обществе [Там же].

Современная лингвистика также занимается обсуждением ценностей в языке. По мнению Е. Бартминьского, к вопросу ценностей в языке существуют два противоположных подхода, которые Е. Бартминьский называет резидуальным (дополнительным) и холистическим (системным), базирующимися, соответственно, на структурной и когнитивной теориях языка. Лин-

гвисты, придерживающиеся первого подхода, считают, что ценности входят в язык как отдельный набор языковых фактов, приверженцы второго подхода относят ценности ко всему языку [Бартминьский, 2011: 51]. Работы ряда современных польских исследователей, например [Бартминьский, 2011; Krzeszowski, 1997; Puzynina, 1992; 2014] и др., посвящены изучению ценностей с точки зрения лингвистики. По Е. Бартминьскому, ЯКМ производна от фиксированной явным или скрытым образом системы ценностей, которые связаны с точкой зрения и перспективой взгляда на мир. При этом автор отмечает, что ценности обязательно присутствуют в языке и ЯКМ, но это «не означает, что всё в языке аксиологически маркировано, а означает, лишь то, что ценности всегда каким-то образом присутствуют в языке» [Бартминьский, 2011: 57].

Языковыми единицами, в которых ценности любого народа находят наиболее яркое отражение, являются паремии в целом и пословицы как вид паремики в частности. Это связано с высокой степенью паремиологической концептуализации ценностного смысла материальных или идеальных объектов, которая выступает критерием доминантности соответствующих ценностей в паремиологических картинах мира [Ничипорчик, 2016: 7]. «Инвентаризация языкового (прежде всего паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава» [Ломакина, Мокиенко, 2018: 306].

Пословицы, будучи фрагментами национальной картины мира и являясь воплощением языкового менталитета, участвуют в формировании ценностных установок личности. В них неизбежно отражаются национальные варианты общечеловеческих ценностей, которые являются предметом рассмотрения лингвоаксиологии.

В разное время и в разных языках распространено убеждение в том, что пословицы представляют собой кладезь народной мудрости. Соответственно, *мудрость* фигурирует и в названиях сборников пословиц разных народов. Так, первый немецкий сборник Фридриха Петри, изданный в 1605 г., носил

название *Der Teutschen Weissheit* («Мудрость немцев»). Примеры современных сборников: «Народная мудрость» (2011), составленный В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, или изданный в Латвии в 2007 г. сборник Gudrība ir dzīves pamats: sakāmvārdi un parunas («Мудрость – основа жизни: пословицы и поговорки»). Такое уважительное отношение к пословицам у многих народов сохраняется на протяжении веков. Хотя ещё В.И. Даль отмечал, что в сборнике народных пословиц, «который не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию, именно должны сойтись народная премудрость с народною глупостию, ум с пошлостию, добро со злом, истина с ложью; человек должен явиться здесь таким, каков он вообще, на всем земном шаре, и каков он, в частности, в нашем народе…» [Даль 1862: XXI]. Пословицы пользуются уважением и популярностью по причине того, что в них заключён многовековой народный опыт, передающийся из поколения в поколение. Кроме того, важным представляется аксиологический потенциал паремий, и аксиологически заряженные пословицы в силу востребованности содержащихся в них ценностных ориентиров, как отмечает Т.Е. Владимирова, вовлекают новые поколения носителей языка в «строительство» межличностных отношений [Владимирова, 2018: 68].

Пространство культуры, согласно Ю.М. Лотману, может быть «определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы». Пословицы как тексты культуры не могут рассматриваться в качестве «пассивных хранилищ константной информации, поскольку являются не складами, а генераторами», смыслы культуры в которых не хранятся, а растут [Лотман, 1992: 201-202].

Пословицы часто служат людям для выражения их отношения к определённой ситуации, к другим людям, предметам или явлениям. С помощью пословичных образов человек может показать в конкретной ситуации своё одобрение или неодобрение, выразить своё мнение или отношение, указать на тот или иной ценностный ориентир.

Согласно Е.В. Ничипорчик, с точки зрения оценочных значений пословицы несут три основные функции: 1) отражение и формирование ценностного / антиценностного отношения к объектам материального / идеального мира, убеждений, определяющих направленность человека; 2) отражение и формирование осознанных мотивов деятельности / поведения человека, стимулов, базирующихся на познании причин нацеленности человека на те или иные объекты; 3) отражение и формирование активной позиции в отношении к сущему, ориентации в выборе способа действия / модели поведения [Ничипорчик, 2016: 6]. Таким образом, употребление пословицы в каждой конкретной ситуации может продемонстрировать ценностные ориентации человека, в соответствии с которыми интерпретируется смысл паремии.

Люди имеют разные вкусы, разные политические и философские воззрения, и этот факт зафиксирован в пословицах разных языков (рус. *На вкус и цвет товарища нет*, англ. *Tastes are different* (*Вкусы разные*) и др.) Я. Пузынина считает эту разницу вкусов и взглядов серьёзной проблемой, затрудняющей межличностную коммуникацию, но при этом подчёркивает, что существует «много объектов оценки, которые мы оцениваем одинаково как люди, а точнее, как отдельные личности, принадлежащие общей культуре. Так, все мы ценим здоровье, безопасность, мир, а негативно оцениваем болезни, опасность, войны» [Puzynina, 2014: 11]. Это общечеловеческие ценности, которые позволяют людям договориться друг с другом.

«Общечеловеческая ценность – это некоторое содержание, изучаемое в философии, политологии, психологии, культурологии. С позиции человека, действующего в мире и в обществе, – это содержание, формируемое членом общества, при помощи которого он ориентируется относительно успешности / неуспешности своей целенаправленной деятельности, согласует правила достижения этих целей с ограничениями, существующими в конкретном обществе» [Синячкин, 2010: 74]. В каждом обществе существует специфический набор ценностей [Овчарова, 2004: 480]. П.С. Гуревич считает, что каждая культура

может быть представлена как набор конкретных разделяемых большинством её представителей ценностей, находящихся в определённой иерархии [Гуревич, 2003: 137]. Живя в обществе, человек встроен в некую систему, которая способствует формированию у него собственного набора ценностных ориентаций. Пословичный фонд языка в значительной мере является одним из инструментов формирования иерархии ценностей. В.П. Синячкин подчеркивает, что для лингвиста анализ общечеловеческих ценностей – это, прежде всего, инструмент доступа к содержанию идеальной культуры, зафиксированной и овнешненной при помощи языковых знаков» [Синячкин, 2010: 77]. Согласно В.П. Синячкину, в основе философского определения ценности находится мысль о том, что физические объекты приобретают ту или иную ценность, когда их включают социальные отношения людей, вследствие чего они получают специфическое социальное определение, проявляющее их качества с точки зрения социума [Там же: 42].

2.2. Ценности в паремиологии: критерии выделения, амбивалентность понятия, место в паремиологической картине мира

Говоря о понимании ценностей и трудностях, связанных с неоднозначностью термина *ценность* в аксиологии, Я. Пузынина задаётся вопросом, что следует считать хорошим, а что плохим (положительным или отрицательным). По её упрощённому определению, *хорошее* – это то, что мы хотим, чтобы было, а *плохое* – это то, что мы не хотим, чтобы было [Puzynina, 2014: 11]. Исследовательница отмечает, что в разговорном языке много недопонимания вызывает использование слова *ценности* и по отношению ко всем позитивным ценностям, и по отношению только к высшим, иными словами духовным, ценностям (к которым причисляются ценности сакральные, моральные, эстетические и эпистемологические), за исключением витальных и гедонистических ценностей. Только к таким «избран-

ным» ценностям относится часто используемое выражение «кризис ценностей».

Мы все положительно оцениваем человеческую доброту. Я. Пузынина предлагает разобраться в том, что же значит быть добрым человеком. В самом общем значении *доброту* (*dobroć*) люди оценивают чрезвычайно высоко, в чём нас убеждают строки из стихотворения Циприана Норвида (Cyprian Norwid) «К Брониславу З.» („Do Bronisława Z.”), приводимые польской исследовательницей:

Z rzeczy świata tego zostaną tylko dwie,
Dwie tylko: poezja i dobroć... i więcej nic
Umiejętność nawet bez dwóch onych zblednieje jak papier.

Из вещей этого мира останутся только две,
Две только: поэзия и доброта… и больше ничего
Даже искусное умение без этих двух бледнеет, как бумага.

Я. Пузынина подчёркивает, что значение прилагательного *dobry* (*добрый*) в разных словарях польского языка имеет различные описания значения. Так, “Inny słownik jezyka polskiego” даёт следующее определение слову *добрый*: «тот, кто добр, приветлив к другим людям и готов им помогать». А словарь “Słownik współczesnego jezyka polskiego” под редакцией Богуслава Дуная (Bogusław Dunaj) в значение *доброго* человека включает «мягкость, чуткость и сердечность». В качестве отдельного значения слова *добрый* приводится следующее описание значения: «приверженность моральным нормам, праведность и благородство». Витольд Дорошевский (Witold Doroszewski) к приветливости, готовности помочь, мягкости и сердечности причисляет также «уважительность и дружелюбие». Профессор Лешек Колаковский (Leszek Kołakowski, 1927-2009) в своей книге “Czy Pan Bóg jest szczęśliwy i inne pytania” («Счастлив ли Господь Бог и другие вопросы») писал, что добрыми можно назвать людей всегда «дружелюбных и помогающих другим, свободных от мстительности, зависти и ненависти, никогда не говорящих и не делающих ничего, что могло бы унизить других» [Kołakowski, 2009: 243]. Некоторые исследователи

высказывают мнение о том, что один и тот же человек может быть и добрым, и злым [Jadacki, 2011].

При этом не все элементы значения слова *добрый* представляются одинаково необходимыми, это, по мнению исследовательницы, более или менее условные коннотации такой ценности, как *доброта*. Вполне можно сказать о человеке совсем не мягком, даже в чём-то агрессивном, что он при этом всё-таки добрый. И не всегда добрые люди заслуживают, чтобы их называли праведными или благородными. Я. Пузынина отмечает: «Инвариантные черты доброго человека – в моём понимании – только “дружелюбное отношение к людям, а также готовность к помощи и такая помощь нуждающимся в ней на практике”» [Puzynina, 2014: 12]. При этом довольно трудно установить инвариантные черты понятия *доброта*. То же самое относится и к дружелюбию, великодушию, праведности, благородству и пр.

Этот пример иллюстрирует трудность определения ценностей даже в одном языке. В других языках, элементы, из которых складывается значение, например, понятия *добрый*, могут быть иными. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова «*добрый* – несущий благо, добро, благополучие», а в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой «*добрый* – благожелательный, отзывчивый, готовый помочь людям (противоп.: злой)». Но к этому ещё добавляется второй оттенок значения – охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т.п.; щедрый (противоп.: жадный). «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Кузнецова определяет слово *добрый* как «благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый, готовый помочь людям (противоп.: злой)», а также «выражающий расположение и сочувствие, основанный на желании добра людям, нужный, полезный». А вот в болгарском толковом словаре «Български тълковен речник» слово *добър* (*добрый*) – тот, кто имеет «ценные нравственные качества, мягкий характер и проявляет отзывчивость, сочувствие к другим». В кхмерском языке значение *добрый* передаётся словом *слоут*, которое также имеет компоненты *смирный* и *послушный*, как спокойная корова. Кхмеры любят характеризовать себя этим

словом. В «Кхмерско-русском словаре» Ю.А. Горгониева *слоут* переводится как *послушный и добрый*; а слово *слоут-боут* с этой же семантикой – как *мягкий, добрый*.

Кроме того, как отмечает Я. Пузынина, использование подобных приведённому слов в большой степени зависит от конкретных ситуаций, которые они в какой-то момент описывают, а индивидуальные обобщения их значений зависят от памяти об этих ситуациях, а также от внутреннего мира людей, которые так или иначе интерпретируют эти ситуации. Всё это означает, что очень часто для отправителя и получателя высказывания такие слова не означают одно и то же [Puzynina, 2014: 14]. Это ещё не все проблемы, связанные с понятием ценности *доброта*. Можно допустить, что данная ценность включает в себя весь набор перечисленных качеств. Тогда возникают вопросы, если человек добрый, то в какой степени, в какой ситуации? Если добрый человек всегда помогает, то кому в первую очередь? Есть много нуждающихся в помощи. Например, если человек помогает слабым, то в каком смысле? Родственникам, знакомым или незнакомым? И вообще, польская исследовательница задаётся вопросом: до каких границ должна простираться жертвенность доброго человека как в плане финансов, так и в плане личного времени?

Я. Пузынина подчёркивает, что понятие о том, что значит быть добрым человеком, «зависит от отдельных людей, их возможностей, а также направления их размышлений, и от намерений, которые иногда могут иметь больше связи с пиаром, чем с *добротой.* От индивидуального понимания *доброты* зависят также оценки того, заслуживают ли другие люди звания добрых людей и в какой степени» [Puzynina, 2014: 14]. Как видим, вопросов, относящихся к ценностям и языка ценностей, который является инструментом нашего мышления, пока больше, чем ответов. Данная проблематика требует дальнейшего активного изучения.

Поскольку понятие ценности зависит от отдельных людей и направления их мыслей, эти люди совершенно по-разному могут определять, «что такое хорошо, и что такое плохо». В ра-

ботах Л.К. Байрамовой показывается, что пословицы связаны с системой ценностей и являются амбивалентными [Байрамова, 2014б: 10]. Если принять точку зрения о том, что сами ценности по своей природе амбивалентны, такая связь вполне естественна, поскольку пословицы же можно считать непосредственным отражением ценностей. Л.К. Байрамова отмечает, что современная аксиология, наука о ценностях, вошла и в сферу лингвистики – в лингвоаксиологию, объектом исследования которой стали языковые единицы, репрезентирующие определённые ценности и антиценности [Байрамова, 2014а: 25]. Говоря о семантике фразеологизмов с точки зрения аксиологии, Л.К. Байрамова вводит термин *аксиологема*, под которой подразумевает менторные языковые единицы, которые, выражая определённую мораль, являются общим семантическим знаменателем для афоризмов, пословиц и поговорок, маркирующих одинаковые ценности или антиценности [Байрамова, 2008: 301].Так как ценности принадлежат разным группам людей, они могут вызывать у людей разные, зачастую противоположные чувства, что говорит об их двойственности, амбивалентности.

Люди имеют разные интересы, поэтому часто *хорошее* для одних может быть *плохим* для других и наоборот. Эта амбивалентность оценок находит своё отражение и в пословицах: (рус.) *Что русскому хорошо, то немцу смерть*; (англ.) *One man's meat is another man's poison* (*Что для одного – мясо, для другого – яд*).

Согласно Л.Н. Столовичу, ценности могут носить разный характер – экономический, утилитарно-практический, познавательный, нравственный, общественно-политический, религиозный, эстетический и др. [Столович, 1994: 10]. Например, ценности *деньги* и *богатство* относятся исследователями к экономическим ценностям и также являются амбивалентными. Эксперимент, проведённый В.П. Синячкиным, иллюстрирует эту амбивалентность: *богатство* занимает нейтральное положение по критерию оценки, что можно интерпретировать как амбивалентное отношение к понятию *богатство*. При этом *бедность* однозначно относится к антиценностям [Синячкин, 2010: 53].

М.А. Кулькова разделяет мнение о поливалентности паремиологических единиц, которая объясняется наличием их «аксиологической составляющей и сложной многомерной смысловой структурой» [Кулькова, 2012: 12].

По своей природе пословицы являются оценочными суждениями и отражают оценки различных народов и социальных групп к предметам и явлениям окружающей реальности, к другим людям и их поступкам. Таким образом, в паремиологическом фонде языка отражаются ценностные ориентиры людей. Согласно Е. Бартминьскому, «в антропологическо-культурном исследовании языка, которое главным образом касается познания ментальности определённой коммуникативной общности, носителей некоторой культурной информации, язык рассматривается как источник знания о ценностях, системе принятых оценок и культурных моделях, об идеалах, важных для данного сообщества (народного и не только)» [Бартминьский, 2011: 58]. Пословицы в дискурсе часто служат для выражения ценностных установок человека. В понимании Е.В. Ничипорчик ценностные ориентации представляют собой «регулятивные образования в сознании человека, представленные системой нацеленностей, осознанных стимулов и готовностей действовать» [Ничипорчик, 2016: 16].

Пословичные сборники можно считать справочниками алгоритмов человеческого поведения в соответствии с установками о том, что хорошо и что плохо. Л.К. Байрамова отмечает, что роль аксиологемы, «помимо других аксиологически заряженных единиц языка, фразеологизмов, могут играть и пословицы, выражающие определённую мораль и маркирующие определённые ценности или антиценности» [Байрамова, 2014]. На материале пословиц русского, белорусского, итальянского и немецкого языков Е.В. Ничипорчик установила, что во всех рассмотренных лингвокультурах большое значение придаётся таким ценностям, как *пища*, *здоровье*, *труд*, *дом*, *достаток*, *семья*, *ум*, *язык*, *счастье*, *Бог*. При этом иерархия данных доминирующих ценностей не имеет абсолютного совпадения в рассмотренных языках. Наиболее высокое положение в иерархии

ценностей упомянутых лингвокультур занимают *семья*, *труд*, *ум* [Ничипорчик, 2016: 7].

Ряд лингвистов считает, что, наряду с языковой картиной мира, в языке выделяется ценностная (аксиологическая) картина мира. Согласно В.И. Карасику, в ценностной картине мира существуют наиболее важные для данной культуры ценностные доминанты, совокупность которых и образует определённый тип культуры, который сохраняется в языке [Карасик, 2002: 166-205]. По мнению Е.В. Ничипорчик, ценностные ориентации основываются на «ранжированных представлениях о ценностях и в каждом конкретном случае детерминируют ценностное отношение к объектам материального и идеального мира» [Ничипорчик, 2015: 109]. Пословицы как оценочные суждения играют большую роль в межкультурной коммуникации, обеспечивая актуализацию ценностных отношений [Там же: 110].

Согласно Т.Е. Владимировой, исследование межличностного дискурса включает в себя изучение его аксиологического основания, то есть выработанных этносом ценностных установок, представлений и стереотипов регулирования взаимоотношений. Одним из важных источников для реконструкции аксиологии русского межличностного дискурса исследовательница считает «пословицы, поговорки и крылатые слова, в которых нашло отражение русское этническое “поле поведения и активности”» [Владимирова, 2010: 75]. Согласно Д.Б. Кумаховой, границы ПКМ обусловливаются отношением к миру с точки зрения ценностей: «В ПКМ вся ЯКМ определённой лингвокультурной общности трансформируется в идеализированную модель, предполагающую практическую целесообразность определённых действий и их соответствие принятой шкале ценностей» [Кумахова, 2011: 6].

Пословицы охватывают практически все сферы жизни, отличаясь чрезвычайным разнообразием тематики, и только цель употребления даёт возможность объединить их в особую модель мира, выражающую систему предпочтений народа и предписывающую через категорию «оценка» соответствовать принятым стандартам [Кумахова, 2011: 6]. Развивая эту мысль,

М.А. Серегина отмечает, что ПКМ в целом являет собой аксиологическую модель мира [Серегина, 2012]. Представляется, что о полном отождествлении ПКМ с аксиологической картиной мира речь идти не может. Поскольку пословицы отражают определённые жизненные представления, через которые фиксируются и обозначаются ценности [Гуревич, 2010], можно говорить о том, что ПКМ, существующая в языке как часть ЯКМ, определённым образом связана с аксиологической картиной мира и имеет общие зоны пересечения благодаря «аксиологически заряженным» (по выражению Л.К. Байрамовой) паремиям [Бредис, 2017: 37]. Рядом исследователей [Карасик, 2002; Савенкова, 2002; Ничипорчик, 2014] отмечается, что ценностные ориентации непосредственно не выражены в паремиях, поскольку явное назидание и прямая оценка, которая является основанием для ценностного ориентирования, «без апелляции к образу, иносказанию, языковой игре вообще может разрушить гармонию отношений между информатором и реципиентом, лишить высказывание должной воздействующей силы» [Ничипорчик, 2014: 246]. Согласно Е.В. Ничипорчик, ценностные ориентации находят отражение в паремиях благодаря взаимосвязи всех модальных планов и представляют область не выраженных явно, но осознаваемых продуцентами и реципиентами паремий регулятивных образований [Там же: 252].

А. Крикман отмечает привязку паремий к ситуации, приводя в пример интерпретацию эстонской пословицы *Kes kopikat ei korja, see rublat ei saa* (букв.: *Кто не собирает копеек, тот рублей не получит*). Казалось бы, это простое утверждение. Но и здесь не обходится без аксиологии. «Впрочем, – подчёркивает А. Крикман, – мы не можем описать его значение в любой степени без учета прагматических “коннотаций” и аксиологических качеств его главных элементов – *копейки* и *рубля*. Таким образом, мы должны ввести аксиологическое понятие «добро» (good, материальная ценность), рассуждая следующим образом: (1) *копейка* – это деньги; (2) *рубль* – это деньги; (3) деньги – это *добро*; (4) рубль имеет больший номинал, чем копейка; (5) рубль – большее *добро*, чем копейка. Следовательно, далее

мы получаем следующее описание на оценочном уровне: (6) кто не собирает (экономит) менее ценное *добро*, тот не получит более ценного *добра*» [Krikmann, 1974: 4-5]. При этом приведенную пословицу довольно просто понять также и вне контекста, при условии, что известны значения ключевых компонентов *копейка* и *рубль*.

2.3. Ценностная параметризация паремий в свете когнитивно-прагматического подхода

2.3.1. Дидактическая функция и ценностная семантика паремий

Именно статус аксиоматического текста, который в модально усиленной форме выражает стереотипное для национальной культуры мнение, позволяет большинству паремиологов выделять в качестве ведущей когнитивно-прагматической функции пословиц функцию дидактическую. При этом важно отметить, что паремическая дидактика выходит за пределы собственно передачи опыта в его информативной составляющей и мыслится скорее как психосоциальное и лингвоментальное моделирование языковой личности, цель которого – реализация продуктивной для этнокультуры модели стереотипной интерпретации и оценки реалий и систем культуры.

При подобном подходе на передний план рассмотрения выходит стереотипная мораль, транслируемая пословицей и в ходе когнитивно-прагматического описания раскрывающая определённые стереотипы в синергийном взаимодействии ценности и оценки в смысловом пространстве афористического значения.

Дидактика пословиц весьма разнообразна, что обусловлено, в первую очередь, структурно-семантическим типом паремии. Например, *Не клей держит, а фуганок* – пословица с афористическим значением, обобщённость которого проявляется большей частью в формально-грамматическом русле: наблюдается типическая для пословиц безотносительность хронотопа

текста пословицы (время – ‘всегда’, ‘пространство’ – везде, ‘объект/субъект’ – любой), синтаксическая структура высказывания соответствует его основной модальной функции – трансляции аксиомы. Вместе с тем мы не наблюдаем переосмысления денотатов лексических компонентов пословицы, что позволяет отнести её к числу «необразных» по классификации Г.Л. Пермякова. Таким образом, выраженные условия для реализации дидактической функции позволяют передать чёткое указание на приоритет профессиональных действий, пословица выступает как своеобразная «профессиональная» мудрость, сохраняя при этом все ведущие параметры народного афоризма. Аналогичную картину мы наблюдаем в следующих пословицах:

Живи с разумом, так и лекарок не надо;

Говори, да не проговаривайся;

Без толку молитесь, без меры согрешаете;

Живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть стать;

Чего не поищешь, того не сыщешь (не найдёшь);

Не дай бог с дураком ни найти, ни потерять;

Потерял – не сказывай, нашёл – не показывай и др. Дидактика указанных пословиц характеризуется:

1) однозначностью прагматической рекомендации, нацеленной на определённое действие/поступок/состояние;

2) выраженной связью с определённой сферой культуры человека (бытовой, профессиональной, религиозной и т. д.);

3) категоричностью в оценке ценностной составляющей семантики высказывания.

Как мы видим, на дидактику пословицы существенно влияет степень обобщённости значения, напрямую связанная с образным статусом паремического текста. Например, рассмотрим формирование «подтекстовой» семантики в паремиях, обобщённое значение которых характеризуется поликонцептуальностью когнитивного основания и потенциальной готовностью к соотнесению с самым широким спектром жизненных ситуаций, достаточно далеко выходящих за предметно-ситуативный круг, очерченный в денотативном плане пословиц, а также возможностями переосмысления, результат которого

представлен в подтексте пословицы как в результате метафорического переосмысления сущности денотатов, образующих композицию паремического текста:

– *Часто кадят – не успеешь кланяться* – расширение денотативного пространства при условии доминирования в значении сем ‘создают условия’ и ‘благодарить’, соответственно, прагматическая рекомендация ‘не обращать внимания на излишнее усердие людей, если оно требует от тебя слишком большой и неоправданной отдачи’ может распространяться на самый широкий спектр жизненных ситуаций, будучи устойчиво связанной при этом с ценностью «Адекватная благодарность».

– *Либо коня хорошего держать, либо плеть* – расширение денотативного пространства при условии доминирования в значении сем ‘исполнитель’ и ‘орудие манипуляции’ – прагматическая рекомендация в данном случае обусловлена преимущественно логической пропозицией высказывания, которая «проявляет» смысл ‘выбирай одно из двух’ практически независимо от конкретного денотативного наполнения модели и, тем более, независимо от референтной семантики, реализуемой в дискурсе. Поэтому, несмотря на возможно широкий спектр вербализуемых посредством паремии предметных ценностей культуры, будет последовательно реализована и ценность «Умение совершать выбор».

– *Из больших хором не знаем куда попадём* – в данном примере расширение денотативного пространства происходит при условии доминирования в значении пословицы сем ‘комфортное место’ и ‘некомфортное место’, что делает «подтекстовую» трактовку хором достаточно широкой; ценность «Дальновидность» при этом, в зависимости от дискурсивной реализации пословицы, будет вступать во взаимодействие с различными ценностно-оценочными доминантами: от ‘условий жизни/работы/отдыха…’ до ‘судьбы/событий/людского окружения…’.

Таким образом, паремическая дидактика заключается в формировании стереотипных оценок, суждений и алгоритмов осознания действительности, осуществляемом в процессе:

1) восприятия заложенных в семантику пословицы закономерностей осознания окружающего мира;

2) уяснения взаимоотношений и соотношения отдельных ценностных доминант культуры и

3) обучения применению в речи формул модальности, оценочности и эмотивности как факторов репрезентации ценности культуры через их приложение к собственно языковой семантике паремии со всеми нюансами её выражения.

Понимание ценности в данном случае носит выраженный культурологический характер и может быть определено как обобщённый образ значимого для национального сообщества артефакта, концепта, идеи, ритуала и других элементов материальной и духовной культуры.

2.3.2. Аксиологический компонент паремического значения в свете задач когнитивно-дискурсивного моделирования семантики

Выступая в качестве проводников указанных элементов, пословицы не просто метко характеризуют ситуацию, связанную с осмыслением той или иной ценности, а моделируют сферу культуры в соответствии с множеством оценок и полифонией мнений, наличествующих в её традиционной сфере. Получается, что пословица как носитель ценностного содержания выступает в качестве не номинативного, а интерпретирующего средства языка. Соответственно, и само ценностное содержание носит выраженный оценочный характер и воспринимается изначально обусловленным конкретной дискурсивной привязкой, которая имеется непосредственно в речевой коммуникации или предполагается при осмыслении семантики пословицы применительно к гипотетической ситуации общения.

Указанная сложность однозначного прочтения и толкования мнения, выраженного в пословице, в случае отсутствия выраженного контекста ситуации общения и собственно речевого контекста не только вызывает разночтения в отнесении пословиц к той или иной тематической группе [Семененко, 2009: 25],

но и порождает дискуссию при определении рекомендуемой в паремии позиции относительно той или иной ценности культуры. Например, *Мать высоко замахивается, да не больно бьёт* – пословица с конкретной семантикой (афористическое значение характеризуется денотативной обусловленностью), традиционно относимая к тематическим группам «Семья – Родня», «Мать – Отец» по принципу «ключевого слова». В силу достаточной референтности денотата ‘мать’ «вывести» данную пословицу за пределы дискурса о матери крайне сложно, – разве что за счёт метафорического переноса ‘мать – начальница’ или ‘мать – учительница’, и то гипотетически… Вместе с тем «Мать» – далеко не единственная ценность, вербализованная в семантическом пространстве паремии: на уровне логической пропозиции здесь реализована ценность «Истинные намерения», а посредством подтекста – «Любовь», которые в определённом исследовательском ракурсе также могут стать основанием для группировки паремий.

Помимо прочего, актуальность обращения к ценностному компоненту паремической семантики обусловлена ставшим уже традиционным для антропоцентрически ориентированной лингвистики подходом к решению проблем семантики знаков косвенно-производной номинации в системе «Язык – текст – дискурс». Действительно, паремия как синкретичный знак, совмещающий свойства текстемы (языкового знака) и высказывания (дискурсивной единицы), многими особенностями своей речевой реализации обязана именно сочетанию свойств мини-текста со «свёрнутой» смысловой структурой и единицы дискурса, способствующей смыслообразованию в его пространстве.

Синкретичная природа паремий, равно как и их статус текстов культуры, репрезентирующих стереотипные формулы народного мировоззрения (в особенности в оценке традиционных сторон культуры), способствуют выделению исследовательского подхода к моделированию паремической семантики с учётом многоуровневости системы её параметров и с применением когнитивно-дискурсивного подхода, учитывающего такие когнитивно-дискурсивные факторы, как

1) активная когнитивная интеграция в основании значения народного афоризма, обусловленная интенциональным воздействием дискурса и

2) собственно дискурсивно выраженный прагматический смысл высказывания, порождаемый субъективным авторским коммуникативом текста, с одной стороны, и общеязыковым афористическим значением паремии как носителем этнокультурно-стереотипной оценки, с другой стороны.

Подобная методологическая акцентуализация свойств объекта исследования вполне согласуется с общими задачами современной аксиологической лингвистики, которая занимается моделированием и описанием неявных семантических механизмов, выполняющих роль «связующего звена между лексико-семантической оценочной системой и социальным опытом национально-культурного сообщества» [Болотина, Шабашева, 2013: 22].

Применяемый в ходе когнитивно-дискурсивного моделирования ценностной составляющей паремической семантики метод основан на концепции когнитивно-дискурсивного смыслообразования Н.Ф. Алефиренко, который обосновывает синергетическую функцию «смыслопорождающего концепта» как некоей «подвижной» когнитивной единицы, продолжающей свою когнитивную деятельность и по завершении процесса знакообразования – при взаимодействии с топиками и условиями конкретного дискурса, в котором используется её языковой «носитель» [Алефиренко, 2013: 2014].

Иллюстрацией к положению о смыслопорождающем концепте, который играет особую роль как в знакообразовании паремии, так и в процессе её дискурсивной семантизации, может послужить фрагмент анализа когнитивно-прагматического пространства (КПП) «Оптимизм» как парадигмы народных афоризмов, репрезентирующих часть концептосферы с доминирующей ценностью «Оптимизм» в пространстве сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля. Параметры указанного КПП определяются в соответствии с конфигурацией полевой структуры. Ядерное пространство образуется областью верба-

лизации концепта «Надежда» и его синсемантических коррелятов (синсемантический коррелят концепта – это его прагматически обусловленный аспект как следствие когнитивной интеграции, возникающей при коллективном осмыслении взаимосвязи важнейших категорий культуры) [см.: Семененко, 2011: 28-29]. Наиболее репрезентативными для данного материала оказались следующие синсемантические корреляты: «Надежда/Вера», «Надежда/Смирение», «Надежда/Божья милость», «Надежда/Справедливость», «Надежда/Знание жизни». Например:

Не узнав горя не узнаешь и радости – смыслопорождающий концепт «Надежда/Смирение», ценностное содержание ‘оптимизм даётся как осмысление жизненного опыта’;

Худое видали, хорошее увидим, так же как и

Вечёр плач, а заутрене радость – смыслопорождающий концепт «Надежда/Справедливость», ценностное содержание ‘оптимизм – это понимание того, что хорошее и плохое в жизни чередуются’;

Жив бог, жива душа моя, так же как и

Дал бог рыбу, даст и хлеба – смыслопорождающий концепт «Надежда/ Божья милость», ценностное содержание ‘оптимизм находится в системе мировоззрения верующего человека, уповающего на Господа’;

Государева земля не клином сошлась – смыслопорождающий концепт «Надежда/Знание жизни», ценностное содержание ‘оптимизм даётся как осмысление жизненного опыта’;

Удаётся и червячку на веку, так же как и

Придёт солнышко и к нашим окошечкам – смыслопорождающий концепт «Надежда/Справедливость», ценностное содержание ‘оптимизм должен сопровождать каждого, независимо от его статуса и достижений’.

Ближняя периферия обозначенной структуры является следствием вербализации концептов «Счастье» и «Удача» в их различных интегративных связках и характеризуется доминированием содержательных признаков ‘оптимизм как средство адаптации к жизни’ на фоне фактора прагматических смыслов

‘оптимизм там, где душевное спокойствие’ и ‘оптимизм разрушается потерями’, что приводит к достаточно последовательной репрезентации антипода ценности «Оптимизм» – «Фатализм»:

Что с возу упало, то пропало – смыслопорождающий концепт «Удача/Потеря», ценностное содержание ‘оптимизм неуместен в случае потери’;

Что в людях живёт, то и нас не минёт – смыслопорождающий концепт «Удача/Судьба», ценностное содержание ‘оптимизм и фатализм уместны в равной степени, когда мы сравниваем свою судьбу с судьбами других людей’;

Убил бобра, а не нашёл добра – смыслопорождающий концепт «Удача/Несправедливость», ценностное содержание ‘оптимизм неуместен – даже в случае достижения цели может не быть желаемого результата’.

По мере удаления от ядра КПП доминирующая ценность «Оптимизм» из ведущей в моделировании смысловой структуры паремии становится всё менее значимой. В качестве одного из неоднозначно трактуемых примеров рассмотрим пословицу Лучше не свыкаться, чем расставаться, которую в ходе выделения и описания КПП паремий «Оптимизм» мы отнесли к ближней периферии. В приведённой пословице прагматическая оценка как основной проводник ценностного содержания выражается в характеристике значимости для душевного равновесия человека соотношения ‘надежды’ и ‘разочарования’, ‘радости’ и ‘потери’ – соответственно, в паремическом высказывании характеризуется сопутствующее качество «Оптимизма» через его соотношение с процессуальными элементами осмысления ценностей «Надежда» и «Душевное спокойствие». «Надежда» сначала ‘обретается’, затем ‘теряется’, а «Душевное спокойствие» ‘разрушается’, что и действует соответствующим образом на «Оптимизм» как ‘модель поведения и способ мироощущения, при котором человек надеется на благополучный исход событий’. Данный механизм взаимопредставленности ценностей и порождает прагматическую соотнесённость «Оптимизма» с «Душевным равновесием», когда изначальное про-

явление отсутствия «Оптимизма» обусловлено тем, что ‘человек знает – за радостью последует печаль от разлуки’, потому и сберегает «Душевное равновесие».

Смыслопорождающий механизм взаимодействия когнитивного основания значения с коннотацией вербальной формы в ходе знакообразования пословицы совершается в русле когнитивной интеграции фрейма «Встречи – Расставания» в части слота «Сожаление о расставании» с концептом «Скучать/Сожалеть», который в данном случае выступает в качестве смыслопорождающего фактора, ориентируя структуру фрейма на интеграцию концептов «Привычка» и «Разлука». В ходе когнитивной интеграции образуется гештальт «Не радоваться, чтобы потом не расстраиваться», эмоционально-чувственный план которого заключается в попытке соотнести масштабы негативных эмоций в случае расставания с позитивными эмоциями, испытываемыми в процессе общения с приятным нам человеком. Это «зыбкое» чувство в гештальте соединяется с содержательным планом ‘забегать вперёд, предвидеть финал событий/отношений’. При этом выражение ценности «Оптимизм» происходит по принципу «от обратного»: ‘если хочешь надеяться на лучшее будущее – моделируй его сам изначально’.

Таким образом, выявление механизма когнитивной интеграции (его составляющих, смыслоформирующей роли активного концепта и гештальта (в данном случае)) – это значимый аспект когнитивно-дискурсивного моделирования аксиологического компонента паремической семантики. На рассмотренном этапе мы отслеживаем взаимодействие различных ценностных акцентов при осмыслении той ценностной доминанты, которая задана внутренней формой высказывания: Лучше не свыкаться, чем расставаться («Фатализм» как составляющая амбивалентного образа «Оптимизма»).

Анализ КПП, организованного по принципу доминирования определённой ценности, одной из ведущих задач имеет выявление градации проявления ценностной семантики при различных вариантах когнитивной интеграции, что и способствует в конечном итоге преодолению определённой механистичности

в разделении когнитивных доминант на «ценности» и «антиценности».

2.3.3. Аксиолингвистические параметры паремий в фокусе задач моделирования языковой картины мира

Не менее значима для определения аксиологического статуса паремической семантики и функция приоритетного средства моделирования языковой картины мира, на которую указывает Н. Корина [Корина, 2014: 14]. Действительно, картина мира в её лингвокультурологическом понимании – это не просто система отражения представлений человека, погружённого в систему этнокультуры, но и некая мировоззренческая основа для оперирования данными категориями в определённом ценностном русле.

В предварительных исследованиях [Семененко, 2010: 158] мы отмечали, что «отсутствие в пословицах грамматически выраженной иерархии компенсируется иерархией семантической, поскольку обобщенное значение пословицы имеет полевую структуру, ядром которой выступает предикативно выражаемое событие или субстантивно выражаемое положение, догма, а периферией – качественные свойства явлений, объектов и субъектов события или положения, восстанавливаемые из самой логической пропозиции высказывания». Например, в пословице *Не посылай холостого со сватаньем* первичным может оказаться либо определение психологии холостого, либо выражение указания на важность события – сватанья. Важным для выявления иерархических черт паремической семантики является и тот факт, что пословицы «набиты слабыми смыслами», то есть их нельзя понять до конца, не зная ситуации, которую они характеризуют в целом [Зельдович, 1998: 32]. Соответственно, при выявлении спектра дискурсивных смыслов, выражаемых паремией, – например, в пословице *Дурак стыда не знает*, – выявляется сразу несколько позиций актуализации концептуального содержания паремии, которая способна:

1) репрезентировать в качестве ядерного для когнитивной модели высказывания концепт «Дурак», и тогда прагматическое выражение смысла можно сформулировать как рекомендацию ‘узнавать дурака по отсутствию стыдливости’, либо

2) в качестве ядерного репрезентировать концепт «Стыд», а прагматическое выражение смысла в этом случае представляет собой рекомендацию ‘учитывать зависимость человеческой морали от личного интеллекта’.

Формальные параметры, отличающие паремии от фразем, вполне однозначно трактуются в современной лингвистике сообразно с общепринятым пониманием грамматической природы народных афоризмов. Паремии обладают структурной организацией в виде предложения и относятся к синтаксическим единицам [Галло, 2013: 290], потому что, во-первых, они являются одним из средств формирования, выражения и сообщения определенной мысли, передачи эмоций и чувств человека. Во-вторых, паремии выполняют коммуникативную функцию, так как являются одним из средств общения людей. И, в-третьих, им свойственны такие признаки предложения, как смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность и коммуникативная задача [Русская грамматика, 1980: 84-85]. Вместе с тем природа когнитивно-дискурсивных различий фразем и паремий определяется по менее формализованной и более «многоходовой» схеме. Причина этого – собственно коммуникативная природа паремий, которая теснейшим образом связана с их функционально-семиотической ипостасью, то есть той отправной точкой, которая и определяет жанровую специфику паремий как фольклорных мини-текстов.

Среди обозначенных функций выделяются те, которые актуальны для всех разновидностей паремий и потому могут считаться параметрами их разграничения с собственно фразеологизмами. Так, в процессе провербиального воплощения дискурсивного смысла паремии выполняют целый ряд культурно обусловленных функций: в коммуникативно-прагматическом аспекте, прежде всего, функции регулятивную и дидактиче-

скую, а в лингвокогнитивном – функции смыслообразования и стереотипизации. Когнитивные функции реализуются благодаря закодированным в народных афоризмах выработанных веками и хранимых этноязыковым сознанием жизнесмысловых стратегий. Прагматические же функции паремий проявляются в их способности выражать своими аксиологическими смыслами [Sitarski, 2009: 497] тот или иной социокультурный идеал коммуникантов.

Общая специфика контекстуального включения паремии заключается в том, что она не может рассматриваться как элемент синтагмы в его классическом понимании, – паремия всегда цитируется: прямо или косвенно, непосредственно или аллюзивно, с сохранением внутреннего грамматического «каркаса» или в процессе существенной трансформации, – в любом случае именно цитируется, что неизбежно с учётом её природы прецедентного бытования. Характер цитирования паремии может быть по-разному оформлен, но суть его обусловлена не включением в структуру предложения, а синергетическим взаимопроникновением фреймовой основы паремического высказывания в соответствующий фрагмент когнитивного конструкта контекста.

Например, в беседе журналистов со старшим духовником Московской епархии, настоятелем Покровского храма в подмосковном селе Акулово, протоиереем Валерианом Кречетовым, вспоминается пословица библейского происхождения *В чужом глазу сучок видит, а в своём и бревна не замечает*, которая «вплетается» в текст рассуждения о природе человеческого греха: *Когда мы видим в человеке недостаток, тот факт, что мы этот недостаток замечаем, значит, что грех этот есть и в нас. Вы помните про сучок в чужом глазу и бревно в своём? Что это такое, этот сучок? Сучок растёт на бревне, а бревно – это страсть. Сучок – это грех, он есть конкретное проявление страсти. Но если вы не знаете, что это за дерево, что это за бревно, то вы никогда и не догадаетесь, что это именно за сучок! Как принято говорить: каждый понимает в меру своей испорченности* (URL: http://www.nsad.ru/articles/

ispoved-ne-roman-a-borba). Данный пример иллюстрирует такую дискурсивную функцию пословицы, как ***полемикообразующую***. Под данной формулировкой мы понимаем способность паремии через apriori подразумеваемую связь выраженного в ней умозаключения со всей логико-прагматической структурой паремического фонда языка порождать дискуссию относительно:

1) трактовки различных компонентов умозаключения;

2) их ситуативной соотносительности;

3) мировоззренческой вариантности подразумеваемой прагматической рекомендации;

4) актуальности;

5) выбора оценочного ориентира прочтения ценностно-смыслового субстрата и т.д.

В рассмотренном контексте наблюдается семантизация лексических компонентов пословицы как неких вербальных символов культурных установок и ментальных ассоциаций. Переосмысление вербального содержания *сучка* и *бревна* как элементов мирового «Древа греха» в данном случае актуализирует следующую конфигурацию фрейма «Грех»: слот «Взаимосвязь всего греховного» как доминирующий вектор взаимодействия концептов «Осознание собственной греховности» и «Покаяние» под влиянием когнитивной оси «Своё – Чужое». Именно эта когнитивная «связка» обусловливает подобный аспект вербализации фрейма «Грех» – в сценарии «Греховность как форма осознания греха». Абстрактный характер нарратива в данном случае возможен во многом благодаря чётко выраженному во внутренней форме паремии сюжету, – по сути, соотнесения с конкретными примерами из жизни автору речи и не требуется, паремическая «капсула» сюжета вполне органично вписывает его в контекст общефилософских рассуждений.

Другой тип дискурсивного включения той же пословицы видим на страницах оппозиционного интернет-ресурса «Рабочий путь» в публикации, критикующей позицию российской власти относительно вооружённого конфликта на Донбассе: *Напуганные угрозой фашизма, но не понимающие его истинной*

сущности, они [оппозиционеры, приветствовавшие поддержку ополченцев Донбасса российскими властями] *искали того, к кому можно было бы спрятаться под крылышко от надвигающейся опасности. И нашли себе такого «защитника» в лице российской буржуазной власти. А вот то, что этот «защитничек» сам сто очков вперёд даст бандеровцам и украинской правой оппозиции, дорвавшейся сейчас на Украине до власти, по части угнетения собственного населения страны, это российскими левыми и «коммунистами» как-то в расчёт не принималось.*

Ведь и вправду гораздо ***спокойнее искать соринки в глазах у соседа, упорно не замечая того, что годами (!!!) творится у тебя под носом****, тем более что «особо зорких» российская власть по головке не гладит. Не потому ли редкий левый ресурс, даже из тех, что гордо заявляют о своей крайней революционности, рискнёт напечатать у себя какой-либо материал, касающийся темы терроризма и событий, происходящих на Северном Кавказе?* (URL: https://work-way.com/v-chuzhom-glazu-sorinku-vidim-v-svoem-brevna-ne-zamechaem).

В данном контексте образ *соринки в глазах соседа* настолько самодостаточен, что не требует апелляции к *бревну*. Объясняется это высокой степенью автономности косвенно-производно закреплённого за паремией содержания, которое в процессе определённой фразеоконденсации отдельных компонентов (*соринка в глазу*, *бревно у другого*) формирует фунционально самодостаточные фразеоформы. Работает на это, справедливости ради стоит отметить, и прозрачность соотнесения данных компонентов пословицы со смыслом исходного образа, который даже при недостаточной осведомлённости о сути сюжета (библейского) очевиден для носителей языка.

Частотным приёмом дискурсивного включения паремий является эксплуатация их в качестве заголовка. Например:

В чужом глазу соринку видим, в своём бревна не замечаем…

О, как нам не даёт покоя эта ***соринка*** *особенно, если она* ***в глазу*** *любимого мужчины. Знакомая ситуация неправда ли?*

Мы рисуем в своём воображении идеального, красивого и сексуального партнёра и потом начинаем разбирать по косточкам, тот экземпляр, который нам попался в реале. И никуда же не деться от этих соринок, они так и режут глаз! Боже, как ужасно он ест, да он же чавкает, а храпит-то как по ночам!!! (URL: http://www.astromeridian.ru/exclusive/188.html). Заголовок-пословица не только служит сюжетной «рамкой» для озаглавленного текста, но, по сути, настраивает «фокус» оценочно-прагматического для восприятия читателем авторских интенций. Аналогичную картину ценностно-смыслового доминирования заголовка-паремии обнаруживаем и в тексте интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова телеканалу RTVI (URL: http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=29016), озаглавленном аналогичным образом: «В чужом глазу соринку видим, а в своём бревна не замечаем». В интервью вся освещаемая информация структурируется с учётом выражаемой прагматической установки ‘сами ещё хуже’, а заголовок в виде прецедентной фольклорной единицы только усиливает эффект оценочно-прагматического воздействия. Аналогичная картина и в следующей статье с заголовком «В чужом глазу соринку видим, в своём бревно не замечаем???»: *Кондолиза Райс возмущена тем, что Путин идёт на третий срок. Я напомню, что Кондолиза Райс – это бывший госсекретарь одной страны, где: растёт и ширится движение «Оккупируй Уолл-Стрит», самый большой госдолг в мире, полицейские ежедневно разгоняют перцовыми баллончиками и дубинками демонстрантов, был спровоцирован нынешний экономический кризис привычкой жителей страны жить в долг и ничего не производить, вчера из автомата Калашникова была обстреляна резиденция президента страны. Я напомню, что эта страна воюет в Афганистане, Ираке и Ливии. Я не уверена в том, что сегодня представители этой страны имеют моральное право диктовать свои условия кому-либо в мире* (URL: http://e-vikyra.livejournal.com/386137.html).

Выявленная нами функционально-жанровая типология паремий [Семененко, 2011: 26-74] показывает, что важнейший

аспект паремической семантики, с которым связана функционально-коммуникативная сущность паремии, – это ситуативная обусловленность её значения. Действительно, ситуативная обусловленность семантики знаков косвенно-производной номинации является своеобразным дискурсивным «зарядом», благодаря которому паремии столь органично включаются в дискурсивное пространство. Сам же феномен ситуативно обусловленной семантики паремий может рассматриваться как следствие фреймовой обусловленности процесса их лингвосемиозиса.

В рамках применения методики когнитивно-прагматического моделирования семантики дискурсивно обусловленного смысла паремий и фразем предлагается рассматривать единицы косвенно-производной номинации как особую разновидность дискурсивного топика – определённый лингвокогнитивный акцент, прецедентную вербализацию какого-либо значимого для концептосферы дискурса фрейма.

В контексте понимания художественного дискурса как самоорганизующейся среды, в которой «авторская истина релятивизируется, растворяясь в многоуровневом диалоге различных точек зрения [Олизько, 2011: 165], функция прецедентного топика предстаёт в особом свете. Прецедентный статус, с одной стороны, и косвенно-производная форма воплощения семантики, с другой стороны, позволяют существенно расширить комбинацию вариантов субъективного прочтения авторского замысла. Фактор интертекстуальности при этом «работает» на расширение смысла, выражаемого паремией или фраземой за счёт фоновых знаний (в том числе и из сфер иных её дискурсивных включений), а также как следствие осознания носителем языка такой функции прецедентного топика, как отнесение заложенной в нём сентенции к «фонду житейской мудрости». Аргументативная функция топика, возникающая как следствие данного отнесения, позволяет ему не просто формировать эпизод с «подвижной» событийной рамкой, но и служить центром некоего смыслового ядра, «точки напряжения» дискурсивного пространства, референтная интерпретация которого и выполняет собственно интердискурсивную функцию – не просто выход

за пределы теста, а своеобразный «прорыв» в пространство иного дискурса.

В случае с паремиями данный прорыв ведёт к взаимопроникновению базовой дискурсивной основы и области паремического дискурса как специфической фольклорно-разговорной среды, аккумулирующей паремические ресурсы и структурированной в соответствии с их ценностно-смысловой ориентацией. Например, паремическое «включение» в контекст обсуждения темы любовных отношений на интернет-форуме «Вместе» (URL: http://tema-vmeste.ru/viewtopic.php?id=744): *Всякий раз, видя название этой темы, я думаю не о том, о чём тут идёт речь. «Лучше не свыкаться, коли расставаться»... когда знаешь, что вместе суждено быть недолго, или знаешь, что почти невозможно быть вместе вообще – то стоит ли «затеваться»? Стоит ли отпускать своё сердце навстречу этому человеку? Понимая, что обернётся всё, скорее всего, расставанием – пошли бы вы на такие отношения? Разум, уберегающий от будущей боли, или чувства, подталкивающие на любовь «здесь и сейчас»? Вот как мне понимается фраза «Лучше не свыкаться, коли расставаться»...* В данном фрагменте ведущий субъективно-авторский коммуникатив организован с опорой на следующие топики-речемы: *вместе суждено быть недолго* (актуализирована категория темпоральности в её концептуальном – отвлечённо-мировоззренческом аспекте); *стоит ли затеваться/отпускать своё сердце* (субъективная модальность как фактор положительной коннотации вербального выражения «Фатализма»); *будущая боль*, противопоставленная *любви «здесь и сейчас»* как антитетическая модель, дублирующая логическую пропозицию паремического высказывания *Лучше не свыкаться, коли расставаться.* Сам же паремический топик в данном случае придаёт обсуждению определённую форму аллюзивной притчи, в которой жизненные закономерности обсуждаются на абстрактном примере человеческих взаимоотношений.

2.3.4. Лингвокультурологический статус ценности в аспекте паремической репрезентации

Помимо рассмотренной нами неоднозначности в толковании ценностного компонента содержания паремии, обусловленной выраженной субъективностью интерпретации, в проблемном поле современной лингвокультурологии выделяется, и тут явно чего-то не хватает... проблема собственно выявления ценностной составляющей паремической семантики, которая во многих лингвокультурологических исследованиях фактически сопряжена с попыткой раскодировки её этнокультурной значимости и нередко смешивается с понятием этнокультурной специфики. Причина подобных исследовательских погрешностей кроется, скорее всего, в безусловном признании пословицы своеобразным «рупором народного мнения», который реализует функцию аккумуляции и ретрансляции норм общественной морали. Кроме того, в силу органической близости событийной основы пословицы и традиционных представлений носителей языка об обыденных сферах их цитирования, паремии не просто внедряют в сознание каждого нового поколения стереотипные представления о важных для культуры аспектах морали и нравственности, но и убеждают нас в практической значимости той или иной ценности, в комплексе раскрывая её утилитарную, с одной стороны, и философскую либо религиозную сущность – с другой. Например,

Не надейся на счастье: не купи коня хромого! – «Счастье/Удача»;

Не всё лови, что плывёт! Не всё уди, что клюёт! – «Счастье в руки идёт». Вместе с тем:

Удача нахрап любит – «Желанное счастье»;

Попытка не пытка, коль спрос не беда – «Халява». При этом не всё зависит от желания и расторопности человека:

Счастье не батрак: за вихор не притянешь – «Удача». Да и не всем «Счастье/удача» суждены:

Не наше счастье, чтоб найти, а наше, чтоб потерять – «Рок/Судьба»;

Деньги идут к богатому, а злыдни к убогому – «Несправедливая судьба» и т. д. Более того, счастье – не самоцель и не обязательное состояние для человека:

Не всё коту масленица, будет и великий пост – «Счастье/Изобилие»;

Не выросла та яблонька, чтоб на неё птица не садилась – «Счастье/Дар божий». В конце концов, всё в руках «Судьбы» и «Бога»:

Кто ныне мал – завтра велик, в ныне велик – завтра мал – «Справедливость»;

И почище нас, да слезой умываются – «Равенство».

Описанный фактор влияния мнения, выраженного в пословице, на формулировки ценностных доминант культуры можно определить как прагматический, в то время как уместно выделить и сугубо лингвокогнитивные факторы паремической семантики, которые способствуют восприятию пословичной морали как безусловно верной. Во-первых, в реальном дискурсе пословица представляет собой речевую реализацию пословицы как текстемы. Под паремической текстемой в данном случае понимается инвариантная модель текста пословицы, план содержания которой представляет собой унифицированное – отвлечённое от дискурсивно обусловленных смыслов – афористическое значение. Благодаря яркой внутренней форме, которая, как правило, характеризует пословицу, её обобщённое афористическое значение имеет структуру не столько высказывания как коммуникативно-речевого события, сколько убеждения как некоего идейно-мировоззренческого «манифеста», благодаря чему паремическое значение реализует достаточно широкую смысловую палитру и без внешнего дискурса. Тем более, что любой подход к интерпретации смыслового пространства текста отдельно от его интертекстовой сущности обусловлен классической лингвистической традицией [Sokolová, 2012: 27; Галло, 2012: 41].

Вследствие реализации перечисленных свойств семантики, пословица (исходно) с опорой на своё обобщённое значение репрезентирует ту или иную ценность как некий «идейно-

мировоззренческий» конгломерат, формирующийся непосредственно в её текстовом пространстве как следствие когнитивной интеграции концептов культуры. Например: *В лесу люди лесеют, а в людях людеют* – афористическое значение ‘человеческие качества приобретаются как наглядный опыт, перенимаются от окружающих людей’ реализовано с опорой на внутреннюю форму высказывания, формирующую образ ‘человеческих качеств как прямого следствия человеческого общения’ с помощью окказионального словообразования (*лесеют*, *людеют*); ценностная составляющая паремического значения при этом обусловлена как морфемной тавтологией (*люди людеют*), актуализирующей значимость семантического компонента ‘человечность’, так и лингвокогнитивной пропозицией – собственно когнитивным основанием паремического значения, представленным как интеграция следующих концептов: «Человек» + «Общество» + «Традиция».

Отмеченная концептуальная модель реализуется под воздействием смыслового вектора, когнитивным «толчком» для которого является гештальт «Озверение человека», вербализованный в его энантиосемичной вариации «Очеловечивание потерявшего человечность» с использованием композиционно-грамматического параллелизма *(в лесу лесеют… в людях людеют*). Репрезентированная ценность «Человечность» при этом подразумевается как некий логический вывод из осмысления лингвистической головоломки окказионального словообразования – получается, что законы природы формируют мораль животного мира, а человеческие законы (суть мораль) формируют духовную сущность человека. Интересно, что сам факт разграничения ‘человеческого и животного‘ в пословице выражен имплицитно, на уровне подтекста, а лесеющие в лесу люди, по сути, – аллюзия к звереющим людям.

Таким образом, ценность, репрезентированная в данной пословице, по своему смысловому наполнению существенно отличается от понятия, закреплённого за лексемой *человечность*, которую мы используем в качестве имени соответствующего концепта, подразумевая следующее содержание,

сформированное пословичной текстемой, – ‘свойство, формируемое только в сообществе под действием его законов и традиций’.

2.3.5. Стратификация паремических ценностей в аспекте их лингвокогнитивной сущности

Ещё одной проблемной зоной ценностной паремической репрезентации является неоднозначность подхода к стратификации ценностей, репрезентированных паремиями. Большей частью, классификация ценностей основана на их тематической отнесённости. Примером тому являются исследования Л.К. Байрамовой, которая выделяет более десяти групп ценностей в соответствии с денотативной сферой их характеристики [Байрамова, 2014б: 3]. Вместе с тем для характеристики ценностной составляющей паремической семантики важно учитывать сложные интегративные процессы, протекающие в том числе в аксиосфере конкретной паремии и национального паремического пространства в целом. При этом кажется весьма продуктивным подход к ценности, объективируемой паремией, как к когнитивной единице особого рода, поскольку современный лингвокогнитивный подход в решении спорных вопросов лингвосемиотического статуса допускает весьма широкое толкование когнитивной единицы [Алефиренко, Корина, 2011: 12].

Соответственно, в качестве соответствующего целям реализации задач когнитивно-дискурсивного моделирования ценностного аспекта паремической семантики мы предлагаем подход к определению ценности, объективируемой в языке посредством единиц косвенно-производной номинации (в том числе паремий), как фреймовой структуры, образуемой в ходе когнитивной интеграции текстопорождающих концептов и слотов фреймов в основании паремического значения. С учётом особенностей механизма когнитивной интеграции и степени участия в нём параметров «прагматического фона» (стереотипная установка и прагматическая рекомендация) предлагается выделение следующих групп ценностей как фреймовых структур:

1) безусловные (репрезентируемые как конгломераты концептов с соответствующими денотатами, традиционно получившие высокую оценку в обществе): «Труд / Созидание» – *Кто от своего труда питается, тот каждый день причащается*; «Семья / Поддержка» – *Вся семья вместе, так и душа на месте*; «Здоровье / Удача» – *Главное – здоровье, а дела как погода: то вёдро, то ненастье* и т.д.;

2) «прагматические ориентиры» (стереотипы, следование которым приводит к достижению безусловных ценностей): «Дружба / Верность» – *Добрый друг лучше ста родственников*; «Любовь / Преданность» – *Любовь и малое принимает за великое*; «Выручка / Жертвенность» – *Другого выручишь – себя выучишь* и т.д.;

3) «стереотипы действия» (стереотипы, осознание которых способствует успешной жизни и для выделения которых не требуется согласия всех членов социума, причём само их выделение возможно при осмыслении ключевых мировоззренческих установок этнокультуры, репрезентируемых в афористической форме): «Вера в чудо / Реальность» – *Не родит верба груши*; «Зависть как двигатель прогресса / Гордость» – *Лучше быть у других в зависти, нежели в жалости*; «Наивность / Познание» – *Пытливому наивность простительна* и т. д.

Представленный список не является законченным, поскольку при обозначенном подходе он может быть расширен в соответствии с комплексом исследовательских задач, взятых на вооружение в конкретном случае.

Предлагаемый подход к стратификации ценностей основан на понимании ценности как специфической фреймовой конфигурации, что согласуется с той частью теории фрейма, в рамках которой фреймовая структура признаётся основным способом представленности «признаков, ценностей, структурных инвариантов» [Barsalou, 1992: 23], то есть определяется не только как разновидность когнитивной единицы, а как способ, механизм категоризации действительности. Соответственно, ценность рассматривается нами в ряду речемыслительных эле-

ментов, «структурирующихся фреймами и когнитивными моделями» [Fauconnier, 1994: 27].

В соответствии с изложенным пониманием фреймовой природы ценности исследуемый ценностно-репрезентативный потенциал пословиц обусловлен тем, что данная разновидность паремий репрезентирует ценности в их содержательном аспекте и, что особо важно, с дополнительной оценкой, в которой выражено отношение к данной ценности, уже собственно приводящее нас к рекомендации, выраженной в паремии. Например, *Новая ложка – с полочки на полочку, а состареется – по подлавочью поваляется*: репрезентированные ценности «Новый/Молодой» в аспекте оценки ‘дорог, потому бережётся и демонстрируется’, и «Уважение» в аспекте оценки ‘неуважительно по отношению к старшим’. Когнитивное основание пословицы – поликонцептуальное образование, вследствие чего в её тексте репрезентируется более чем одна ценность, причём, как видно из рассмотренного примера, с оценками различной полярности: ‘молодой/новый – это хорошо, но не уважать старое/долго прослужившее – плохо’.

Поликонцептуальность текста пословицы вполне согласуется с композиционностью её семантической структуры и выявляется при анализе пропозиционной основы высказывания, основанном на принципе его дискурсивной детерминации как обусловленности интенциями говорящего. Собственно дискурсивная интенция и позволяет реализовываться смысловой полифонии пословицы даже при рассмотрении её значения вне дискурса. Например, *Бараньего лба и обухом не перешибёшь*: композиционность семантики данной пословицы обусловлена её свойствами «свёрнутого» текста, в котором сохранены событийные актанты – не перешибёшь (предикативная доминанта) и бараний лоб (объектно-номинативная доминанта).

Соответственно, концептуальная основа данного текста формируется с учётом как минимум двух пропозитивных топиков: характеристики лица, на которое направлено действие (механизм концептуализации основан на кристаллизации содержательных признаков ‘упрямство’, ‘врождённый/исконный’, ‘не

поддающийся влиянию’, ‘не слышащий доводов разума’ и т. д.: концепт «Неуправляемое своеволие»), и характеристики действия (содержательные признаки ‘сопротивление чьей-то воле’, ‘чужое мнение’, ‘перевоспитание’, ‘воздействие’ и т. д.: концепт «Невозможность переубеждения»). Нельзя сбрасывать со счетов и пропозицию обухом не перешибёшь, на основе которой в концептуальное основание значения интегрируется фрейм «Судьба» в части слота с собственно ценностным содержанием – «Иерархия силы».

Интересный ценностный ракурс возникает при сопоставлении данной пословицы с более частотной в современной речевой практике паремией *Плетью обуха не перешибёшь*. В данной пословице пропозиция обуха не перешибёшь вряд ли может быть выделена – более адекватным выглядит следующее пропозиционное членение: плетью обуха (‘слабым сильное’) и плетью не перешибёшь (‘напрасное усилие’). При кажущейся сходной выделенности доминантной ценности «Иерархия силы» в первой пословице стереотипичным посылом является убеждённость в неравнозначности ‘силы духа/характера’ и ‘физической силы’, в то время как во второй пословице стереотипична убеждённость в ‘бесполезности сопротивления слабого’.

Соответственно, в выражении ментального стереотипа как транслируемого пословицей образца оценки ситуации ценность «Иерархия силы», сохраняя свою безусловную содержательную монолитность, задаёт фокус различным прагматическим рекомендациям. Данное явление, на наш взгляд, свидетельствует не столько о поликонцептуальности как об источнике смысловой полифонии, возникающей при использовании пословиц в речи, сколько о вполне самостоятельном когнитивном статусе паремической ценности как некоей когнитивной единицы интегративного характера, содержательно определяемой фреймом пословицы. Соответственно, репрезентированная паремией ценность в качестве когнитивной единицы может рассматриваться не только в одном ряду с такими лингвоментальными образованиями, как концепт, фрейм, сценарий и т. д., но и

в комплексном анализе элементов собственно национальной культуры, к числу которых относится стереотип.

Ещё классики этнологии и этнопсихологии К. Клакхон и Ф. Стродбек подчёркивали значение ценностей как принципов, которые придают стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности при решении общечеловеческих проблем [Kluckhon, Strodbeck, 1961: 48]. Данная когнитивная функция ценности, вне сомнения, не может оставаться в стороне при определении приоритетов современного лингвокогнитивного подхода к моделированию паремической семантики. Тем не менее при всей продуктивности последнего остаётся актуальным ряд вопросов методологического характера, затрудняющих выделение и параметризацию когнитивных единиц и связанных в том числе с определённой терминологической тавтологией в аспекте номинации когнитем.

В современных лингвокогнитивных исследованиях когнитемы (в нашем понимании – лингвоментальные единицы, актуализирующиеся в соответствии с доминантами этноязыкового сознания и структурирующиеся непосредственно в процессе вербализации), которые характеризуются выраженным аксиологическим содержанием, в ходе анализа получают различные терминологические обозначения: «концепт», «ценностный концепт», «ценность», «фрейм», «фразеологический концепт», «лингвокультурный концепт» и т. д. – выбор термина обусловливается, как правило, задачами и материалом анализа. Нас же заинтересовал тот аспект лингвокогнитивного моделирования паремической семантики, при котором ценность рассматривается не как особый вид концепта, а с позиции признания её самостоятельного когнитивного статуса – статуса когнитивной единицы с более «подвижной» структурой, нежели у фрейма (с его логически трактуемыми связками между слотами), и с условной трактовкой содержания (в отличие от концепта, который объективно осмысливается носителями языка).

Данная позиция обусловлена вовсе не стремлением оспорить статус универсального когнитивного термина, уже достаточно давно присвоенный «концепту», а попыткой осмыслить

саму природу ценности – понятия, столь часто упоминаемого, сколь и до сих пор недостаточно описанного. Эта недостаточность выражается и в явной взаимоопределяемости категорий «ценность» и «оценка», что приводит к весьма неоднозначному их разграничению, и в реальной сложности построения оппозиций «национальные ценности» и «общечеловеческие ценности» (слишком много совпадений и субъективных факторов), и в неясности механизма присвоения той или иной лингвоментальной категории статуса ценности в условиях субъективности, условности и противоречивости в оценке культурно значимых фактов и явлений.

2.3.6. Ценностная концептуализация образа дискурсивного события как когнитивный механизм семиозиса паремий

Лингвокогнитивный статус ценности как предмета семантического анализа паремий определяется в русле дискуссии относительно этнокультурной обусловленности языкового сознания, одним из базисных теоретических постулатов которой и является методологический подход, опирающийся на понимание синергетического взаимодействия языка и культуры как трихотомии «язык – познание – культура». При таком подходе предметом когнитивно-дискурсивной лингвокультурологии оказываются языковые механизмы интериоризации знаний, мнений и способов представления объективной действительности, выработанные человечеством в рамках той или иной этнокультуры, их вербализации в виде конституентов (сем) семантической структуры номинативных единиц языка. И в этом плане такого рода системы оказываются творением человеческого разума, продуктом ценностно-смысловой (культурологической, когнитивно-синергетической) интерпретации познаваемой действительности, составляющей содержательную сущность ментальности того или иного народа. В русле предлагаемого понимания ценностно-смысловой потенциал паремий – аспект насколько очевидный (что подтверждается высокой частотностью обращений к своду народной мудрости как источни-

ку сведений о ценностях этноса), настолько и актуальный в плане уточнения следующих проблемных вопросов:

1) самого понятия ценности применительно к паремической семантике;

2) категориально-когнитивного статуса ценности и

3) характера взаимообусловленности функционально-семантической природы паремий различных жанров и дискурсивно-прагматического фактора оценки как когнитивно-прагматического фокуса смыслообразования. При разработке каждого из обозначенных аспектов мы опираемся на понимание ценности как продукта когнитивно-прагматической деятельности, ведущим признаком которой является «привязанность» к стереотипной ситуации. Паремия как этноязыковой носитель ценностно-смыслового содержания выступает не столько в качестве номинативного, сколько интерпретирующего средства языка.

Сам же процесс осознания ценности связан преимущественно с ситуативно обусловленной ассоциацией и, таким образом, относится к числу фреймовых конфигураций. Например, *Гордость въезжает верхом, а возвращается пешком* – фрейм «Гордыня», реализуется в условиях прозрачной внутренней формы событийного характера и в своём актуальном интегративном пространстве выражается в антитетическом балансе концептов «Победа» – «Поражение», и именно в аспекте данной когнитивной интеграции репрезентируется ценность «Скромность / Сдержанность» как прагматически обусловленный смысл, отличающийся от собственно концепта данной выраженной внешней этнокультурной обусловленностью. По сути, сама паремическая формула является залогом этой сложной синергетической связи знания, значения, оценки и характеристики, которая и выливается в то, что мы понимаем как стереотипное выражение ценности.

Основа вышеозначенной гипотезы заключена в понимании процесса смыслообразования, генерируемого в знаках косвенно-производной номинации, в русле современной когнитивно-синергетической теории, в соответствии с которой интерпретация действительности посредством языкового сознания

приводит к трансформации элементов концептуального сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, воплощаются в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры идеальные артефакты – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества [Георгиева, 2012: 219]. Как средства интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания они являются базовыми концептами ментальности. К числу данных идеальных артефактов, на наш взгляд, относятся и ценности, которые наряду с образами и символами образуют ментальную сферу сознания, выполняя при этом не столько национально-специфическую, сколько национально-характеризующую функцию.

Действительно, сам состав ценностей культуры, получающий своё стереотипное воплощение в паремическом составе языка, вряд ли может быть оценен как специфическое образование. Вместе с тем прагматический фокус паремической семантики обеспечивает репрезентированным ценностям ту самую ментально обусловленную оценку, которая и характеризует стереотипную сторону народного мышления, как правило, напрямую не связанную с собственно лексическим значением слов-компонентов, а скорее, мотивированную стереотипным восприятием категорий, обозначенных данными словами. Например, в пословицах *День прошёл – ближе к смерти* и *День долог, а век короток* репрезентирована ценность «Время» в двух её стереотипных моделях прагматической оценки: а) ‘время быстротечно’ и (б) ‘время бесценно’, а пословицы *Будет время – всё минется* и *Вовремя успел, как в иголку вдел* репрезентируют ценность «Судьба/Момент жизни» с оценкой ‘дорог

конкретный момент жизни’ и ценности (а) «Терпение» и (б) «Своевременность действия». Соответственно, лексема *день* в своём обобщённо-темпоральном значении, – кстати, весьма характерном для фольклорного дискурса, – является ключевым фактором реализации внутренней формы, мотивирующей образ ‘этапа жизни человека’, а лексема *время*, в свою очередь, мотивирует образ ‘конкретного момента жизни’.

Исходя из подобного понимания пословица *Все мы говорим, да не всё по говорённому выходит* позволяет рассмотреть следующую поликонцептуальную структуру: антитетический концепт «Желаемое – Действительное» и концепт «Судьба» в их интегративном взаимодействии в составе фрейма «Жизнь» в части слота «Законы жизни». Статус же ценности в когнитивном основании данной паремии имеет «Объективное мышление» – когнитивная единица, стимулирующая синергию внутренней формы исходя из сугубо прагматического назначения высказывания – трансляция этнокультурного стереотипа ‘цени не разговоры, а результат дела’. Таким образом, ценность – результат, по сути, вторичной вербально-когнитивной деятельности, своеобразная рефлексия сознания, опосредованная стереотипом культуры. Можно сказать, что ценность проецирует социальный опыт на образ мышления, выступая в качестве элемента саморегуляции лингвоязыковой синергии.

2.4. Этнокультурные константы в паремиологии: сравнительно-сопоставительное исследование

Одним из принципов изучения ценностных констант в паремиологии является анализ тематически организованных сборников и словарей пословиц. На важность распределения паремий по тематическому (когнитивистскому) принципу при исследовании отражения пословицами реалий окружающего мира и основных концептов национальной и общечеловеческой культуры обращал внимание В.М. Мокиенко, говоря о том, что «концептные доминанты… были детально уложены в прокрустово ложе собраний пословиц и поговорок» [Мокиенко, 2010: 13].

Методика включает следующие этапы: выбор аутентичных словарей русских, французских и английских пословиц по принципу наличия в них тематической классификации или тематического указателя; изучение тематики основных рубрик выбранных словарей, которые прямо или косвенно отражают основные этнокультурные ценности; подсчет количества пословиц в рамках каждой темы, отражающий степень важности каждой выделенной темы (потенциально связанной с определенной ценностью или антиценностью); расположение тем в порядке убывания количества пословиц, что позволяет выстроить общую картину иерархии тем, а следовательно, и ценностей; выявление на основе полученной картины основных ценностных ориентиров представителей каждой из трех сопоставляемых лингвокультур; сопоставительная характеристика ценностных приоритетов носителей русского, французского и английского языков, выявленных на основе анализа тематики пословиц.

Данная методика была апробирована ранее при изучении и сопоставлении иерархии ценностей носителей русского, французского и английского языков [Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019: 223-243; Нелюбова, 2019а: 95-98; Нелюбова, Чертилин, Ершов, 2019: 194-198], носителей французского языка, проживающих в различных франкоязычных странах и регионах [Нелюбова, 2019б: 323-335], в том числе жителей острова Мартиника [Нелюбова, 2019в: 198-208].

2.4.1. Отражение ценностей в русских пословицах

Отражение в русском языковом, в том числе пословичном материале, основных ценностей и антиценностей не раз являлось предметом специальных и сопоставительных исследований. Данная проблематика рассматривалась в трудах О.Б. Абакумовой, К.А. Абульхановой, Л.К. Байрамовой, Х. Вальтера, Т.Е. Владимировой, А.В. Голованова, О.В. Ломакиной, В.М. Мокиенко, Е.В. Ничипорчик, Л.Б. Савенковой, Н.Н. Семененко, В.Н. Телия, Е.В. Урысон и др. Среди основных ценно-

стей и ценностных ориентиров русских обычно выделяют совесть, правду, веру, терпение, семью, любовь, дружбу, добрососедство, коллектив, смелость, решительность, отмечаются идеалы общинности, соборности, коллективизма, сочувственного взаимопонимания, бережное отношение к слову, укорененность в сознании представления о своем «Я» в неразрывной связи с обществом, народом, государством; преобладание нравственного сознания над правовым и недоверие к правовой системе [Владимирова, 2018].

Выбор в качестве источника материала «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова обусловлен не только наличием в нем тематической классификации, но и тем, что он был издан в 1979 г. – в советскую эпоху. В частности, Т.Е. Владимирова подчеркивает «экзистенциальную напряженность данного периода», говоря о разрыве между идеологизированным общественным сознанием и личностным самосознанием носителей русского языка, в то же время совершенно справедливо отмечая долговременную православную доминанту смысложизненных ценностей русских, которые, с одной стороны, гармонизировали бытие, а с другой – задавали опять же его экзистенциальную напряженность [Владимирова, 2018].

На наш взгляд, подобная ситуация демонстрирует некое стабильное состояние напряженности, дискомфорта в сознании русских. Проследить данное явление интересно на материале словаря, относящегося к советской эпохе. Ведь если рассматривать длительный исторический период формирования и развития пословиц, именно в эту эпоху могла произойти действительно серьезная переоценка ценностей, возможно даже более серьезная, чем происходит в настоящее время. Такая переоценка непременно нашла бы отражение при выборе авторами словаря тем при классификации пословиц. Следовательно, мы находим логичным проанализировать сначала словарь, изданный в социалистическую эпоху «перелома» ценностей, а впоследствии обратиться к анализу современных словарей русского

языка, отражающих изменения, имеющие место в настоящем, что даст возможность сравнить то, как зафиксированный в словарях пословичный фонд «реагирует» на последствия двух разных переломных моментов в истории страны. Можно предположить, что значительных изменений не будет обнаружено ввиду «континуумности паремиопространств по вертикали», которая понимается как «межпоколенная преемственность паремиологических единиц», проявляющаяся не только внутри одной лингвокультуры, но и на уровне разных этносов [Ничипорчик, 2016: 37]. Стабильностью в их сознании обладают и сами ценности, что подтверждают различные исследования.

Предположительно, такую стабильность может продемонстрировать анализ выбранного нами словаря, в котором лексикографами было выделено 83 темы, в каждой рубрике приведено от 1 до 12 пословиц.

Полученные данные представлены в виде сводной таблицы, которая объединяет результаты (табл. 1).

Таблица 1

Иерархическое представление тематики русских пословиц

Количество пословиц	**Названия тем**
12	Предостережение: *От добра добра не ищут. Не в свои сани не садись.*
9	Неожиданная неприятность: *Без меня меня женили.*
8	Любовь: *Для милого дружка и сережка из ушка*; надежда, ожидание: *Будет и на нашей улице праздник.*
7	Виновность, расплата: *Быть бычку на веревочке*; причина и следствие: *Как аукнется, так и откликнется*; опытность, мастерство: *Дело мастера боится.*
6	Взаимопомощь, товарищество: *В тесноте, да не в обиде*; дружба: *Старый друг лучше новых двух*; правда: *Шила в мешке не утаишь*; риск, рискованность: *Риск – благородное дело.*

Продолжение табл. 1

5	Болтливость: *Мели, Емеля, твоя неделя;* видимость и сущность: *В тихом омуте черти водятся*; гостеприимство, хлебосольство: *Чем богаты, тем и рады*; жизненные трудности: *Жизнь прожить – не поле перейти*; начало и конец: *Все хорошо, что хорошо кончается*; недостижимое, несбыточное: *Близок локоть, да не укусишь*; своё и чужое: *Своя ноша не тянет*; сходство: *Рыбак рыбака видит издалека*; счастье, радость: *Нет худа без добра*; труд, трудолюбие: *Дела идут, контора пишет*; честь: *Уговор дороже денег.*
Количество пословиц	**Названия тем**
4	Активность, инициатива: *Куй железо, пока горячо*; беда, горе, несчастье: *Беда не приходит одна*; бедность, недостаток *Бедность не порок*; долг, ответственность *Дружба дружбой, а служба службой*; индивидуальность, своеобразие: *В семье не без урода*; опоздание, запоздалость: *Перед смертью не надышишься*; осторожность, предусмотрительность: *Бережёного бог бережёт*; слухи, молва: *Нет дыму без огня.*
3	Выгода: *Овчинка выделки не стоит*; глупость: *Дуракам закон не писан*; дом, родина: *В гостях хорошо, а дома лучше*; избыток, излишество: *Кашу маслом не испортишь*; коллектив, общество: *На миру и смерть красна*; неторопливость, медлительность: *Москва не сразу строилась*; приветствия, пожелания: *Совет да любовь*; своевременность: *Дорога ложка к обеду*; снисходительность, доброта: *Кто старое помянет, тому глаз вон*; сомнение, неуверенность: *Поживём – увидим*; терпение, утешение: *Терпенье и труд всё перетрут.*
2	Жадность: *Как собака на сене*; запасливость: *Готовь сани летом, а телегу зимой*; молодость, неопытность: *Молодо – зелено*; незнание: *Слышал звон, да не знает, где он*; непоследовательность, нелогичность: *В огороде бузина, а в Киеве дядька*; одарённость: *Большому кораблю – большое плавание*; бездействие, беспечность: *На охоту ехать – собак кормить*; подарки: *Не дорог подарок, дорога любовь*; равнодушие, безответственность: *У семи нянек дитя без глаз*; решительность, активность: *Сказано – сделано*; смелость:

Окончание табл. 1

Количество пословиц	Названия тем
	Смелость города берёт; существенное и мелочи: *Не всякое лыко в строку*; удача: *На ловца и зверь бежит*; упрямство: *Горбатого могила исправит*; учение, знание: *Век живи, век учись*; ценность, незаменимость: *Свято место пусто не бывает.*
1	Бережливость: *Копейка рубль бережёт*; боль, огорчение: *У кого что болит, тот о том и говорит*; изобретательность: *Голь на выдумки хитра*; компромисс: *И волки сыты, и овцы целы*; красота: *Коса – девичья краса*; лень: *Под лежачий камень (и) вода не течёт*; любопытство: *Много будешь знать, скоро состаришься*; неблагодарность: *Как волка ни корми, он всё в лес смотрит*; неожиданность: *Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь*; непонимание: *Сытый голодного не разумеет*; обещание: *Обещанного три года ждут*; одиночество: *Один в поле не воин*; потеря: *Что с возу упало, то пропало*; самостоятельность, свобода: *Вольному воля (спасённому рай)*; старость: *Старость не радость*; судьба: *Чему быть, тому не миновать*; ум: *Ум хорошо, а два лучше.*

Отдельно в словаре выделено еще несколько тем, в которых представлены единицы, характеризующие: быт и обычаи русского народа (**47**): *Кашу маслом не испортишь; Любишь кататься, люби и саночки возить* и др.; история страны (**9**): *В Тулу со своим самоваром не ездят* и др.; названия животных, птиц и рыб (**30**): *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; Всяк кулик своё болото хвалит* и др.; названия чисел (**13**): *Бабушка надвое сказала; Беда никогда не приходит одна* и др.

Проведённый анализ и представленные выше данные позволяют прямо или косвенно выявить этнокультурные ценности и антиценности и представить их иерархию. Данный материал, как и ожидалось, не показывает кардинальных изменений ценностных предпочтений русских и демонстрирует их явную ориентацию на ценности **духовные**, а не материальные. Одной из

фундаментальных ценностей является **совесть,** так как больше всего пословиц насчитывается в темах: ***предостережение*** **(12),** ***виновность и расплата*** **(7),** ***причина и следствие*** **(7).** С ними косвенно связаны темы бед и неприятностей, которые могут случиться с бессовестным человеком как наказание свыше или испытание. Для преодоления жизненных трудностей необходимо проявлять **терпение** (**3** пословицы выделены в соответствующей рубрике), которое относится к ценным качествам. Хотя тем **веры** и **Бога** в словаре нет, что объясняется его изданием в советский период, указанные нами разделы и количество пословиц в них свидетельствуют о том, что русский человек боялся и боится наказания Божьего независимо от эпохи. Бесспорную ценность представляют **любовь** (соответствующая рубрика представлена **8** пословицами) и **дружба** (в темах ***взаимопомощь и товарищество***, а также ***дружба*** находим по **6** примеров). Анализ материала показал важность таких ценностей, как **мастерство** и **опытность.** В данной рубрике представлено **7** единиц. Наличие таких тем, как ***молодость, неопытность*** (**2** единицы) и ***незнание*** (**2** единицы), подчёркивают важность мастерства и опыта. Безусловными ценностями для русского человека являются **правда (6** пословиц**), честь (5), слово** как таковое и бережное к нему отношение, о чём свидетельствует **5** пословиц о болтливости, выявляющие отрицательное отношение к данному качеству. **5** единиц представляют рубрику ***счастье, радость.***

В темах ***коллектив, общество, родина*** и даже ***дом*** в словаре приведено всего по 3 пословицы, однако, на наш взгляд, данные понятия можно рассматривать как ценности, так как в них в комплексе получила отражение очень важная черта русского человека – обращённость не к своей индивидуальности, а к другим людям, дух общинности, **приоритет коллективного** перед личным. В доме важны не стены, а ***гостеприимство, хлебосольство*** (**5** единиц). Отдельное внимание авторов словаря к темам ***быт*** и ***обычаи русского народа*** (**47** единиц) и ***история страны*** **(9)** (многие из них повторяются в других темах) свидетельствует о ценности **Родины**. Ориентированность на

коллективное начало подчёркивают две из четырёх пословиц рубрики ***индивидуальность, своеобразие,*** имеющие ироничный и явно отрицательный смысл (*Всяк по-своему с ума сходит* и *В семье не без урода*). Тем не менее, некоторое стремление русского человека к **самостоятельности** находит подтверждение в рубриках: ***решительность, активность*** (**2** единицы), ***смелость*** (**2** единицы)***, риск, рискованность*** (**6** единиц). Важно отметить, что в названиях рубрик данного словаря русских пословиц отсутствует тема ***человек***, хотя совершенно ясно, что всё вращается вокруг него, что все темы отражают его характер, привычки, жизненные ситуации и отношения, многие из которых выражены через метафорические образы животных, птиц и рыб. Такая рубрика в словаре представлена отдельно и включает 30 единиц. Подобная расстановка акцентов в формулировках тем предположительно связана с вышеуказанным приоритетом коллективного перед личным, даже перед самой личностью человека.

Предпочтение духовных ориентиров и некоторая отстранённость от материальной стороны жизни и всего, что её регулирует, как и естественные физические потребности человека, представлены скорее в бытовом ракурсе, а такие рубрики, как еда, здоровье, одежда, деньги или власть, правосудие не выделены в данном словаре в качестве отдельных тем, они прослеживаются лишь эпизодически. На темы ***выгода*** **(3),** ***запасливость*** **(2),** ***бережливость*** **(1)** приходится наименьшее количество пословиц. Отсутствие тем власти и правосудия может объясняться упомянутым выше общим недоверием к правовой системе.

2.4.2. Отражение ценностей во французских пословицах

Основываясь на данных социологического опроса, проведенного в 1999 г., автор книги о ценностях французов [Bréchon 2000] П. Брешон отмечает, что для французов в первую очередь важна **семья**, которая имеет бесспорный приоритет перед **работой**, затем следуют **друзья, досуг** и в самом конце называются **политика** и **религия**. Изменилось восприятие семейных ценно-

стей. Большее значение придаётся чувствам и отношениям, чем семье как институту. Отмечается тенденция к **индивидуализации** в семье, которую не следует путать с индивидуализмом (=эгоизмом). Речь идёт о персонализации ценностей и принципов внутри семьи, при этом каждый их создаёт и «испытывает» в своём ближайшем окружении). Исследователями [Gallard, Roudet, 2014: 259] отмечается интересный факт: французы в возрасте от 18 до 50-60 лет характеризуются относительной общностью системы ценностей, которую можно определить одним понятием – индивидуализация, т.е. тем, что каждый человек свободен в выборе основных жизненных ориентиров. Подобной ситуации не наблюдалось еще 30-40 лет назад, когда разница в ценностных ориентирах молодёжи и более старших поколений была существенной.

Перечислим ряд исследований, в том числе в сопоставительном аспекте, посвящённых основным ценностям французов и концептам, характерным для французской лингвокультуры: французская национальная личность (Н.В. Раппопорт), дружба и вражда (Н.Н. Балбас), добро и зло (Е.А. Богданова), обладание (Е.Ф. Нечаева), время (Т.А. Обухова), вино (П.Г. Логинова), женщина (О.В. Великородных, Е.А. Мензаирова, Ф.Б. Мухутдинова), любовь (В.В. Балабин, Ж.В. Кургузенкова, Г.А. Макарова, Е.А. Мензаирова), маскулинность (Т.М. Белова), семья (Ю.В Железнова), атмосферные явления (Ю.Е. Ломоносова), гастрономия и гурманство (Г.А. Ащенкова, Ж.В. Кургузенкова, Е.В. Плетнева), внутренние органы человека (Н.И. Купина), возраст (Н.В. Крючкова), гостеприимство (Т.В. Захарова), честь (В.В. Балабин, Н.Ю. Субиркина), волшебство (М.В. Ивченко), путешествие (Т.И. Бабуина), эмоциональное состояние человека (Т.А. Новицкая) и др. Работы, в которых бы рассматривались ценности французов и их иерархия в ракурсе их отражения в пословицах, нам неизвестны.

В качестве французского лексикографического источника был выбран «Словарь пословиц и поговорок» 2010 г. под редакцией Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюззони (Издательство Le Robert), в котором пословицы сгруппированы по тематиче-

скому принципу. Исходя из образа, лежащего в основе метафорического переноса, в нем выделена 21 тема (раздел) с подразделами (их количественный и качественный анализ мы рассматриваем в качестве перспективы исследования). В табл. 2 данные об иерархии тем и количестве французских пословиц по каждой теме представлены аналогично тому, как это было сделано применительно к русскому материалу (см. табл. 1). Необходимо отметить, что русские варианты, предложенные в скобках после пословиц, приведенных в табл. 2 и 3 (см. п. 2.4.3 монографии об английских пословицах), являются либо дословным или приблизительным переводом, либо общепринятым русским эквивалентом, так как в наши задачи входила передача общего смысла пословицы, что является вполне достаточным для реализации поставленной цели. Проблема перевода пословиц, как и любой устойчивой языковой единицы, является предметом отдельного исследования.

Таблица 2

Иерархическое представление тематики французских пословиц

Количество пословиц	**Названия тем**
237	Les animaux domestiques (домашние животные): *Il ne faut pas acheter chat en poche (Не нужно покупать кота в мешке)*
214	L'homme: le corps, les actes, la vie (человек: тело, поступки, жизнь): *D'un petit homme souvent grand ombre (Тень невысокого человека часто велика)*
189	Les échanges et les biens (обмен и блага): *L'argent ne pousse pas sur les arbres (Деньги на деревьях не растут)*
151	Le bestiaire (животный мир – дикие животные): *Il faut hurler avec les loups (С волками жить – по-волчьи выть)*
116	La vie domestique (домашняя жизнь): *Maison sans flamme, corps sans âme (Дом без огня словно сердце без души)*
111	La religion (религия): *L'homme propose et Dieu dispose (Человек предполагает, а Бог располагает)*
110	La nature (природа): *Le soleil luit pour tout le monde (Солнце светит для всех одинаково)*

Окончание табл. 2

Количество пословиц	**Названия тем**
105	Conditions et milieux sociaux (социальные условия и слои): *Noblesse oblige (Положение обязывает)*
99	Les relations humaines (человеческие взаимоотношения): *Les amis de nos amis sont nos amis (Друзья наших друзей – наши друзья)*
99	La nourriture, la table (еда, стол): *On ne vieillit point à table (За столом не стареют)*
96	La logique des actions (логика поступков): *Il n'est jamais trop tard pour bien faire (Никогда не поздно всё исправить Букв: сделать правильно)*
93	Le travail de la terre (земледелие): *Il faut semer qui veut moissonner (Что посеешь, то и пожнёшь)*
92	La communication (общение): *En demandant on va à Rome (Язык до Киева доведёт Букв: до Рима)*
83	Les objets usuels (предметы быта): *Un clou chasse l'autre (Клин клином вышибают букв: гвоздь гвоздём)*
66	Morale et vision du monde (мораль и миропонимание): *Pour vivre heureux vivons cachés (Чтобы жить счастливо, нужно это скрывать)*
62	Le droit et la justice (право и правосудие): *La justice est comme la cuisine, il ne faut pas la voir de trop près (Правосудие как кухня, не нужно к ней слишком приглядываться)*
57	Les voyages (путешествия): *Les voyages forment la jeunesse (В путешествиях закаляются молодые)*
49	La guerre et les armes (война и оружие): *À la guerre comme à la guerre (На войне как на войне)*
47	Les métiers et le monde du travail (ремесла и труд): *Apprenti n'est pas maître (Подмастерье – не мастер)*
42	Le drap et l'habit (бельё и одежда): *La peau est plus proche que la chemise (Своя рубашка ближе к телу Букв: Кожа – ближе рубашки)*
23	Activités intellectuelles (умственная деятельность): *Autant de têtes autant d'avis (Сколько умов (голов), столько мнений)*

Анализ тематики французского словаря также позволил нам прийти к определённым выводам относительно соответствующих этнокультурных ценностей и степени их значимости. В первую очередь, необходимо отметить ориентированность представителей французской лингвокультуры на самого человека, на его **индивидуальность**, личность, жизнь, характер, поступки, здоровье, возраст, взаимоотношения. В комментарии к рубрике ***ремесла и труд*** авторы словаря отмечают присущий французам **индивидуализм** и **приоритет личных интересов**. Тема ***человек*** не только обозначена в словаре, но и насчитывает практически самое большое количество единиц **(214).** Очень большое количество пословиц в темах, связанных с ***домашними животными*** (**237** пословиц) и ***животным миром*** в целом (дикие животные, птицы, рыбы и пр.) **(151)**, объясняется тем, что данные рубрики выделялись авторами словаря исходя из метафорического образа, на основе которого родилась та или иная пословица. Таким образом, все пословицы о животных подчёркивают ценность самого **человека,** косвенно передавая посредством образа всё, что с ним (человеком) связано. Широко представлена рубрика ***обмен и блага*** (**189** единиц), в подрубриках которой среди прочих выделяются ***торговля*** (**41** единица) и ***деньги*** (**19** единиц), что свидетельствует об их важности для французов. Обширна рубрика ***домашняя жизнь***. Она включает 116 пословиц, которые сгруппированы в подрубрики: ***жилище*** **(8),** ***быт, супружество, супруги, хозяйство*** **(53),** ***семейные отношения*** **(27),** из чего можно сделать вывод о ценности **семьи** и семейных отношений. Интересно, что авторы словаря выделяют подрубрику ***женщина, жена*** (**28** единиц). 111 пословиц приведено на тему ***религия***, что было для нас неожиданным, учитывая, что в предисловии к словарю указывается, что французские пословицы носят скорее светский характер, нежели религиозный. Внутри темы отметим следующие подрубрики: ***Бог и дьявол*** (**34** единицы), ***святые*** **(9),** ***церковь*** (**23**), ***грех и ад*** (**10**). Примерно то же количество единиц представлено в темах ***природа*** **(110)**, ***социальные условия и слои*** **(105),** ***еда***

и стол* (99), *человеческие взаимоотношения* (99), *логика поступков* (96), *земледелие* (93).** В рубрике ***общение (**92** единицы) значительное место отводится ***языку*** (**58** единиц), имеется подрубрика ***слово и дело***, что свидетельствует о ценности для французов родного языка и слова. Большее количество пословиц мы ожидали увидеть на темы ***любви, дружбы*** *и* ***трапезы***, но если ***еда и стол*** выделены в отдельную достаточно большую рубрику, то ***любовь*** (**16** единиц) и ***дружба*** (**28** единиц) представлены подрубриками в теме ***человеческие взаимоотношения.*** В теме ***земледелие*** **(93)** выделена подрубрика ***вино, виноградарство, виноделие*** (**34** пословицы), что связано с агрокультурой страны и ценностью именно данной ее отрасли. Оставшиеся темы представлены в сравнительно небольшом количестве, однако также имеют определенную ценность уже в связи с тем, что они представлены в словаре в качестве основных рубрик. Это, в частности, ***право и правосудие*** (**62** единицы, среди которых много единиц с отрицательным значением), интересно, что отдельно приведены такие рубрики, как ***путешествия*** (**57** единиц) и ***белье и одежда*** **(42).** Важны темы ***война и оружие*** (**49** пословиц), ***ремёсла и труд*** **(47)** ***и умственная деятельность*** (минимальное количество – **23** единицы). Проведённый анализ позволяет прийти к выводу о том, что представители французской лингвокультуры в значительной степени ориентированы на **материальные** ценности.

2.4.3. Отражение ценностей в английских пословицах

К изучению английского национального характера с различных точек зрения и, в том числе в сопоставительном ракурсе, обращались в своих трудах Л.К. Байрамова, Дж. Горер, А. Вежбицкая, С.В. Иванова, В.И. Карасик, О.А. Леонтович, Т.В. Ларина, Т.В. Солдаткина, И.А. Стернин, М.В. Цветкова и др. Национальный характер англичан можно охарактеризовать как «сплав разнообразных характеристик поведения людей, но при всей своей аморфности и текучести он отличается трезвым

практическим реализмом, преимущественной опорой на интуицию, а не логические рассуждения, признанием права индивидуума вести себя естественно… явным нежеланием выставляться напоказ, резким неприятием внешнего контроля и стремлением занимать определенную социальную нишу. Будучи реалистами до мозга костей, англичане любят абсурд в виде нонсенса» [Карасик, Ярмахова, 2006: 86].

К наиболее важным концептам культурного мира англичан относят дом, свободу, приватность, здравый смысл, чувство юмора, джентльменство, честную игру, сдержанность, наследие, традицию (М.В. Цветкова), доминантами английского национального характера считаются, помимо указанных выше, законопослушность, вежливость, спортивность, чувство английского превосходства, патриотизм и национальную гордость, отсутствие интереса к другим народам и странам, спокойствие в критических ситуациях, толерантность, уважение к собственности, невмешательство в чужие дела, либерализм в воспитании детей, любовь к садоводству и др. (И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина).

К основным ценностям носителей английского языка (англичан, американцев и др.) обычно относят рационализм, независимость, равенство, индивидуализм, прагматизм, соревновательность, толерантность, эмоциональный самоконтроль, позитивный взгляд на мир и др. Среди наиболее важных коммуникативных ценностей (ценностей, оказывающих непосредственное влияние на коммуникативное поведение носителей английского языка) выделяют, в частности, вежливость, автономию личности («прайвеси»), сдержанность и позитивность [Ишанкулова, 2011].

Лексикографическим источником английского материала послужил «Оксфордский словарь пословиц» (5-е издание), в котором были учтены языковые и экстралингвистические факторы, повлиявшие на развитие англоязычных пословиц и приведены примеры их употребления в литературных произведениях, в том числе современных. Основные статьи словаря пред-

ставлены по ключевым словам со ссылкой на тематический указатель, в котором пословицы сгруппированы более чем в 200 рубриках. Данный указатель послужил основой для проведённого нами анализа тематики англоязычных пословиц (табл. 3). Предлагая перевод приведённых примеров, мы исходили из того же принципа, что и при переводе французских пословиц (см. п. 2.4.2). Полученные данные также представлены в виде таблицы. Рубрики, в которых было выявлено по 10 единиц и менее, представлены частично, а по 5 пословиц и менее в таблицу нами внесены не были, ввиду их минимальной показательности.

Таблица 3

Иерархическое представление тематики английских пословиц

Количество пословиц	**Названия тем**
29	Great and small (большое и малое): *A live dog is better than a dead lion (Живая собака лучше мёртвого льва)*
28	Action and consequence (Поступки и их последствия): *If you play with fire you get burnt (Не играй с огнём – не обожжёшься);* love (любовь): *Love makes the world go round (Любовь заставляет мир вращаться)*; money (деньги): *Money can't buy happiness (За деньги счастье не купишь)*
27	Opportunity (возможность): *Take the goods the gods provide (Бери всё, что Бог даёт)*
26	Ways and means (пути и средства): *Slow but sure (Медленно, но верно)*
25	Appearance (внешность): *The eyes are the windows of the soul (Глаза – зеркало души);* human nature (человеческая природа): *Man is the measure of all things (Человек – мера всего сущего)*
24	Efficiency and inefficiency (эффективность и неэффективность): *Never put off till tomorrow what you can do today (Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня)*

Продолжение табл. 3

Количество пословиц	**Названия тем**
23	Work (работа): *Business before pleasure (Сначала дело, потом – удовольствие / Закончил дело – гуляй смело)*
22	Good and evil (добро и зло): *Where God builds a church, the Devil will build a chapel (Там где Бог возводит церковь, дьявол строит часовню;* misfortune (беда): *Misfortunes never come singly (Беда не приходит одна);* prudence (осторожность): *Forewarned is forearmed (Предупреждён – значит вооружён);* patience and impatience (терпение и нетерпение): *Patience is a virtue (Терпение – добродетель)*
20	Content and discontent (довольство и недовольство): *Something is better than nothing (Лучше хоть что-нибудь, чем ничего);* marriage (брак, замужество, женитьба): *Marriages are made in heaven (Браки заключаются на небесах)*
19	Wrong-doers (дурные поступки): *To err is human (Человеку свойственно ошибаться)*
17	Associates (партнёры): *A man is known by the company he keeps (Скажи мне, кто твой друг, а я скажу, кто ты);* death (смерть): *There is a remedy for everything except death (Есть лекарства от всего, кроме смерти)*
16	Necessity (необходимость): *Who says A must say B (Сказал А – говори Б)*
15	Old age (пожилой возраст): *Never too old to learn (Учиться никогда не поздно)*
14	Ignorance (незнание, неведение): *Ignorance of the law is no excuse for breaking it (Незнание закона не освобождает от ответственности);* poverty (бедность): *When poverty comes in at the door, love flies out of the window (Когда бедность заходит в дверь, любовь вылетает в окно);* speech and silence (слово и молчание): *Speech is silver, but silence is golden (Слово – серебро, а молчание – золото)*

Продолжение табл. 3

Количество пословиц	**Названия тем**
13	Conduct (поведение): *You can't please everyone (Всем не угодишь);* rulers and ruled (власть и народ): *The king can do no wrong (Король всегда прав);* fate and fatalism (судьба и фатализм): *Man proposes, God disposes (Человек предполагает, а Бог располагает);* trouble (неприятности): *Never trouble trouble till trouble troubles you (Не буди лихо, пока оно тихо);* similarity and dissimilarity (сходства и различия): *Like father, like son (Каков отец, таков и сын);* luck (удача): *Lucky at cards, unlucky in love (Не везёт в картах, повезёт в любви);* words and deeds (слово и дело): *Actions speak louder than words (Поступки красноречивее слов)*
12	Action and inaction (действие и бездействие): *The road to hell is paved with good intentions (Благими намерениями вымощена дорога в ад);* business (бизнес): *Business is war (Бизнес – это война);* calendar lore (знания календаря): *Marry in May, rue for aye (Жениться в мае – всю жизнь маяться);* caution (осторожность): *Be careful what you pray for, you might get it (Будьте осторожны в своих молитвах: они иногда сбываются);* experience (опыт): *Experience is the best teacher (Опыт – лучший учитель);* food and drinks (еда и напитки): *You are what you eat (Вы это то, что вы едите);* self-preservation (самосохранение): *Self-preservation is the first law of nature (Самосохранение – основной закон природы);* truth (правда): *Children and fools tell the truth (Правду говорят дети и глупцы);* women (женщины): *A woman's work is never done (Женская работа бесконечна)*
11	Family (семья): *The apple never falls far from the tree (Яблоко от яблони недалеко падает;* circumstances (обстоятельства): *When in Rome, do as the Romans do (В Риме веди себя как римлянин,* русский эквивалент: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят)*; idiosyncrasy (своеобразие/индивидуальные особенности): *So many men, so many opinions (Сколько людей, столько мнений);* possibility and impossibility (возможность и невозможность): *All things are possible with God (С Богом всё возможно);* reputation (репутация): *The devil is not so black as he is painted (Не так страшен чёрт, как его малюют)*

Продолжение табл. 3

Количество пословиц	**Названия тем**
10	Buying and selling (покупка и продажа): *It takes two to make a bargain (Для сделки двоих достаточно)*; employers and employees (работодатели и работники): *No man can serve two masters (Невозможно служить двум господам);* national characteristics / Englishness (национальные характеристики, в том числе англичан): *An Englishman's house is his castle (Дом англичанина – его крепость);* fair dealing (добропорядочность): *All's fair in love and war (В любви и на войне все средства хороши);* health (здоровье): *Laughter is the best medicine (Смех – лучшее лекарство);* home (дом): *There's no place like home (Нет места лучше, чем дом);* tact (такт): *Think first and speak afterwards (Сначала думай, потом говори);* thrift (бережливость): *Take care of the pence and the pounds will take care of themselves (то же, что в русском языке: Копейка рубль бережёт)*; time (время): *Time will tell (Время покажет)*; youth (молодость): *If youth knew, if age could (Если б молодость знала, если б старость могла)*
9	Assistance (помощь): *Two heads are better than one (Одна голова хорошо, а две – лучше);* children (дети): *Out of the mouths of babes… (Устами младенца…);* diligence (усердие): *The early bird catches the worm* (русский эквивалент: *Кто рано встаёт, тому Бог подаёт);* foresight (предвидение/ предусмотрительность): *Hope for the best and prepare for the worst (Надейся на лучшее, готовься к худшему);* future (будущее): *Never say never (Никогда не говори никогда)*
8	Decision and undecision (решительность и нерешительность): *Don't change horses in mid-stream (Коней на переправе не меняют);* discretion (осмотрительность, благоразумие): *One does not wash one's dirty linen in public (*русский эквивалент*: Не выносить сор из избы);* friends (друзья): *A friend in need is a friend indeed (Друг познаётся в беде);* life (жизнь): *Life begins at forty (В сорок лет жизнь только начинается);* providence (провидение, расчёт, предусмотрительность): *Providence is always on the side of the big battalions (Провидение всегда на стороне сильнейших);* risk (риск): *Nothing venture, nothing gain (русский эквивалент: Кто не рискует, тот не пьёт шампанское);* strength and weakness (сила и слабость) *Union is strength (В единении сила)*

Окончание табл. 3

Количество пословиц	**Названия тем**
7	Conscience (совесть): *A clean conscience is a good pillow (Чистая совесть как удобная подушка / С чистой совестью лучше спится);* hunger (голод): *A hungry man is an angry man (Голодный человек – злой человек);* riches (богатые): *It is better to be born lucky than rich (Не родись богатым, а родись везучим);* security (безопасность): self-help (самопомощь): *Every man is the architect of his own fortune (Каждый – сам кузнец своего счастья);* society (общество): *Do as you would be done by (Поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали другие);* success (успех): *Let them laugh than win (Пусть лучше смеются, чем побеждают)*
6	Enemies (враги): *The enemy of my enemy is my friend (Враг моего врага – мой друг);* honesty and dishonesty (честность и нечестность): *When thieves fall out, honest men come by their own (Где вор оплошает, честный человек справится);* good things (хорошее): *The best is the enemy of the good (Лучшее – враг хорошего);* learning (учение): *It is never too late to learn (Никогда не поздно учиться);* politics (политика): *The voice of the people is the voice of God (Глас народа – Божий глас);* pride (гордость): *Pride feels no pain (Гордыня боли не разумеет)*
5	Bribery and corruption (взяточничество и коррупция): *A golden key can open any door (Золотым ключом любая дверь открывается);* honour (честь): *An Englishman's word is his bond (англичанин слово держит);* justice and injustice (справедливость и несправедливость): *Law for the rich and another for the poor (Одни законы – для богатых, другие – для бедных);* tolerance (терпимость, толерантность): *Live and let live (Живи сам и дай жить другим);* value (ценность): *Gold may be bought too dear (Золото иногда обходится слишком дорого)*

Проведённое исследование и данные, изложенные в таблице, показывают, что названия многих тем представлены в виде диад, в которых далеко не всегда одно понятие обозначает ценность, а противоположное – антиценность: не всегда посло-

вицы, связанные с одной крайностью, несут в себе позитивную оценку, а с другой – негативную. Об этом свидетельствует самое большое количество единиц в рубрике ***большое и малое* (29),** что, возможно, отражает терпимое отношение англичан к разнообразию форм и индивидуальных особенностей всего сущего, подтверждаемое также наличием рубрики ***своеобразие*** (**11** единиц). В словаре имеет место даже отдельная тема толерантность (**5** единиц). В темах ***любовь*** и ***деньги*** представлено по 28 пословиц, что позволяет сделать вывод об их ценности. Все пословицы о любви связаны с любовью между мужчиной и женщиной, данная рубрика связана также с темами ***брак*** (**19** единиц), ***семья* (11), *дом* (10), *дети* (9), *свадьба* (6), *жёны и мужья* (4)**. Таким образом, очевидную ценность представляют для носителей английского языка **семья, дом, семейные отношения**. Важность **денег** и **денежных отношений** также отражена в смежных темах: ***покупка и продажа* (10), *бережливость* (10)** и др. Тема ***работа*** представлена 23 пословицами, что свидетельствует о её важности, как и связанные с ней ***бизнес* (12), *работодатели и работники* (10)**. В пословицах также получила отражение отмеченная выше **законопослушность**, причиной которой может быть и **совесть**, и страх перед наказанием. О важности данных качеств свидетельствует очень большое количество пословиц в теме ***поступки и их последствия* (28), *осторожность* (22), *дурные поступки* (19), *совесть* (7), *законы* (5),** которые не всегда справедливы, что также отражено в рубриках ***политика* (6), *взяточничество и коррупция* (5)**. Ценность и антиценность представляет диада **добро** и **зло**, в соответствующей рубрике выявлено 22 пословицы. Во многих пословицах упоминаются Бог и дьявол, однако религия как отдельная тема не выделяется, а в теме ***вера*** находим всего 2 пословицы, зато имеется рубрика ***судьба и фатализм*** (**13** единиц). Важность и ценность самого **человека** также очевидна и наиболее кратко и емко отражена в пословице *Man is the measure of all things (Человек – мера всего сущего)*. Она раскрывается в темах ***внешность*** и ***человеческая природа*** (по **25** единиц), разные возрастные периоды в жизни человека: ***молодость (10), сред-***

ний возраст* (2)** и ***старость* (15)**, которая особенно почитается, как и ***опыт (**12** единиц); здоровье (**10**); его качества, среди которых очень ценным считается **терпение** (рубрика ***терпение и нетерпение*** включает **22** пословицы), важную роль играют ***поведение*** в целом (**13** единиц), ***тактичность* (10), *манеры* (5), *вежливость* (4), *репутация* (11), *добропорядочность* (10).** Интересен факт наличия отдельной темы ***Englishness***, выделяя которую автор отсылает к рубрике ***национальные черты***, куда включены 10 пословиц, 5 из них – об англичанах, как и ряд других: о важности для англичан **чести**, **слова**, не только как данного кому-либо слова, но и ***слова и молчания*** (**14** единиц), и достоинств последнего. Среди человеческих взаимоотношений помимо любви, о которой было сказано выше, ценность представляет **помощь** (9 единиц), **дружба** (***друзья*** – **8** единиц, **враги** – **6**). Раздел **Женщины** представлен как отдельная рубрика, в которой зафиксировано 12 пословиц. В словаре присутствуют также рубрики ***жизнь*** (**8** единиц) и ***смерть* (17),** то есть жизнь, на наш взгляд, тоже может рассматриваться как ценность. Немаловажная роль отводится еде и напиткам (**12** единиц). Таким образом, проведённый анализ показывает ориентированность представителей англоязычных культур и, в частности англичан, на индивидуальность человека, причем именно на ценность данной индивидуальности, как на его духовные, так и материальные ценности.

2.4.4. Сопоставительная характеристика пословичного фонда русского, французского и английского языков с точки зрения отражения в нём основных этнокультурных ценностных ориентиров

Несмотря на бесспорный фактор субъективности, который всегда имеет место при составлении словарей, включённости в них тех или иных языковых единиц и формулировки названий тем, анализ тематических классификаций и указателей в словарях русских, французских и английских пословиц позволил выявить значительные совпадения при обозначении рубрик

(подрубрик), а также их состава, подтверждая уже высказанную исследователями идею о том, что «схожесть составов словарных объединений в разноязычных словарях говорит об идентичности для разных этносов основных жизненных коллизий, в которых проявляется действие поведенческих норм» [Ничипорчик, 2016: 22]. Во всех трёх словарях присутствуют такие рубрики (подрубрики), как: ***любовь, дружба, труд (работа), красота, счастье, правда, судьба,*** различного рода ***жизненные трудности, бедность и богатство, дом, молодость и старость, опыт, ум.*** Ценность ума выражается и через присутствующую во всех трех словарях тему глупости. Вышеуказанные темы могут быть представлены разным количеством пословиц и по-разному. Тема ***дом*** фигурирует в русском и английском словарях, а во французском представлена как ***домашняя жизнь,*** но во всех трёх лингвокультурах очевидна важность и ценность семьи и семейных отношений. В русском словаре тема формулируется как ***дом, родина***. Слово *родина* отсутствует в тематике французского и английского словарей, однако в английском словаре выделена тема ***Englishness***, что, безусловно, указывает на патриотизм и национальную гордость англичан.

Во всех трёх лингвокультурах прослеживается бережное отношение к слову, причём у русских и англичан ценится молчание, англичане и французы проявляют трепетность в отношении к родному языку и к данному им слову. В русском словаре обозначена тема ***обещание,*** представленная лишь одной пословицей *Обещанного три года ждут*, что говорит не только о явной самоиронии, но и важности слова. Тема ***общество*** представлена с различной варьированностью обозначений во всех трёх словарях, однако для русских она раскрывает значимость общественных интересов, а для французов и англичан – социальный статус. Только в русских темах присутствует слово *коллектив*. Используя терминологию Т.В. Лариной [Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017], мы можем чётко проследить на нашем материале отнесённость русской культуры, где коллективные интересы важнее личных, к мы-ориентированной культуре, а французской и английской – к я-ориентированной культуре.

В них очевидный приоритет составляют личные интересы. Во французском и английском материале присутствуют такие темы, как ***пища*** (***еда и стол/еда и напитки***, в русском находим тему ***хлебосольство)***; ***время, здоровье, деньги, власть и правосудие,*** которые в тематике выбранного нами русского словаря отсутствуют. В русском и английском материале присутствует тема ***терпение***, которое, возможно, не так свойственно французам, а также индивидуальность и своеобразие, которое оба этноса принимают, относясь к нему чаще нейтрально, констатируя многообразие мира, разницу форм, содержания и вкусов, которая имеет право на существование (англичане): *so many men, so many opinions (Сколько людей, столько мнений),* та же пословица присутствует и в русском материале в аналогичной рубрике, но русские могут относиться к своеобразию и яркой индивидуальности и иронично: *В семье не без урода; Всяк по-своему с ума сходит*. Только в словаре французских пословиц встретились такие темы, как ***путешествия*** и ***война и оружие***.

Анализ пословиц трёх языков позволил нам прийти к выводу о преимущественной ориентированности русских на **духовные ценности**, а французов – на **материальные**, как и представителей английской лингвокультуры, проявляющих к духовным благам всё же несколько больший интерес, чем французы, однако последний вывод требует дальнейшей верификации.

Необходимо отметить также тот факт, что авторы всех трёх словарей прибегают к формулировке тем в виде диад: ***добро и зло, возможное и невозможное, счастье и несчастье.*** Чаще всего такие формулировки встречаются в словаре английских пословиц, менее часто – названиях подрубрик словаря французских пословиц. Такие диады могут являться прямым или косвенным обозначением ценности и соответствующей антиценности.

Упоминание Бога и дьявола встречается в пословицах всех трёх языков, но не всегда присутствует в названиях тем. В словаре французских пословиц есть рубрика ***религия*** с подрубрикой ***Бог и дьявол***. Отсутствие в словаре русских пословиц

данной темы может объясняться тем, что он был издан в советскую эпоху. В современных словарях данная тема представлена. В словаре английских пословиц есть тема ***вера***. **Вера** в широком смысле и её ценность отражена, тем не менее, в названиях других рубрик: ***добро и зло, поступки и их последствия, судьба, передостережение*** и т.д. Данная тема представляет безусловную важность в выявлении ценностных ориентиров представителей и любого этноса и требует, как и многие другие, более детального исследования.

2.4.5. Представление ценностей в пословицах острова Мартиника

В настоящее время остров Мартиника является одновременно регионом и заморским департаментом Франции. Для современной языковой ситуации острова характерно двуязычие: на Мартинике функционирует французский язык, официальный язык Французской республики и креольский язык местных жителей. Кроме того, существует акролект, который называют «французским региональным», «французским языком Мартиники». Он развивается под влиянием радиопередач на креольском языке, народной музыки, устного дружеского общения, на нем даже написаны литературные произведения. Французский язык для всех цветных жителей Мартиники является вторым родным языком, так как он употребляется во всех ситуациях официального общения, а также в СМИ, где креольский язык занимает очень скромное место. В системе образования приняты учебные программы только на французском языке, однако в 1984 г. во Франции был принят закон о возможности организации дополнительных занятий по креольским языкам. Таким образом, социолингвистическая ситуация на Мартинике характеризуется несбалансированным билингвизмом. На острове развито сельское хозяйство (производство сахарного тростника, рома, банановые плантации) и туризм. Рассмотренные выше исторические, экономические и социолингвистические особенности острова Мартиника не могли не оказать серьезного влия-

ния на формирование ценностных ориентиров его населения, которые, в свою очередь, должны были получить отражение во франкоязычном пословичном фонде жителей острова.

В качестве источника материала был выбран словарь французских пословиц и поговорок Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюзони [Montreynaud, Pierron, Suzzoni, 2010], поскольку он содержит информацию об отнесённости пословиц к различным территориальным вариантам французского языка, в нём представлена тематическая классификация пословиц, на основании изучения которой можно сделать выводы о ценностных приоритетах носителей французского языка, проживающих на острове Мартиника, темы были выделены авторами словаря на основе представленного в пословицах метафорического образа. Мы исходили из понимания того, что чем больше пословиц представлено в рамках той или иной темы, тем более важную роль она играет в сознании носителей языка. Подсчёт количества пословиц в рамках каждой темы позволил представить иерархию тематики пословиц, а следовательно, сделать выводы о степени важности той или иной ценности.

Из 2141 пословиц, приведённых в словаре, выявлено 2018 общефранцузских единиц, остальные пословицы (**123** единицы) имеют пометы, относящие их к различным вариантам французского языка, из которых пословицы Мартиники представлены **54** единицами. Тематика и количественное соотношение единиц выглядят следующим образом: **16** связаны с домашними животными, **11** – с человеком, **6** – с миром диких животных, по **3** пословицы приведено в следующих темах: ***обмен и блага; домашняя жизнь; природа; еда и стол; человеческие отношения,*** по **2** – в разделах ***религия; предметы быта; война и оружие.***

Таким образом, в словарном материале широко представлена тематическая группа ***человек.*** Признано, что в процессе образования различных разрядов фразеологизмов «соматическая лексика является одной из приоритетных для использования. Это объясняется тем фактом, что процесс познания мира ребёнка начинается с познания себя, своего внешнего вида»

[Ломакина, 2006: 431]. Данное положение характерно и для рассматриваемых единиц: в подгруппе ***тело*** в состав пословиц входят разнообразные компоненты-соматизмы: ***ухо, нос, глаза, ноги, руки, пальцы, грудь***, с помощью которых раскрываются различные аспекты жизни и поведения человека, присущие ему черты и чувства. Например, пословица *Une oreille coupée a toujours son conduit (Отрезанное ухо слышать не мешает –* букв.: *У отрезанного уха остаётся слуховой канал)* напоминает о том, что внешность обманчива. В единице *C'est le nez qui reçoit le coup et ce sont les yeux qui pleurent (Бьют по носу, а слёзы из глаз льются)* отражена мысль о том, что испытания, которые выпадают на долю человека, заставляют страдать и его близких, а в пословице *Les épaules aiment le dos à la folie, le dos ne le sait pas (Плечи без ума от спины, а она об этом даже не подозревает*) представлена идея неразделённой любви. Единица *Ce que tu jettes aujourd'hui avec le pied, tu le ramasses demain avec la main (Сегодня пинаешь ногами, завтра собираешь руками*) содержит предупреждение о возможных необдуманных поступках и их последствиях. *Les seins ne sont jamais trop lourds pour la poitrine (Грудь никогда не бывает слишком тяжёлой)* подчёркивает, что всё в природе гармонично. В пословицах той же тематической группы упоминаются физические недостатки людей, например, горб: *Bossu ne voit pas la bosse (Горбатый своего горба не видит); Il ne faut pas 20 ans pour qu'un bossu entre dans un cercueil droit (Горбатого могила исправит.* Букв.: *Горбатому не нужно ждать 20 лет, чтобы лечь в ровный гроб).* Последняя идея о том, что сущность человека редко меняется, выражена также в пословице *Quand tu es né rond, tu ne meurs pas pointu (Родился толстым, толстым и помрёшь (а не угловатым)).* К тому же, по поводу людей с физическими отклонениями существовали предрассудки относительно нечистоты их помыслов [Montreynaud, Pierron, Suzzoni, 2010: 66]. Интересно, что в подгруппе **здоровье** и **болезни** мартиниканских пословиц для выражения идеи о том, что всё в мире устроено гармонично, а Бог, посылая человеку испытания, даёт и силы, чтобы всё преодолеть, упоминается весьма специфическая бо-

лезнь – чесотка – и соматизм *ногти*: *Dieu donne la gale mais il donne aussi les ongles pour la gratter (Бог посылает не только чесотку, но и ногти, чтобы можно было почесаться).* Данные образы говорят об ироничном отношении к подобной гармонии и дарам такого рода, обесценивая Божий промысел. Идея о том, что цель не оправдывает средства, представлена в пословице *Les candélabres coûtent plus cher que l'enterrement (Канделябры стоят дороже похорон)* из подгруппы ***возрастные периоды жизни, смерть***.

Позитивную или негативную оценку человека, его действий и особенностей характера отражают пословицы, представленные непосредственно в теме ***человек***, и в темах, связанных с ***животным миром***, путём использования метафорического образа различных представителей фауны. Это могут быть яркие и экспрессивные образы обезьян, змей, рыб, крабов и насекомых. Например: *A force de caresser son petit le macaque l'a tué (Лаская, макака убила детёныша).* В данной пословице речь идёт об избыточных стараниях, приводящих иногда к трагическим последствиям. Ей соответствует русский аналог: *Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт*, а единица *Tous les poissons mangent les gens, c'est le requin seul qu'on blâme (Все рыбы едят людей, а виновата акула)* вновь возвращает нас к идее о том, что обвиняют всегда одних и тех же. *Tous les crabes connaissent leur trou (Каждый краб свою нору знает)* соответствует русской пословице *Каждый сверчок знай свой шесток.* Единица *Chaque luciole éclaire pour elle-même (Каждый светлячок светит для себя)* выражает распространённую человеческую позицию, в которой каждый действует в первую очередь в своих интересах. Пословица *Serpent qui change la peau est toujours serpent (Змея, сменившая кожу, змеёй останется)* снова передаёт мысль о том, что человеческая сущность не меняется. Наиболее распространённые зоонимы из мира домашних животных, являющиеся одновременно названиями тем соответствующих подгрупп: ***бык*** (**4** пословицы), ***баран*** (**3**), ***коза*** (**1**), ***лошадь*** (**1**), ***собака*** (**5**), ***свинья*** (**3**), ***курица*** (**2**): *Chaque boeuf connaît son piquet (Каждый бык свой колышек знает)* – данная

пословица ещё раз обращает внимание на то, что каждый должен быть на своём месте; *La misère du boeuf n'est pas une peine pour le cheval (Страдания быка – не беда для лошади)* соответствует русской пословице *Сытый голодного не разумеет; Le mouton boit, c'est le cabri qui est saoûl (Пьёт баран, а ягнёнок пьян); La chèvre a mordu les cailloux, les dents du mouton sont tombées (Камни ест коза, а у барана зубы выпадают)* – эти две пословицы снова напоминают о том, что часто страдает не тот, кто виноват; *Les affaires du cabri ne sont pas celles du mouton (У ягнёнка и у барана дела разные,* то есть каждый должен заниматься своим делом*; Il ne faut pas regarder la saleté du cochon pour en manger (Ешь свинину – не смотри на нечистоплотность свиньи); Celui qui mange des oeufs ne sait pas si la poule a mal au derrière (Тот, кто ест яйца, не думает о том (не знает), болит ли у курицы гузка);* пословица *Les poils du chien guérissent la morsure du chien (Собачья шерсть лечит собачьи укусы)* напоминает о том, что подобное лечат подобным*; Là où il y a un os, c'est là qu'on trouve les chiens (Где косточка, там и собака). Le chien n'aime pas la banane et il ne veut pas que la poule en mange (Собака бананы не ест и курам их есть не даёт).* Упоминание банана в последней пословице звучит вполне логично для Мартиники, где их выращивают, а образ собаки в данном случае представляет очень хорошо известный всем образ собаки на сене.

Из **3** пословиц о ***человеческих отношениях*** – **1** единица о дружбе *Petit bol va, petit bol vient, l'amitié reste* говорит о её ценности, о том, что материальные вещи сегодня есть, а завтра их нет, а дружба остаётся – о проходящем характере всего материального и вечности чувств. **2** другие пословицы содержат совет и предостережение, причём в последних снова используются метафорические образы животного (крысы) и птиц (гуся, утки): *Ce que l'oie ne se laisse pas faire, elle ne doit pas le faire au canard (То, что нельзя делать гусю, не делай и утке*) – в данной пословице с помощью наивного образа домашних птиц передаётся известная евангельская мудрость: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой*;* пословица *La vie est un*

plateau de rats (Жизнь – это поднос с крысами) является эквивалентом французской пословицы *La vie est un panier de crabes (Жизнь – это корзинка с крабами)*.

Ценность ***дома*** и ***семьи*** получила отражение в пословицах о домашней жизни и предметах быта. В двух пословицах упоминаются женщины, одна из которых выражает негативное отношение к ним: *L'homme est pour le purgatoire, la femme pour l'enfer (Путь мужчины – в чистилище, а женщины – в ад),* в другой подчёркивается жизнеспособность и стойкость женщины: *La femme tombe sept fois et toujours se relève (Женщина может семь раз упасть, но всё равно поднимется).* Ещё одна пословица из данной тематической группы говорит о качествах матери – о том, что мать всегда оправдает и защитит своё чадо и, если нужно, скроет его недостатки и ошибки: *Une maman est un bon bol à couvercle (Мать – надёжный сосуд с крышкой).* Даже в этих трёх пословицах выявляется более выигрышное положение мужчины, с которого спрос явно меньше, чем с женщины. Кроме того, подчёркивается важность для женщины её материнской ипостаси, об отцовской же речи не идёт. Метафорические образы, связанные с ***предметами быта (котелок*** *и* ***чашка****),* также выражаются важные и поучительные идеи: *Chacun sait ce qui bout dans sa marmite (Каждый знает, что кипит у него в котелке) – Чужая душа – потёмки.* В пословице *Ce n'est pas la tasse felée qui casse (Треснутую чашку не так легко разбить)* выражается восхищение перед стойкостью тяжелобольных людей.

Образы, связанные с войной, являются отпечатком исторических событий – войн, происходивших на территории Мартиники: *Le soldat combat et c'est l'officier qui porte les galons (Солдат воюет, а офицер носит звёздочки на погонах).* Пословица *Tambour lointain n'a pas de son (Дробь барабана издалека не слышна)* указывает на человеческое свойство не верить в опасность, которая далеко, но в то же время и на ожидание опасности.

Яркие и самобытные образы, часто воплощённые в компонентах-фитонимах, используются в пословицах о ***природе,***

отражающих природный код культуры и языка. В рамках данного кода происходит культурное осмысление объектов природы – лесов, гор, полей, деревьев, кустов, травы и пр. В названиях растений воплощаются определённые национальные образы. Например, свой уникальный облик в сознании народа может иметь дерево: *Quand l'acoma est tombé, tout le monde dit que c'est du bois pourri (Когда акома падает, все говорят, что дерево было гнилое).* Акома – это твёрдое жёлтое корабельное дерево, символизирующее стойкость и надёжность. В пословице *Il ne faut pas confondre le coco et l'abricot: Le coco a de l'eau, l'abricot un noyau (Не стоит путать кокос с абрикосом: у кокоса внутри жидкость (*букв. *вода), а у абрикоса – косточка)* поднимается тема ошибочности любых сравнений, но при этом в качестве метафорического образа предлагаются плоды деревьев, произрастающих в южной климатической зоне. Символичны в мартиниканских пословицах также образы огня и золы: пословица *Ce que vous avez perdu dans le feu, vous le retrouverez dans la cendre (Что пропало в огне, найдётся в золе)* напоминает о том, что ничто не проходит бесследно и что тайное всегда становится явным.

По словам Л.Ф. Щербачук и Т.В. Стамовой, «мир пищи оказывается сферой-источником для метафоризации различных качеств человека, его характера, поведения, деятельности. Носитель языка соизмеряет эти качества, характеристики со свойствами самой пищи, её добыванием, обработкой, приготовлением, употреблением» [Щербачук, Стамова, 2018: 317]. В «пищевых» пословицах Мартиники для иносказательного выражения жизненной мудрости упоминаются ***рыба*** (треска) и ***птица*** (курица, индюшка), благодаря чему происходит представление определённого фрагмента национальной языковой картины мира и подчёркиваются гастрономические особенности региона: *Faute de morue, on mange du poulet (Нет трески – ешь курицу); Mieux vaut ta propre morue que le dindon des autres (Лучше своя треска, чем чужая индюшка)* – рус. *Лучше синица в руке, чем журавль в небе; Trop de sel gâte la soupe (Пересол портит суп)* – рус. *Недосол на столе – пересол на спине.*

В одной из двух пословиц о ***религии*** упоминается дьявол, причём он явно является не грозным воплощением вселенского зла, а существом, добавляющим в жизнь свою «ложку дёгтя»: *Il y a toujours un diable pour empêcher la procession de passer (Всегда найдётся дьявол, который помешает процессии пройти),* то есть найдётся кто-нибудь, кто помешает. Интересно, что Бог упоминается только в одной пословице о том, что Бог посылает чесотку – сомнительный дар – и ногти, чтобы чесаться, которую авторы словаря определили в тематическую группу **человек.** *Tous les chapelets ont leur croix (На каждые чётки найдется свой крест).*

Пословицы, представленные в теме ***обмен и блага,*** касаются в основном денег и денежных отношений, что говорит об определённой степени их ценности, однако подчёркивается способность денег быстро заканчиваться и некий страх перед их большим количеством: *Trop de profit crève la poche (Les branches des arbres trop chargés rompent – Будет слишком много денег – карманы отвиснут – Слишком тяжёлые ветки ломаются под плодами); L'argent ne reste pas dans la main de la personne qui sue (Деньги в потных руках не задерживаются); L'argent c'est de l'éther (Il "s'évapore") (Деньги – как эфир: они испаряются)*. Это подтверждает наблюдение М.А. Бредиса о преходящем характере денег: не случайно деньги сравнивают с эфемерным – пухом (рус. *Деньги пух – только дунь на них – и нет*), дымом (нем.: *Geld kommt zur Thür ins Haus und fliegt zum Kamin hinaus – Деньги входят в дом через дверь, а вылетают через камин)*, ветром (лит. Pinigas – vėjo brolis – Деньги – брат ветра); обращают внимание «на круглую форму монет и их способность закатываться куда-нибудь (рус. *Деньга кругла, да покатa – уйдёт*)» [Бредис, 2012: 235].

Таким образом, из 21 темы, выделенной французскими лексикографами в словаре пословиц, пословицы Мартиники были выявлены только в 11. Показательным является и отсутствие в мартиниканских пословицах таких тем, как ***социальные условия и слои, логика поступков, земледелие, общение, мораль и миропонимание, право и правосудие, путешествия,***

ремесла и труд, бельё и одежда и умственная деятельность. Данный факт позволяет предположить, что для носителей французского языка данного региона более важна практическая, бытовая сторона жизни человека, нежели социальная и духовная, предметом интереса и ценности является, в первую очередь, жизнь человека, при этом отсутствует сосредоточенность на трудовой деятельности, возможно, из-за того, что ценность денег сомнительна. Из духовной области важны человеческие отношения, особенно дружба. Вся житейская мудрость передаётся с помощью очень простых и имеющих место в повседневной жизни символов. В целом исторические, социальные, климатические и культурные особенности развития страны вполне объясняют отсутствие пословиц в данных тематических группах.

2.5. Ценностные константы русских паремий: становление и эволюция

Русская паремическая картина мира принадлежит к тем культурным «феноменам сознания» (Ю.М. Лотман), которые восстанавливают в памяти эволюцию сакрального знания о мире и человеке. Действительно, пришедшие из глубины веков «народные афоризмы» (В.И. Даль) хранят сокровенные смыслы, в которых оживает прошлое наших далёких предков. Более того, заданный пословицей энергийный импульс продолжает объединять всех носителей языка и культуры в настоящем и будущем. Ведь наследуя паремическую картину мира и особенности его концептуализации, каждое новое поколение присваивает культурные ценности и то миропонимание, которое сложилось в данном лингвокультурном пространстве.

Проследить развитие этой картины мира на материале дошедших до нас пословиц непросто. Но даже знакомство с эволюцией представлений о смысле жизни и способе бытия русской языковой личности становится своего рода школой познания, а возможно, и самопознания.

Приступая к рассмотрению пословиц как «суждений, приговоров, поучений» (В.И. Даль), за которыми стоит коллектив-

ная народная личность, можно опираться на труды Г.П. Федотова, известного исследователя русской народной веры. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, его работу, посвящённую реконструкции нравственного закона на материале духовных стихов. Анализируя собранные фольклорные тексты, Г.П. Федотов выделил в народном мировосприятии три пласта: натуралистически-родовой, каритативный (< латин. *caritas* ‘уважение’, ‘почёт’, ‘любовь’, ‘признательность’) и ритуалистический [Федотов, 1991: 84–86].

Предложенная классификация отражает целостное народное мировосприятие и поэтому позволяет с достаточной полнотой представить русское паремическое наследие, выявляя в нём фундаментальные константы культуры, а также связанные с ними смысложизненные представления и доминантные установки бытия.

I. Натуралистически-родовой пласт включает пословицы, в которых получили выражение

1) языческие представления о мироздании: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!; Женщина – земля, а мужчина – семена; Государь – батька, земля – матка; Не Земля родит, а Небо; Небо стукнет, на земле слышно; Солнце – князь земли, луна – княжна; Земля-мать подаёт клад; Слухом земля полнится; Рыбам – вода, птицам – воздух, а человеку – вся земля; Земля, вода останутся, а нас не будет; Не всё бьёт, что гремит* и др.;

2) вера в магическую силу земли и заповеди любви к родной земле и дому: *Мать-сыра земля, говорить нельзя!; С родной земли – умри, не сходи; Без хозяина земля круглая сирота; Мила та сторона, где пупок резан; Всякому мила своя сторона; Своя земля и в горсти мила; В чужой земле и весна не красна; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха; И кости по родине плачут; Кто где родится, там и пригодится; Землица с семи могил добрых людей спасает от всех бед; Батьку, матку земля взяла, а нам, деткам, воля своя!; Всякому мертвецу земля гроб; Сказал бы, да печь в хате; В гостях хорошо, а дома лучше; Дома и стены помогают; Не та земля дорога, где медведь живёт, а та,*

где курица скребёт; Всяк кулик своё болото хвалит; Глупа та птица, которая гнездо своё марает и др.

Языческие ценностные установки, наследуемые вместе с языком, представляют собой отличительную особенность национального самосознания, искони связанного с природой, без которой не мыслится жизнь. Поэтому, как писал Г.П. Федотов, «в нравственной сфере это создаёт этику мира, коллектива, круговой поруки» [Федотов, 1991: 171].

II. Каритативный пласт объединяет пословицы, в которых получило выражение христианское осмысление бытия, раскрывающее

1) ценность любви и сердечности: *Нет ценности супротив любви; Милее всего, кто любит кого; Мило как люди людям милы; С милым рай и в шалаше; Милые бранятся – только тешатся; Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается; Сердце сердцу весть подаёт; Мил да люб, так и будет друг; К милому и семь вёрст не околица; Был бы дружок, найдётся и часок; Для милого дружка и серёжка из ушка; Не дорог подарок, дорога любовь; Старая любовь помнится; Забудется милый, так вспомянется; Не мил и свет, когда милого нет; Хоть топиться, а с милым сходиться* и др.;

2) переживания, свойственные любящему человеку: *Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не видит его; Любить тяжело; не любить тяжеле того; Хоть пловом плыть, да у милого быть; Горе с тобою, беда без тебя; Вместе тесно, а врозь скушно; От того терплю, кого больше люблю; Моё сердце в тебе, а твоё в камени; Сердце не камень; Сердцу не прикажешь; Не по хорошу мил, а по милу хорош; Насильно мил не будешь; Любит как волк овцу; Любит и кошка мышку; И любишь, да губишь; О девке худа не молви; На что с тем дружиться, кто охоч браниться; Не дай Бог ссориться, не дай Бог и мириться; Любить не люблю, а отвязаться не могу; Милый не злодей, а иссушил до костей; Любовь зла, полюбишь и козла; Любовь не картошка, не выбросишь в окошко* и др.;

3) значимость семьи, добрых взаимоотношений и ответственности перед семьёй / родом: *Совет да любовь; На что и клад, коли в семье лад; Где лад, там и клад; Вся семья вместе, так и душа на месте; Хозяйкою дом стоит; Материнская молитва со дна моря вынимает; Нет родимого дружка супротив матушки; Всякой матери своё дите мило; В своей семье всяк сам большой; Ласковое теля двух маток сосёт; Каково семя, таково и племя; Яблоко от яблони недалеко падает; Без корня и полынь не растёт; Жена не лапоть, с ноги не скинешь; Жена не гусли, поиграв, на стенку не повесишь; Женитьба есть, а разженитьбы нет; Женишься раз, а плачешься век; Люби брата, что себя; Братская любовь лучше каменных стен; Русский человек без родни не живёт* и др.;

4) заповеди должного отношения между друзьями / соседями: *Нет выше той любви, как за друга душу свою полагать; Сам пропадай, а товарища выручай; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Старый друг лучше новых двух; Друг познаётся в беде; Конь познаётся при горе, а друг при беде; Дружба дружбой, а служба службой; Не в службу, а в дружбу; С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь; У дружных соседей и сохи свились вместе* и др.

В этом контексте обращает на себя внимание отмеченная известным культурологом В.В. Вейдле ориентация русских не на закон, а на взаимоотношения с близкими людьми, которые оценивают самого человека и его поступки безотносительно к установленному правопорядку. «Ничто так не раздражает последовательного западного человека в русском, как пренебрежение логикой ради чего-то, что, может быть, ниже, а может быть, и выше логики, как подмена права и справедливости милосердием и любовным снисхождением к слабостям – своим и чужим» [Вейдле, 1956: 127]. Сделанное наблюдение позволяет предположить, что подобная оценка обусловлена мощным пластом каритативных пословиц.

III. Ритуалистический пласт представлен паремиями, в которых утверждаются

а) заповеди должного бытия: *Жить – Богу служить; Молись, а злых дел берегись; Не бойся никого, кроме Бога одного; Удаляющиеся от Бога погибают; Перед Богом все равны; Все мы под Богом ходим; С Богом не поспоришь; От Бога не уйдёшь; Бог виноватого найдёт; Много званых, но мало избранных* и др.

б) сила веры в Бога: *Вера спасает; Вера и гору с места сдвинет; Тот не унывает, кто на Бога уповает; С верой нигде не пропадёшь; Даст Бог день, даст Бог и пищу; Бог напитал, никто не видал; Без веры живут на этом свете, а на том не проживёшь; Без веры Господь не избавит, без правды Господь не исправит; Всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом; Господня воля – наша доля* и др.

Действительно, Крещение Руси и принятие любви к ближнему в качестве исходного императива бытия преобразили смысл жизни. В итоге языческие представления о могуществе Матери-Земли постепенно уходили в прошлое, вытесняемые христианской религией закона и жертвенного кенозиса (< гр. kenosis ‘самоограничение’, ‘самоуничижение). «Первая, – писал Г.П. Федотов, – дана преимущественно в каноническом уставе Церкви, вторая в живой, непрекращающейся традиции святости» [Федотов, 1991: 119].

Принятие христианских заповедей бытия способствовало постепенному вхождению в речь библейских изречений, которые побуждали к личностному совершенствованию и соработничеству Всевышнему. В качестве примера сошлёмся на следующие пословицы, которые обычно оцениваются носителями языка как исконно русские, поскольку в них выражены ценностные представления и установки, уже укоренившиеся в сознании.

Чувство глубинной взаимосвязи человека с Богом: *Кто рано встаёт, тому Бог подаёт* (Притч. 20: 13); *Бог дал день, даст и пищу* (Мф. 6: 34); *Дайте и дастся вам* (Лк. 6: 38); *Бог дал, Бог и взял* (Иов. 1: 21); *Все под Богом ходим* (Притч. 16: 9); *Человек ходит, а Бог водит; Человек предполагает, а Бог располагает* (Притч. 19: 21); *Бог терпел и нам велел; Без терпенья нет спасенья* (Лк. 21: 19); *Кто к Богу, тому и Бог*

(Притч. 16: 7); *Тот не унывает, кто на Бога уповает* (Притч. 16: 3); *У Бога милостей много* (Пс. 32: 5) и др.

Нравственные взаимоотношения с Другими: *С кем поведёшься, от того и наберёшься* (Притч. 22: 25); *Всё можно, да не всё нужно* (1 Кор. 6: 12); *Как аукнется, так и откликнется* (Лк. 6: 38); *Что посеешь, то и пожнёшь* (Гал. 6: 7); *Кто сеет ветер, пожнёт бурю* (Ос. 8: 7); *Кто не работает, тот не ест* (2 Фес. 3: 10); *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7: 1); *Не ищи соринку в чужом глазу* (Мф. 7: 3); *Не радуйся чужой беде: своя на гряде* (Притч. 24: 17); *Не рой другому яму – сам в неё попадёшь* (Притч. 26: 27); *Не хвали сам себя, есть получше тебя* (Притч. 27: 2); *Над другим посмеёшься, над собой поплачешь* (Притч. 17: 5); *Не лезь на рожон* (Деян. 9: 5); *Шила в мешке не утаишь* (Мф. 10: 26); *Лучше давать, чем брать* (Деян. 20: 35); *Нет веры без дел добрых* (Иак. 2: 26); *Добрая слава лучше богатства* (Притч. 22: 1); *Всякая неправда – грех* (1 Ин. 5: 17); *Спесивый высоко взлетает, да низко падает* (Сир. 1: 30); *На всякий роток не накинешь платок* (Еккл. 7: 21) и др.

Любовь, дружба, добрососедство: *Люби ближнего как себя* (Мк. 12: 29-31); *Чти отца твоего и мать твою* (Исх. 20: 12); *Доброе братство милее богатства* (Сир. 6: 14); *Близкий сосед лучше дальней родни* (Притч. 27: 10); *Любящих и Бог любит* (1 Ин. 4: 10); *Нет выше той любви, как за друга душу свою полагать* (Ин. 15: 13); *Дружбу водить, так себя не щадить* (Притч. 18: 25); *Надёжный друг дороже денег* (Сир. 6: 15); *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* (Сир. 7: 20); *Друга не узнаешь в счастье, враг не скроется в несчастье* (Сир. 12: 8); *Друг познаётся в беде* (Сир. 6: 8.) и др.

Отношение к слову: *Не давши слова, крепись, а давши – держись* (Притч. 20: 25); *Уговор дороже денег* (Сир. 29: 3); *Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет* (Иак. 3: 8); *Не спеши языком, торопись делом* (Сир. 4: 33); *От одного слова, да на век ссора* (Притч. 17: 14); *От гнева до глупости один шаг* (Еккл. 7: 9); *Пустой спор до ссоры скор* (2 Тим. 2: 23); *Дружба от недружбы недалеко лежит* (Сир. 6: 13); *Слово лечит, слово и калечит* (Притч. 12: 18); *Кроткое слово и буйну*

голову смиряет (Притч. 15: 1); *Ласковое слово и кость ломит* (Притч. 25: 17); *Бойся Вышнего – не говори лишнего* (Притч. 10: 19); *Придержи язык в беседе, а сердце в гневе* (Иак. 1: 19); *Меньше говорить – меньше греха* (Сир. 19: 6); *У дурака и речь дурацкая* (Притч. 15: 2); *Лучше умная хула, чем дурацкая хвала* (Еккл. 7: 5); *С дураком говорить – решетом воду носить* (Сир. 21: 17); *Глупый плети боится, а умному слова достаточно* (Притч. 17: 10) и др.

«Присвоение» (А.Н. Леонтьев) изречений из Священного Писания гармонизировало бытие, способствуя появлению на их основе пословичных калек, которые передавали смысл оригинала. Вместе с тем евангельские заповеди, заключавшие в себе искомые представления о должном и связанные с ними экзистенциальные переживания, со временем подвергались переосмыслению.

Так, например, широко известный евангельский афоризм, – *Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью* (Мф. 19: 6), – изначально воспроизводился дословно. Но, выйдя за пределы собственно церковно-богослужебной сферы в живой разговорный язык, превратился в пословицу, сохраняя прежнюю коннотацию принадлежности к Священному Писанию: *И будут одна плоть; Муж да жена – одна плоть,* а затем преобразуя её: *Муж и жена – одна душа*.

Позднее, став органичной частью народной речевой культуры, евангельская заповедь подверглась переакцентуации. В результате пословица приобрела ироничную и даже уничижительную коннотацию: *Муж и жена – два сапога; Жена да муж – змея да уж; Муж с женой, что мука с водой, взболтать взболтаешь, а разболтать не разболтаешь* и *Муж и жена одна сатана.* Отмеченная тенденция свидетельствует о постепенной девальвации начального мотивирующего потенциала, а может быть, и о забвении библейского первоисточника.

Обращают на себя внимание также паремии из «русского судебника» В.И. Даля, в которых каноническое православное миропонимание сопрягается с языческим: *Земля – божья ладонь – всех кормит; Этого греха и земля не снесёт; Гром не*

грянет, мужик не перекрестится; Из одного дерева икона и лопата и др. По всей вероятности, интегративная способность русского языкового сознания, характерная для этих пословиц, является следствием затянувшегося «двоеверия», когда языческие представления оставались не преодолёнными и причудливо переплетались с Православным вероучением. Тем самым создавалась почва для принятия иных ценностных констант и ориентиров бытия.

Здесь мы имеем в виду пословицы, которые противоречат евангельским заповедям, утверждая целесообразность следования собственной выгоде и оправдывая агрессивное поведение: *Своя рубашка ближе к телу; Люблю шабра да не как себя; Дружиться дружись, а нож* (*камень*) *за пазухой держи; Всяк хлопочет, себе добра хочет; На всех угодить, себя истомить; Либо всех грызи, либо сам лежи в грязи; С волками жить по-волчьи выть; Человек человеку волк* и др. Отнесём к суждениям, свидетельствующим об угасании в народном самосознании православного вероучения, пословицу, противоречащую заповеди Единобожия: *В какой земле живу, тому Богу и молюсь.*

Сложившаяся с принятием Православия паремическая картина мира, которая базировалась на фундаментальных вероучительных константах и ценностных установках отношения к Богу, ближним и бытию в целом, подверглась переосмыслению и девальвации. Возникший при этом кризис традиционных ценностных представлений и унаследованного модуса бытия сопровождался ростом экзистенциальной напряжённости. В итоге русская народная личность со свойственным ей укладом бытия и смысложизненными представлениями оказалась неготовой к грядущим испытаниям.

Потребуется время, чтобы исследователи зафиксировали актуализацию православного дискурса в сознании русских с начала 90-х годов прошлого века и возвращение традиционных констант русской культуры, а вместе с ними и преодоление жёсткой системы оценок, неопределённости, хаотичности, характерные для начавшейся стабилизации общества [Корнеев, 2007].

Выводы

Рассмотренный комплекс проблемных вопросов описания ценностного аспекта семантики пословиц, вне сомнения, не исчерпывает весь спектр проблем исследования ценностно-смыслового пространства паремиологии.

Феномен ценностей в языке вызывает большой интерес исследователей и вместе с тем многочисленные научные споры. Следует отметить сложность и многогранность ценности как аксиологического термина, что определяется чрезвычайно общим значением самого понятия *ценность*. Кроме того, понимание людьми ценностей также индивидуально. Ответы на вопросы «Что такое хорошо?» и «Что такое плохо?» могут существенно различаться в зависимости от отдельных людей и направлений их мысли не только в разных нациях, но и в рамках одной общественной группы одного этноса. Причём личная иерархия ценностей может не совпадать с принятой в обществе шкалой ценностей.

Пословицы представляют собой языковые единицы, в которых ценности находят наиболее яркое выражение. При этом употребление человеком пословицы в каждой конкретной ситуации может продемонстрировать его ценностные ориентации, в соответствии с которыми интерпретируется смысл паремии. Паремии, связанные с системой ценностей, являются амбивалентными, поскольку и сами ценности можно считать амбивалентными. Пословицы, будучи языковыми единицами, репрезентирующими определённые ценности и антиценности, выступают предметом для изучения с позиций лингвоаксиологии. А сборники паремий можно считать справочниками алгоритмов человеческого поведения в соответствии с ценностными установками, в течение веков вырабатывавшимися в определённом этносе, а следовательно, и в национальном языке.

Важным кажется акцент на необходимость выделения исследований аксиосферы паремий из уже основательно разработанного русла сопоставительных исследований, цель которых заключается в выявлении национально специфических явлений

и тенденций в семантике знаков косвенно-производной номинации, – выделения с последующей существенной теоретической проработкой аспектов лингвосемиозиса паремий как дискурсивных знаков, реализующих множество потенций, связанных с моделированием и репрезентацией аксиосферы культуры.

Сущность паремии как этнолингвокультурной единицы значимости заключается не в уникальности вербального воплощения провербиальных когнитивных структур, а в самобытном когнитивно-дискурсивном смыслообразовании, обусловливающем доминирование в паремическом высказывании этнокультурно маркированного смыслового содержания с дискурсивно обусловленной прагматической оценочностью.

Таким образом, к числу особых когнитивно-прагматических свойств паремий относятся стереотипно-оценочный характер содержания (прагматический фактор), вторичность вербально-когнитивной объективации (когнитивный фактор), а также имплицитный характер смысловой реализации (дискурсивный фактор). Все указанные параметры и позволяют предположить, что духовно-нравственные ценности, репрезентируемые паремиями, занимают особое место среди когнитивно-аксиологических доминант языковой картины мира, фокусируя в себе неисчерпаемую синергию языка, сознания и культуры.

Рассмотренный комплекс проблемных вопросов описания ценностного аспекта семантики пословиц, вне сомнения, не исчерпывает весь спектр проблем исследования ценностно-смыслового пространства паремиологии. Важным кажется акцент на необходимость выделения исследований аксиосферы паремий из уже основательно разработанного русла сопоставительных исследований, цель которых заключается в выявлении национально специфических явлений и тенденций в семантике знаков косвенно-производной номинации, – выделения с последующей существенной теоретической проработкой аспектов лингвосемиозиса паремий как дискурсивных знаков, реализующих множество потенций, связанных с моделированием и репрезентацией аксиосферы культуры.

Исследование этнокультурных констант, проведённое на русском, французском и английском паремиографическом материале, подтвердило возможность выявления основных этнокультурных ценностей на основании анализа названий рубрик в словарях пословиц и подсчёта количества единиц в каждой рубрике, который позволяет определить степень ценности той или иной темы в сознании представителей определённой лингвокультуры. В ходе анализа были обнаружены значительные совпадения при обозначении рубрик / подрубрик изученных нами словарей, а также их состава. К общим темам, которые могут рассматриваться как ценности русской, французской и английской лингвокультур, относятся любовь, дружба, труд (работа), красота, счастье, правда, дом, семья и семейные отношения, опыт, ум. Специфика обозначения некоторых тем проявилась в русской лингвокультуре, где встречались такие понятия, как родина (тема *дом, родина*) и коллектив (тема *коллектив, общество*). Только во французском материале присутствуют рубрики путешествия, война и оружие. Для англичан национальная идентичность (темы *национальные особенности и Englishness*) представляет собой ценность. Паремиографический материал показал ориентированность русских на духовные и коллективные ценности, а французов и англичан – на ценности индивидуальные и в большей степени материальные (особенно у французов). Необходимо, однако, отметить роль субъективного фактора при составлении словарей, поэтому для верификации полученных данных в качестве перспективы проведённого исследования мы рассматриваем анализ большего количества паремиографических источников, художественных произведений русских, франкоязычных и англоязычных авторов, а также проведение анкетирования представителей изучаемых лингвокультур.

Лингвоаксиологическое исследование внешней вариативности полинационального французского языка на примере изучения ценностей его носителей, проживающих на территории Мартиники, показало, что для рассматриваемой группы важность и ценность представляет сам человек, а также его жизнь и

взаимоотношения с другими людьми. Важность представляют такие общечеловеческие ценности, как дом и семья, человеческие отношения (в основном дружба), отсутствует ориентированность на трудовую деятельность и богатство. Особенности французских пословиц Мартиники отражают исторические, социальные, географические, климатические, культурные и лингвистические особенности развития страны.

Перспективной является разработка репрезентативного терминологического аппарата, который позволил бы избегать научной тавтологии и смешения задач различных направлений современной лингвистики, и уточнение лингвокогнитивного и лингвопрагматического статуса ценности применительно к семантике других паремических жанров (поговорок, устойчивых сравнений, примет, загадок и др.), а также ряд вопросов методологического характера, решение которых позволило бы более последовательно разграничивать и интерпретировать категории языка, сознания и лингвокультуры.

Глава 3

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ

Лингвокультурологический анализ языковых единиц, прежде всего фразеологических ресурсов языка, опирается на данные об этносе, его традициях, обычаях и мироустройстве. «Для более глубокого понимания чужой культуры в самом широком смысле этого слова следует выйти за пределы проблем, ограниченных привычными узкоакадемическими рамками. Необходимо уяснить “саморефлексию культуры”, способы ее восприятия самой себя, а для этого следует выявить механизмы отбора системы ценностей и символов, которые обусловливают специфику и самобытность этой культуры» [Гуревич, 2006: 14]. Исследование познавательного потенциала паремиологии – одна из задач сравнительно-сопоставительного лингвокультурологического анализа.

3.1. Особенности национального миропонимания в паремиологии: сравнительно-сопоставительное исследование (на материале русского, башкирского и турецкого языков)

Национально-культурное своеобразие Российского государства издревле было обусловлено проживанием на его территории многочисленных малых народов со своей самобытной культурой и историей. Межъязыковое взаимодействие в процессе межкультурной коммуникации постоянно накладывает отпечаток на формирование национальной картины мира каждого из них, в результате чего в любой языковой картине мира можно выделить универсальное и национально своеобразное содержание.

Кладовой мудрости по праву называют филологи, культурологи и этнографы пословичный фонд национальных языков. Собранный по крупицам многовековой опыт культурно-исторического развития народа, носителя языка, поистине является энциклопедией его жизни, в которой находят отражение все сферы общественной и личной жизнедеятельности людей. Г.Д. Гачев выделяет два слоя миропонимания народа – поверхностный (этнографический) слой, получающий закрепление в картине мира в виде национально маркированных реалий и понятий, и глубинный слой, отражающий осмысление действительности сквозь призму национальной культуры. «В национальных картинах мира можно различать два основных этажа. Нижний, так сказать, этногеографический, и верхний, созданный культурой и традицией» [Гачев, 1967: 83].

Несмотря на универсальный в целом оценочно-когнитивный механизм стереотипизации различных ситуаций, получивших выражение в пословицах, каждый народ по-своему закрепляет в этих образных единицах языка систему мировидения и миропонимания. Это обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как среда проживания народа (географические и климатические условия, флора и фауна местности и т.д.), материальная культура, психология национальности, менталитет народа, его традиции и обычаи, верования и многое другое.

Русский и башкирский народы веками были связаны узами братства, что не могло не сказаться на влиянии русского образа жизни и образа мысли на башкир. Но это ни в коем случае не означает нивелирования национальной самобытности языка и культуры башкирского народа. Изучение культурных концептов, среди которых выделяются универсальные и национально-специфические, подтверждают это положение. Давние и тесные контакты русского и башкирского народов привели к возникновению и развитию сложных процессов языкового взаимодействия, осуществлявшегося в рамках русско-башкирского двуязычия. Изучение культурно-исторических контактов народов, их истории и культуры в значительной мере вскрывает пути формирования картины мира в русском и башкирском языках, по-

могает увидеть и объяснить сходство мировосприятия и различие миропонимания.

Как отмечают Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко, «значительная часть из дошедших до нас пословиц сложилась в эпоху господства натурального хозяйства и патриархального уклада жизни» [Алефиренко, Семененко, 2009: 242]. В связи с этим лингвокультурологический анализ пословиц дает возможность вскрыть социокультурные условия их возникновения.

Особенности культурно-исторического развития народа обусловливают формирование национальных образов, которые затем воплощаются в различных видах национального искусства, сферах культуры и, несомненно, в национальном языке. Однако выявление этой специфики возможно, с одной стороны, лишь при сопоставлении способов интерпретации одних и тех же реалий окружающей действительности, мотивирующих эти образы, через призму их восприятия разными народами, а с другой стороны, разных по своей сути образов, ярко выражающих опыт познания мира народом с опорой на реалии, значимые для какого-либо конкретного народа.

Исследования показывают, что в паремиологии любого языка мира активно используются в качестве компонентов, формирующих образность высказывания, зоонимы, соматизмы, термины родства, наименования флоры, географические названия и т.д.

Например: *Молитва матери со дна моря достанет. Муж и жена – одна сатана. Маленькие дети сосут грудь, а большие – сердце (русск.). Муж – голова коня, а жена – поводья. Думы матери в ребёнке, а думы ребёнка – в степи. О сыне суди по отцу, о дочери суди по матери (башк.).*

Однако даже при использовании компонентов, называющих универсальные для картины мира народов реалии, в пословицах и поговорках находят выражение особенности понимания её определённым народом. Так, образная интерпретация *коня* в пословицах народов Кавказа и народов, исторически ведущих кочевой образ жизни, отличается от интерпретации его русским народом. Если для русского человека *конь* прежде всего опора

крестьянского хозяйства, тягловая сила, то для кочевых народов и кавказских народов он для мужчины – друг, спутник, гордость, символ благополучия семьи, возможность общения в бескрайней степи.

Русский и башкирский народы различаются по культурно-историческому развитию, типу хозяйствования и верованиям. В языковой картине мира этих народов много общего в силу универсального механизма отражения мира в языке, а уникальность пословичного фонда отражает использование в контексте пословиц образов, мотивированных актуальными для этих народов реалиями объективного мира. Ключевыми образами в русских пословицах, например, выступают продукты земледельческого труда – названия хлебобулочных изделий.

Например: рус. *На чужой каравай рот не разевай, а поутру вставай и свой затевай; Не красна изба углами, а красна пирогами; Где пирожки – там и дружки; Хлеб всему голова; Голод не тётка, пирожка не подсунет*; *Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами.*

В башкирских пословицах активно используются наименования мастей лошади, пород, терминов по возрастным её характеристикам, описание повадок этого животного.

Например: башк. *Хорошего коня издалека видать; Жеребёнок с мягкими губами пятерых маток сосёт* (Ср. русский эквивалент *Ласковый телёнок двух маток сосёт*, где речь идёт о детёныше коровы, кормилицы русского крестьянина); *Для новорождённого стригунка узду не готовь; Не каждая лошадь – тулпар, не каждая птица – шункар; Около муллы – мулла, около иноходца – иноходец; Горячая лошадь быстро устаёт; У кого есть конь – у того есть крылья; Ни коня его, ни письма.*

Кроме реалий, получающих образную интерпретацию в пословицах и отражающих национальное миропонимание, можно говорить о специфических ситуациях или национально своеобразной оценке тождественных ситуаций, мотивирующих высказывания. Такие ситуации отражают виды практической деятельности, например, бытовые ситуации в доме, на подворье, в огороде – у русских, на стойбище, в юрте, в степи –

у башкир. Яркое выражение находит в пословицах описание ремёсел и промыслов народов.

Например: рус. *Заставь козла сторожить капусту; Цыплят по осени считают; Курам на смех; Хоть горшком назови, только в печку не ставь;* башк. *Тому, кто просит топор, вилы не дают; Жиром овца пригожа; Язык острее сабли; Аркан хорош длинный, а язык короткий; Свой язык – свой меч.*

Вызывают интерес пословицы, абсолютно идентичные как по форме, так и по содержанию. Это обусловлено мотивацией их универсальными ситуациями для любого человека и одинаковой их оценкой с точки зрения прагматики, этических норм. Например, это описание ценности для любого человека отца и матери, безысходности сиротства, сравнение сладких блюд с приятным, оружия – с войной и т.п.

Например: башк. *Бездетный один раз плачет, а имеющий детей – тысячу раз; Двое детей – что один ребёнок, а один ребёнок – нет детей; Единственный ребёнок что вражья напасть; Дом с детьми – базар, а без детей – могила; Маленькие дети тяжелы на руках, большие на сердце;* рус. *Маленькие детки – маленькие бедки, большие детки – большие бедки; Маленькие детки спать не дают, а с большими сам не уснёшь; Маленькие детки спать не дают, а большие жить не дают; Малое дитя сосёт грудь, а большое сердце*.

Они подчёркивают экстралингвистические и языковые универсальные свойства когнитивно-оценочной деятельности человека.

Не всегда выявляются психологические и ментальные основания той или иной оценки одной и той же реалии, имеющей к тому же большое значение для каждого из народов. Так, понятие *борода* является культурологически значимым и для русских, и для башкир в описании внешности мужчины. Достаточно вспомнить Петровскую эпоху в русской истории, стереотипное описание русского мужика в русских народных сказках и былинах. *Аксакал* (белобородый) – старейшина рода у тюркских народов, олицетворяющий мудрость веков. Борода – признак зрелого возраста мужчины у любого народа. Однако ана-

лиз пословиц с компонентом *борода* в русском и башкирском языках выявил разную призму понимания этой черты внешности мужчины. В русской паремиологии борода не только признак зрелости мужчины. В пословицах часто противопоставляется борода как признак возраста и отсутствие ума, мудрости, которую человек должен приобрести к определённым годам жизни. В зрелом возрасте человеку не подобает совершать легкомысленные поступки.

Например: *Седина в бороду, бес в ребро; Борода в честь, а усы и у кошки есть; Борода с помело, а брюхо голо; Борода-то с ворота, а ума-то с прикалиток; Борода – трава, скосить можно; Борода уму не замена; Бородка Минина, а совесть глиняна; Бородой в люди не выйдешь; Бороду вырастил, а ум выпустил.*

В башкирской паремиологии борода всегда символизирует жизненный опыт, мудрость, к аксакалам в народе всегда относились с почтением, к их советам прислушивались. В башкирских пословицах можно видеть, как и в русском языке, противопоставление возраста и ума, мудрости. В некоторых пословицах с компонентом *борода* закрепилось описание повседневных жизненных ситуаций.

Например: *Не поседеет борода – не поумнеет голова. Не тот знает, у кого седая борода, а тот, кто много прожил. Ум не в бороде, а в голове. Пусть борода чёрная будет, лишь бы душа была белая. Ребёнок, который хочет плакать, будет играть с бородой отца. В собственной бороде запутался.*

Большой интерес представляют безэквивалентные пословицы в русском и башкирском языках. В башкирском языке это, как правило, описание традиционного образа жизни башкир, типа хозяйствования (наблюдения над природой, кочевое скотоводство, ремесла, промыслы, быт, семейный уклад и др.), характеристика качеств человека как члена социума и оценка его поведения, поступков, внешности, возраста, интерпретация конкретных жизненных ситуаций, событий и фактов, обстоятельств, описание народных традиций и обычаев, праздников (скачки, охота, национальная борьба, правила гостеприимства).

Например: *Батыр, спина которого не касалась земли* – так говорят о непобедимом участнике состязаний по вольной борьбе. *Уйти и тайком бросить жука в казан с супом* – навредить кому-либо исподтишка, тайком. *Уехал на коне, вернулся пешком* – не получить желаемого. *Он от самого Аллаха пешком удрал* – о хитром, изворотливом человеке. *Выливает воду (после умывания) лица* (кто) – позориться прилюдно. Описание обычая мусульман умываться в специальной посуде перед чтением намаза, перед едой. *То, что он выплюнет, даже собака есть не станет* – сквернослов.

В русской паремиологии безэквивалентные пословицы также мотивируются представлениями о быте, истории, образе жизни русского народа. Оседлое земледелие, ремесла и промыслы, досуг и этические формулы и многое другое получили образное закрепление в пословицах: *Один с сошкой, семеро с ложкой; Каждое лыко в строку. Как бабка отшептала; По Сеньке и шапка; На Бога надейся, а сам не плошай; Вся семья вместе, так и душа на месте.*

В составе таких паремий обычно используются культурно маркированные слова, характеризующие ту или иную национальную культуру. Именно подобные пословицы придают паремиологии этническое своеобразие.

Богатый исторический опыт народа, представления, связанные с его трудовой деятельностью, бытом и культурой, отражены и в турецких пословицах и поговорках.

История изучения турецких паремий начинается в XII в. Первые упоминания об исследуемых единицах встречаются в светских и религиозных произведениях древнетюркского народа. По большей части авторы этих произведений ссылались на пословицы и поговорки, чтобы подытожить смысл сказанного, придать ему особую доказательную силу, заставить запомнить особо важную мысль.

Фиксация и сбор собственно турецких паремий впервые были представлены в известном труде средневекового ученого Ахмеда бин Махмуда «Atebetü' l-Hakayık» (Ahmed Bin Mahmud Yüknekî) (XII в.). Указанный учёный собрал и зафиксировал

многие пословицы и поговорки, которые являются популярными и на сегодняшний день [Порхомовский, 2014: 5]. Следующее упоминание о паремиях встречается в трактате «Teshil» (1480 г.), который был посвящён медицине. Тем не менее, в приложении к трактату представлено почти 700 паремий. Автором книги является Мевляна Шемседдин (Mevlana Şemsettin).

Особое внимание к паремиям как вечному жанру фольклора уделяется с XIX в. и до современности. Прежде всего, отметим известные сборники турецких пословиц Ахмета Вефика Паши (Ahmed Vefik-paşa, 1852), Шинаси (İbrahim Şinasi, 1863), Эбюззии (Ebüzziya Mehmet Tevfik Bey, 1885), а также книгу турецкого писателя и журналиста Ахмеда Мидхада Эфенди «Durub-ı Emsal-i Türkiyye» (Ahmed Midhat Efendi, 1871).

Фразеология (тур. deyimbilim) в турецком языкознании как отдельная дисциплина стала изучаться лишь в последние годы и связана с работами Д. Аксана (Aksan), О.А. Аксоя (Aksoy), Л.С. Узун (Subaşi Uzun) и др.). Ранее были изданы многолетние труды таких ученых, как Т. Доганай (Doğanay), А. Пюскюллюоглу (Püsküllüoğlu), С. Эмир (Emir).

За последние десятилетия в Турции было опубликовано более 70 различных сборников турецких пословиц, поговорок, фразеологизмов и афоризмов. Однако критерием фиксации паремии чаще всего выступает ее образно-эмоциональный компонент, а не семантический потенциал единицы. По мнению К.Т. Кали, «последний по времени словарь (M. Ertugrul Sarabaşi, Ibrahim Minnetoğlu, «Turkçe Deyimler Sozlüğü», 2002) страдает неразработанностью лексикографических принципов и отсутствием достаточного семантического анализа» [Кали, 2012: 179].

Наибольшим авторитетом как среди специалистов, так и турецкой общественности, бесспорно, пользуются труды исследователя О.А. Аксоя (Ömer Asim Aksoy), которые переиздавались с различными дополнениями и уточнениями в общей сложности одиннадцать раз, его называют первым языковедом в турецком языкознании, который попытался академически определить понятие фразеологии. В предисловии к своему словарю

турецких пословиц и фразеологизмов он даёт следующее определение понятию фразеологического оборота: «Фразеологизм – устойчивый оборот, в большинстве случаев имеющий значение, отличное от буквального, и обладающий притягательной формой объяснения» [Aksoy, 1988: 8].

К сожалению, новые концепции и течения в общем языкознании, новые подходы к изучению лексики, семантики ещё слабо отразились в турецкой лингвистике. Одной из наименее изученных областей здесь выступают именно фразеология, афористика, паремиология. Во многом это обусловлено неоднородностью и трудностью определения как границ изучаемого раздела, так и классификации внутри самого раздела.

Прежде всего, недостаточно полно описан корпус паремиологических единиц в силу понятийной неопределённости паремий. В турецкой лингвистике пословицы и поговорки рассматриваются в рамках фразеологизмов, а главным критерием их выделения чаще всего выступает образно-эмоциональная составляющая, при этом семантический и синтаксический потенциал предстает несколько обедненным, а отбор материала носит интуитивный, несистемный характер.

Особое внимание необходимо уделить книге М.В. Порхомовского «Турецкие пословицы в языке и речи». Можно смело утверждать, что в ней впервые в отечественной и мировой тюркологии представлен комплексный анализ турецких пословиц, содержащихся в разных произведениях и работах – от «Дивана Лугат ат-турк» Махмуда Кашгари до сборников современности. Главная ценность работы М.В. Порхомовского – системность исследования, охват уровней морфологии, лексики и синтаксиса, богатый иллюстративный материал, доступность широкому кругу читателей.

На сегодняшний день пословицы и поговорки активно используются в средствах массовой информации. Печатные средства массовой информации применяют их как непосредственно в тексте, так и в качестве заглавий. Рассмотрим некоторые семантические группы паремий, отражающие национально-культурную специфику турецкого менталитета.

Безусловно, самой большой группой являются паремии, в которых основное действующее лицо – человек. Здесь подразумевается и разумное живое существо, и социальное лицо, действующее в рамках семейных и социальных отношений. Наиболее распространены лексемы *insan, kişi* и *adam* (человек):

Adamın hacı mı olur Mekke'ye, eşek derviş mi olur taş çektekle tekkeye? (рус. *Является ли паломник (человек) в Мекку ослиным дервишем, каменным домиком*?); *Adam olana bir söz yeter* (рус. *Тому, кто человек, одного слова достаточно*); *Kişi arkadaşından bellidir* (рус. *Человек узнаётся по другу;* ср. рус. *Скажи мне, кто твой друг…*).

Исследуя данную тему, А. Чайковская отмечает, что лексема *kişi* связана с представлением о человеке как о существе по преимуществу физиобиологическом, наиболее близко связанным с матерью-природой [Чайковская, 1999: 35].

Kişi ne yaparsa kendine yapar (рус. *Человек, чего бы ни делал, делает для себя*); *Kişi herkes etkiğini biçer* (рус. *Человек от друга портится*); *Kişi refikindenazar (*рус. *Каждый человек пожинает своё).*

Следующая ступень – *insan* – человек, рождённый женщиной, «сын человеческий», существо мыслящее, духовное, наделённое сознанием и волей, зрелый человек со всеми характеристиками своих сил и возможностей, где разница между мужчиной и женщиной практически стерта: *İnsan kıymetini insan bili (Человека оценит только человек*); *İnsan söyleşe söyleşe hayvan koklaşa koklaşa* (рус. *Люди разговаривают, животные обнюхиваются); İnsanın canı acıyan yerindedir* (рус. *Душа человека там, где у него болит*).

Лексема *adam* характеризует человека как существо социальное, которое действует по установленным обществом этическим нормам, выполняет различные социальные и иерархически обусловленные обязанности: *Adamın adı çıkacağına canı çıksın* (рус. *Каждый человек должен иметь своё имя*); *Adamın yere bakanından, suyun sessiz akanından kork* (рус. *Бойся взгляда человека, похожего на тихий поток воды*). *Adamın iyisi*

alışverişte belli olur (рус. *Хорошее в человеке познаётся во время торговли*).

Мы можем сказать, что есть сугубо «мужские» сферы и занятия, по крайней мере, именно таковыми они воспринимаются носителями турецкого языка, к ним относятся *торговля, война, государственная служба, воспитание сыновей, наука* и т.д. В данном случае употребляется лексема *adam* [Чайковская, 1999: 37]: *Adamın iyisi alışverişte belli olur* (рус. *Хорошее в человеке познаётся во время торговли*); *Adam adam, pehlivan başka adam* (рус. *Человек – это человек, а воин – совсем другой человек); Adamakla mal tükenmez* (рус. *Стремление к достижению цели*).

Следовательно, лексема *adam* в турецком языке используется в тех случаях, когда речь идёт о сугубо «мужских» областях жизни, таких как торговля, война, государственная служба, воспитание сыновей, т.е. можно утверждать о гендерном маркировании данного слова.

Таким образом, наибольшее число турецких пословиц затрагивает тематику человеческих, семейных отношений. Второй крупной тематической группой можно назвать антропоморфные паремии, содержащие единицы, обозначающие части тела (голова, лицо, сердце и др.): *Baş dille tartılır* (букв. Взвесьте голову языком; ср. рус. *Подумай, прежде чем сказать*); *Ayağını sıcak tut, başını serin; gönlünü ferah tut, düşünme derin* (рус. *Держите ноги в тепле, голову на холоде; держите своё сердце свежим, думая глубоко*).

Данные характеристики паремий можно отнести к универсальным, поскольку антропоцентрический характер указанных паремий свойствен представителям любой лингвокультуры.

В турецком языке существует большое количество паремий, описывающих отрицательные свойства женского характера. Данный факт Е.А. Филиппенко называет патриархальной установкой, зафиксированной в языке. По её мнению, в обществе, языке, культуре как западных, так и восточных этносов были закреплены стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки [Филиппенко, 2005: 65].

Как правило, паремиологические единицы по большей части содержат в себе элементы утилитарного императива. Они дают рекомендации практического или дидактического характера – своеобразный свод правил отношений с женщиной вообще и женой в частности. Безусловно, это является отражением в языке богатого экстралингвистического опыта любого народа.

Большинство турецких паремий ярко демонстрирует традиционное восприятие женского ума: *Kadın kısmının saçı uzun olur aklı kısa* (рус. *У женщины волосы длинные, а ум короткий).* Это позволяет нам говорить о том, что длинные волосы являются признаком феминности во многих культурах, а глупость воспринимается как само собой разумеющееся качество женщины.

О том, что длинные волосы – один из главнейших признаков феминности, свидетельствует и следующие пословицы: *Tarlanın taşlısı, kızın saçlısı, öküzün başlısı* (рус. *Поле бери с камнями, девушку – с длинными волосами, быка – с большой головой).*

Отметим тот факт, что в турецкой культуре считается, что ум – качество мужчины, а не женщины: *Akıllı olsa her sakallılara danışırladı her işi* (рус. *Если каждый бородатый человек умный, по всем делам советуйся с бородатыми).*

В турецком языке паремии чаще носят оценочный характер, хотя прямого упоминания об уме в них может и не быть: *Kadın kocasın isterse vezir, isterse rezil eder* (рус. *Женщина если захочет, сможет сделать мужа визирем, а захочет – опозорит).*

Большинство паремий в турецком языке отражают женскую неуравновешенность, вспыльчивость и эмоциональность: *Ateşle oynama elini yakar, avratla oynama evini yakar* (рус. *Не играй с огнём – руку обожжёт, не играй с женщиной – дом сожжёт); Kadın deniz gibidir* (рус. *Женщина подобна морю*); *Karın soğuğu, kadının soğuğundan iyidir* (рус. *Простуда в теле лучше, чем простуда у женщины).*

Любопытным является тот факт, что в турецком языке есть пословицы, описывающие женщину как провокатора, виновницу всех бед: *Erkeğin şeytanı kadındır* (рус. *Дьявол мужчи-*

ны – это женщина); *Güzel nerede, kavğa orada* (рус. *Где прекрасное, там и шум*); *Kadının zoru diline kuvvet* (рус. *Утихомирить женщину жёсткими словами); Karı ile çıkma yola, başına gelir türlü bela* (*Не выходи в дорогу с женой, на голову свалятся разные беды).*

Примечательным также является утверждение в паремиях о том, что рождение дочери не самое радостное событие в жизни семьи: *Kız evi naz evi* (рус. *Дом, где есть девушка, капризный*); *Kızın var, sızın var* (рус. *Есть дочь, есть и боль*).

Справедливости ради отметим, что таких пословиц не очень много и подобные единицы присутствуют в любом языке, особенно в мусульманских лингвокультурах.

Несмотря на большое количество пословиц с негативной коннотацией, в турецких паремиях встречается и высокая оценка женского вклада в домашнее хозяйство: *Kadınsız ev olmaz* (рус. *Нет дома без женщины*).

Традиционно в турецкой лингвокультуре статус замужней женщины ценится выше, чем статус незамужней, об этом свидетельствуют следующие паремии, указыющие также, что к выбору невесты нужно подходить крайне ответственно: *Ersiz avrat yulasız at* (рус. *Незамужняя женщина что лошадь без поводьев*); *Kız alan gözle bakmasın, kulak ıle işitsin* (рус. *Тот, кто женится, пусть не глазами смотрит, а слушает ушами*); *Bekar gözü kör gözü, bekar gözüyle kız alınmaz* (рус. *Глаза холостяка слепы, глазами холостяка невесту не выбрать*).

В турецком языке существуют пословицы, указывающие на особенности поведения женщин в браке: *Ananın dediği dağa taşa, gelinin dediği gele başa* (рус. *Что скажет мама – горам и камням, что скажет невеста – обрушится на голову*); *Çirkin karı evini toparlar, güzel karı düğün gezer* (рус. *Безобразная жена будет дом прибирать, красивая жена по свадьбам гулять).*

Хотя в Турции было распространено многожёнство, в пословицах нашла отражение негативная оценка данного явления: *Bir müslümana bir karı lazım* (рус. *Мусульманин нуждается в (одной) жене*); *İki avratlı ev çöplük olur* (рус. *Дом с двумя женщинами быстро рушится).*

Кроме того, одним из отголосков патриархальных порядков – брака по договоренности – является следующая пословица: *Gelin eşikte, oğlan beşikte* (рус. *Невеста на пороге, мальчик в колыбели*).

В турецком языке, как и в любом национальном языке, присутствует большое количество пословиц, посвящённых матери. Мать оценивается априори положительно, она – источник любви, милосердия, бескорыстия. В материале, обработанном нами, не было обнаружено ни одной пословицы с негативной коннотацией о женщине-матери. Паремии репрезентируют отношение членов семьи к матери, её любовь и заботу о домочадцах: *Ana gibi yar olmaz, Bağdat gibi diyar olmaz* (рус. *Нет другого помощника, как мать, и края, как Багдад*); *Ana hakı ödenmez* (рус. *Маму невозможно отблагодарить); Ana yiğidin kalkanıdır* (рус. *Мама – щит храбреца*); *Ananın dediği dağa taşa, gelinin dediği gele başa* (рус. *Что скажет мама – горам и камням, что скажет невеста – обрушится на голову*).

В пословицах подчёркивается исключительная важность матери в жизни ребенка: *Anası olmayanın babası olmaz* (рус. *У того, у кого нет матери, нет и отца*); *Anasız çocuk evde çürür* (рус. *Ребёнок без матери в доме сгниёт*).

Вероятно, это связано с тем, что понятие *материнство* является биосоциальным, но более биологическим, чем другие понятия, связанные с родством. Область взаимоотношений ребёнка и матери в первую очередь определяется инстинктами, властные отношения внутри системы общества влияют на неё лишь второстепенно.

В пословицах подчёркивается и исключительная значимость материнства в жизни женщины: *Çocuklu kadın, kargalı çınar, civcivli tavuk* (рус. *Женщина с детьми подобна чинаре с воронами, курице с цыплятами).*

Материал единиц данного ряда демонстрирует исключительную роль матери в любом обществе. Мы предполагаем, есть смысл выделить образ матери из образа женщины и рассмотреть его обособленно, но во взаимосвязи.

В турецком языке есть пословица о незавидной женской доле: *Kadın kısmı kara yazılıdır* (рус. *Женская доля черна*).

В пословицах и поговорках нашли своё выражение основы традиционного национального мировосприятия. Народная мудрость отразила патриархальный уклад традиционной турецкой семьи, который представляет собой подчинённое положение женщины в доме, в семье по отношению к положению мужчины, её зависимость. Чаще всего в турецком языке образ женщины раскрывается в нескольких ипостасях: женщина-мать, женщина-супруга, женщина-хозяйка.

3.2. Роль культурно маркированных единиц в паремии

3.2.1. Русские пословицы с компонентом-названием насекомого на фоне китайского языка: лингвокультурологический подход

Паремии, существующие в любом национальном языке, «аккумулируют народную мудрость, которая передаётся с их помощью от поколения к поколению. При наличии универсальных черт эти единицы отличаются национально-культурным своеобразием в каждом языке, могут быть различными образные средства языка, лексическое наполнение паремий, что обусловлено различиями истории, традиций, уклада жизни, быта народов – носителей языка, вербализуемые установки культуры также могут отличаться» [Зиновьева, Пи, 2016: 19].

Объектом данного исследования послужили русские и китайские пословицы с компонентом-названием насекомого. Предмет исследования – лингвокультурологический потенциал русских пословиц с компонентом-названием насекомого на фоне их аналогов в китайском языке и принципы их описания в лингвокультурологическом словаре. Цель данной работы – выявить национально-культурную специфику пословиц с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира на фоне китайской для дальнейшей презентации русских единиц в учебном словаре.

Для определения наиболее известных носителям русского и китайского языков насекомых нами был проведён письменный опрос. Информантам (студентам Санкт-Петербургского государственного университета) было предложено написать названия знакомых им насекомых. В опросе приняли участие 50 русских и 50 китайских респондентов. От русских участников опроса было получено 284 ассоциата, от китайских – 292. Ответы носителей русского языка распределились следующим образом (в порядке убывающей частотности): *комар* (33 ответа), *муха* (26), *бабочка* (24), *муравей* (21), *пчела* (19), *оса* (19), *стрекоза* (17), *паук* (12), *шмель* (10), *таракан* (10), *кузнечик* (9), *жук* (8), *клоп* (7), *слепень* (6), *шершень* (6), *майский жук* (6), *гусеница* (6), *моль* (4), *колорадский жук* (4), *мотылёк* (3), *клещ* (3), *мошка* (3), *божья коровка* (3), *сверчок* (2), *овод* (2), *саранча* (2), *богомол* (2), *жук-навозник* (2), *махаон* (2), *ручейник* (1), *сороконожка* (1), *червь* (1), *блоха* (1), *вошь* (1), *жужелица* (1), *медведка* (1), *водомерка* (1), *жук-пожарник* (1), *бабочка-белянка* (1), *скарабей* (1), *червяк* (1), *тля* (1). Ответы носителей китайского языка выглядят так: *бабочка* (27), *муха* (26), *комар* (25), *пчела* (25), *муравей* (25), *сверчок* (19), *цикада* (18), *стрекоза* (18), *саранча* (13), *паук* (12), *моль* (9), *богомол* (7), *семиточечная коровка* (7), *таракан* (6), *кузнечик* (6), *сколопендра* (6), *божья коровка* (5), *жук* (5), *тутовый шелкопряд* (5), *блоха* (4), *личинка мухи* (3), *жук-дровосек* (3), *куколка* (3), *навозный жук* (2), *оса* (2), *земляной червь* (2), *мотылёк* (1), *скорпион* (1), *улитка* (1), *светлячок* (1), *чешуйница* (1), *слепень* (1), *клоп* (1), *вошь* (1), *клещ* (1).

При сравнении полученных данных можно сделать вывод о том, что основными общими прототипическими образцами в категории «насекомое» в обеих лингвокультурах выступают *комар, муха, бабочка, муравей, пчела, стрекоза* и *паук*. При этом паук, с научной точки зрения, не относится к насекомым, но воспринимается как насекомое, как в русской наивной картине мира, так и в китайской. В отличие от китайцев, для носителей русского языка *оса, шмель и таракан* являются более известными, а для китайцев, в свою очередь, это *сверчок, цикада, саранча*.

Отбор пословиц для анализа проводился в несколько этапов. На первом этапе работы методом сплошной выборки из «Большого словаря русских пословиц» [БСРП, 2010] и «Большого словаря китайских пословиц» [Вэнь, 2011] было отобрано 375 русских и 625 китайских пословиц с компонентом-названием насекомого. Разница в количестве единиц, на наш взгляд, объясняется тем, что Китай – большая аграрная страна, сельское хозяйство является ключевым направлением национальной экономики, а на развитие сельского хозяйства насекомые оказывают большое влияние. Например, в китайских пословицах самый частотный компонент-название насекомого – «тутовый шелкопряд» (111 единиц), так как тутовый шелкопряд играет важную роль в производстве шёлка, а в Китае шелководство является национально-культурной ценностью. История шелководства берёт своё начало в Китае во времена неолитической культуры Яншао в четвёртом тысячелетии до н. э. Пословицы с компонентом «муравей» (94 единицы) по количеству занимают второе место, так как наблюдения за жизнедеятельностью муравьёв позволяют предсказывать изменения погоды, а погода тесно связана с сельским хозяйством, поэтому китайский народ много и внимательно наблюдал за муравьями и создал большое количество «природных» пословиц с компонентом-названием этого насекомого.

Далее мы выделили самые частотные компоненты-названия насекомого в русских и китайских пословицах – в русских пословицах: *муха* (82), *пчела* (57), *комар* (50), *блошка/блоха* (44), *вошка/вошь* (30), *жук* (16), *клоп* (15), *сверчок* (12), *моль* (11), *мошка* (6), *бражник* (5); а в китайских пословицах: *тутовый шелкопряд* (111), *муравей* (94), *муха* (89), *пчела* (59), *вошка/вошь* (38), *медведка восточная* (35), *саранча* (31), *личинка мухи* (26), *блошка/блоха* (22), *мотылёк* (21), *цикада* (18), *богомол* (13), *комар* (10), *жук* (8), *бабочка* (7), *сверчок* (6), *стрекоза* (6), *клоп* (4).

Можно заметить, что и в русских, и в китайских пословицах *муха, пчела, блошка/блоха, комар, вошка/вошь* и *жук* являются самыми частотными.

На втором этапе работы отобранные паремии подверглись минимизации за счёт исключения из их состава пословиц, зафиксированных в словарях как диалектные, единиц, содержащих в своём составе обсценную лексику, а также устаревших единиц. В результате в нашей картотеке осталось 267 русских и 226 китайских пословиц. Китайские пословицы подверглись значительному сокращению за счёт исключения из их состава таких компонентов, как «шелкопряд», «муравей», «цикада» и др., не являющихся объектом детального рассмотрения в работе, а также за счёт исключения китайских «природных пословиц»-примет.

Распределение паремий по компонентному составу наглядно можно представить в табл. 4.

Таблица 4

Количество пословиц с анализируемыми компонентами в русском и китайском языках

Название насекомого	Количество пословиц в русском языке	Количество пословиц в китайском языке
муха	82	89
пчела	57	59
комар	50	10
блоха	44	22
вошь	30	38
жук	16	8

На третьем этапе работы отобранные для детального анализа пословицы были классифицированы с точки зрения вербализуемых установок культуры, были выделены общие и различные для паремий двух языков установки. Установка культуры – одно из базовых понятий лингвокультурологии. Исследование установок культуры представляется чрезвычайно важным, так как установки культуры – «это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как “достойная / недостойная”» [Маслова, 2001: 50]. В.Н. Телия определяет установки культуры как «ментальные образцы,

играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [Телия, 1999: 18]. Если установкам культуры, отражённым в пословицах с компонентом-названием зоонимов в целом, посвящено достаточное количество исследований (например: [Сюй Хаоин, 2012; Плескачева, 2014; Хао Ц., Кошелева Е.Ю., 2015; Бичер Омер, 2016] и др., то установки культуры, отражённые в пословицах с компонентом-названием насекомого, не получили должного освещения ни в русской, ни в китайской лингвистике и лингвокультурологии. Кроме того, на этом же этапе исследования уделялось внимание «портрету» насекомого, выявляемого в буквальном смысле пословиц, в их плане выражения.

На четвёртом этапе исследования были выделены пословичные биномы в русских пословицах на фоне их китайских аналогов. Под термином «бином», вслед за Е.И. Селиверстовой, понимаются «наблюдаемые в паремиологическом пространстве частотные лексические пары», составляющие, по мнению автора, «важный элемент пословичной структуры – пословичного образа, пословичного сообщения, архитектурной формулы пословицы». Эти сочетания составляют семантическое ядро пословичной единицы [Селиверстова, 2017: 206].

Для верификации стереотипного представления о насекомом в лингвокультуре по данным пословичного материала и выявления мотивации выделенных установок культуры на пятом этапе исследования был проведён свободный цепочечный ассоциативный эксперимент на слова-стимулы, называющие интересующих нас насекомых, в русском и китайском языках. От 50 русских и 50 китайских респондентов требовалось написать ассоциации на заданный стимул. Количество реакций не ограничивалось, на выполнение задания отводилось 10 минут. Затем были проанализированы полученные ассоциативно-вербальные поля в русском языке на фоне китайского. Ассоциация является связью между объектами или явлениями, она основана на личном, субъективном опыте [Фрумкина, 2001: 189]. Ассоциативный эксперимент широко используется в раз-

ных областях лингвистики. Как отмечает А.А. Залевская, «ассоциативный эксперимент даёт богатый материал для межкультурных исследований, позволяет выявить как «общечеловеческие» характеристики свободных ассоциаций, так и специфику связей между словами в условиях различных культур» [Залевская, 1977: 46].

На шестом этапе был проведён анализ контекстов употребления изучаемых паремий на материале «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и «Национального корпуса китайского языка» (北大语料库 Лингвистический корпус Пекинского университета, 知识网 Чжишиван – далее НККЯ) для выявления их частотности в том или ином типе дискурса, особенностей их семантики, синтагматических связей и прагматического компонента значения.

На заключительном (седьмом) этапе исследования обобщаются полученные результаты и выявляются сходства и национально-культурные особенности русских пословиц на фоне китайских.

Детально в данной главе остановимся на лингвокультурологическом анализе русских пословиц с компонентом «пчела» на фоне паремий китайского языка, поскольку пословицы с этим компонентом в количественном отношении представлены практически одинаково в двух языках.

Из «Большого словаря русских пословиц» [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010] и «Большого словаря китайских пословиц» [Вэнь, 2011] было отобрано 57 русских и 59 китайских пословиц с компонентом «пчела».

Русские и китайские пословицы с компонентом «пчела» содержат следующие три общие установки культуры:

1. **У каждого свои предпочтения, каждому – своё:** *Люди рады лету, (а) пчела (пчёлы) (рада/рады) цвету* (рус.), *Пчела рада цвету, а человек – лету* (рус.), *Люди ради лета, а пчёлы (пчела) – цвета* (рус.), *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – привету* (рус.), *Пастух ради лета, а пчела ради цвета* (рус.), *Ласточка лепит гнёзда, пчёлка – соты* (рус.), *На цвет пчёлка летит, а на приятство человек глядит* (рус.),

蜜蜂喜欢花，蚊子喜欢血。– Пчела любит цветок, комар любит кровь (кит.), *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇。– Ароматные цветы привлекают пчёл, отвратительный запах призывает мух* (кит.), *蜻蜓低飞，蜂窝高筑。– Стрекозы летают на малой высоте, пчёлы строят гнёзда на высоких деревьях* (кит.). План выражения пословиц включает общее для двух лингвокультур стереотипное представление о том, что пчёлы собирают мёд с цветов, делают это в тёплое время года. В русской паремиологии акцентируются соты, в которых насекомые хранят мёд, а в китайской – гнездование диких пчёл на деревьях.

2. **Всё имеет две стороны, важно, на какую из них человек обращает внимание:** *С одного цветка пчела мёд, а паук – отраву берут* (рус.), 蜜蜂用嘴酿蜜，蚊子用嘴吸血。– *Пчела ртом носит мёд, комар ртом пьёт кровь* (кит.).

3. **Во всяком деле нужна взаимопомощь:** *Одна пчела много мёду не натаскает* (рус.), *Одна пчёлка много мёду не натаскает* (рус.), *单蜂酿不成蜜，独龙治不了水。– Одна пчела не принесёт мёд, один дракон не справится с наводнением* (кит.), *一蜂难酿蜜，粒米难熬粥。– Одна пчела не принесёт мёд, из одного зёрнышка невозможно сварить кашу* (кит.), *千条小溪流成河，万只蜜蜂凑成窝。– Тысячи ручейков слились в реку, десятки тысяч пчёл собрались в гнездо* (кит.), *千条小溪流成河，万只蜜蜂垒成窝。– Тысячи ручейков слились в реку, десятки тысяч пчёл построили гнездо* (кит.). Стереотипным представлением, отражённым и в русских, и в китайских пословицах, является обычай пчёл жить большими семьями.

Пчела выступает **в русских и китайских иронических пословицах**, например: *Пчёлы по овце, крылья по епанче, с поносу летят, заборы трещат* (рус.) – здесь наблюдается гиперболизация, пословица употребляется, когда речь идёт о хвастуне. *蜂背虽花不称虎，蜗牛有角不是牛。– Хотя тело у пчелы пёстрое, но всё-таки пчела не является тигром* (кит.). В китайской пословице в плане выражения отражается стереотипное восприятие пчелы как насекомого с полосатым рисунком туловища.

Выделяются и отличающиеся установки культуры. Так, в русском языке это следующие из них (всего 22 русских пословицы):

1. **Красивое, лакомое привлекает к себе всех**: *И пчела летит на красный цветок*, *И пчёлка летит на красный цветок*, *На красный цветок и пчела летит*, *На красный цвет и пчела летит*, *На хороший цветок и пчела летит*, *И пчела, живущая в дупле дерева, любит мёд лотова цвета*.

2. **Плохое порождает плохое:** *Плохие пчёлы – плохой и мёд*.

3. **Не все обладают равными способностями:** *Всякая муха жужжит, да не пчеле чета*.

4. **Важно правильно выбирать товарища:** *С пчелой полетишь – в меду будешь, с жуком – в дерьме*, *За пчелой пойдёшь – до мёду дойдёшь, за жуком пойдёшь – до навозу дойдёшь*, *Около пчёлки – медок, около жучка – навоз*, *Подле пчёлки – в медок, а подле жука – в дерьмо*, *Подле пчёлки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз*.

5. **Боль можно причинить по-разному:** *Пчела жалит жалом, а человек – словом*.

6. **Чтобы добиться успеха, сначала надо приложить усилия:** *Кто любит мёд – заводи пчёл*.

7. **Труд имеет большое значение:** *Пчела мала, а и та работает*, *Пчёлка мала, а и та работает*, *Мала пчела, да и та работает*.

8. **Чтобы добиться успеха, сначала надо преодолеть трудности:** *Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчёл*, *Не погнётши пчёл, мёду не едать (не есть, не добудешь)*, *Не погнети пчёл, мёду не ясти*, *Не подрезав пчёл, мёду не съешь*.

9. **Без руководителя (главы семьи) нарушается порядок:** *И пчёлки без матки – пропащие детки*, *Пчёлки без матки – пропащие детки*. Одновременно в плане выражения пословицы отражено представление об устройстве, внутренней иерархии пчелиного роя, главенствующей роли пчелиной матки.

10. **Для всего нужна подходящая обстановка:** *Не жужжится пчёлке в ненастье*. Наличие уменьшительно-ласкательной формы существительного (*пчёлка*) указывает на мелиоративную оценку насекомого. План выражения пословицы вербализует многолетние наблюдения человека о поведении пчёл в ненастную погоду.

11. **Чтобы успешно чем-либо заниматься, необходимо быть внимательным и собранным:** *Пчёл водить – не разиня рот ходить*.

12. **Польза важнее сопровождающих её неприятностей:** *Пчела хоть и кусает, да мёд даёт*. Стереотипное представление, вербализованное в плане выражения пословицы, содержит указание на способность пчёл жалить.

Установками культуры, отражёнными в китайских пословицах с компонентом «пчела», и безэквивалентными относительно русского языка, являются следующие (всего 20 китайских пословиц):

1. **Большую важность имеет коллективизм:** *要学蜜蜂共酿蜜，莫学蝴蝶自采花。– Учись у пчёл, которые собирают мёд вместе; Не учись у бабочек, которые собирают мёд сами по себе*, *莫学蜘蛛各牵网，要学蜜蜂共采花。– Не учись у паука, который ткёт паутину сам; Учись у пчёл, которые собирают мёд вместе*, *要学蜜蜂齐采花，莫学蜘蛛各织网。– Учись у пчёл, которые собирают мёд вместе; Не учись у паука, который ткёт паутину сам*.

2. **Должный порядок присутствует в каждом обществе:** *蜂蚁也有君臣，虎狼也有父子。– Среди пчёл и муравьёв существуют правители и подчинённые, среди тигров и волков тоже существуют отцы и сыновья*. В этой пословице, в её плане выражения, отражается стереотипное представление об иерархии отношений внутри коллективных насекомых.

3. **Из толпы всегда выделяется более способный:** *蜂多出王，人多出将。– Из множества пчёл появится царь, из множества людей появится генерал*. «Царь» в плане выражения пословицы символизирует пчелиную матку.

4. **Более ленивый скорее попадёт в беду, более трудолюбивый легко избавится от беды:** *只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂。– От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрёт.*

5. **Во всяком добре живёт зло, всё имеет свою оборотную сторону:** *蜜蜂能酿蜜，屁股后头长着针。– Пчела приносит мёд, но в её попе жало.*

6. **Нужно быть благодарным за добро:** *吃蜜不忘蜂采花。– Ешь мёд, не забудь труд пчёл.*

7. **Чтобы извлечь пользу, надо иметь храбрость:** *要想吃蜜，别怕蜂叮；要想远行，莫怕狗咬。– Если хочешь пить мёд, то не бойся пчелиного жала; Если хочешь отправиться в дальний путь, то не бойся укуса собаки, 蜜虽好吃，当心蜂刺。– Хотя мёд вкусный, но остерегайся пчелиного жала.*

8. **Трудолюбивый служит положительным примером, ленивый является плохим примером:** *要学蜜蜂采蜜，不学蜻蜓点水。– Учись у пчёл, которые собирают мёд; Не учись у стрекоз, которые касаются поверхности воды, 不学知了唱高调，要学蜜蜂勤酿蜜。– Не учись у цикады, которая бросается красивыми словами; Учись у пчелы, которая собирает мёд усердно, 不学蝴蝶花前逛，要学蜜蜂酿蜜忙。– Не учись у бабочки, которая гуляет по саду; Учись у пчелы, которая собирает мёд усердно.*

9. **Человек, испытавший боль или страх в прошлом, перестраховывается в будущем: –** *日被蜂叮，三年怕苍蝇。– Укушенный пчелой три года боится мухи.*

Проведённый анализ показал, что русские и китайские пословицы с компонентом «пчела» вербализуют больше общих, чем различных характеристик, составляющих стереотипное представление о насекомом, но вербализуют больше различных, чем схожих установок культуры.

Пчела в пословицах обоих языков символизирует человека, пословицы с этим компонентом вербализуют идеи о том, что каждому важно и существенно своё, что всё имеет две стороны,

что важна взаимопомощь. Лакунарными относительно китайского языка являются 12 проанализированных выше установок культуры. Соответственно, 9 установок культуры, выраженных в китайских пословицах с компонентом «пчела», лакунарны относительно русского языка.

Пословичный портрет пчелы (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет следующие общие черты: пчела обладает способностью летать, работать вместе, приносить мёд, жалить (кусать), насекомое живёт в гнёздах на деревьях, её притягивают цветы и мёд. Также существуют различающиеся стереотипные представления в русских пословицах: пчела – это мелкое насекомое, издаёт характерный звук – жужжание; в китайских пословицах отмечается цвет тела пчелы – это пёстрое насекомое, акцент ставится на трудолюбии пчёл, поэтому данное насекомое служит положительным примером. Следует отметить, что и русские, и китайские пословицы фиксируют устройство пчелиного сообщества, иерархию внутри него. В китайских пословицах это представлено шире.

Пословичные биномы частотны в русских и китайских пословицах с компонентом *пчела*, существуют следующие паремийные биномы в русских пословицах: видовые соотношения: ***пчёлка – матка*** (*Куда матка, туда и пчёлки*; *Пчёлки без матки – пропащие детки*; *И пчёлки без матки – пропащие детки*), ***пчела – муравей*** (*Муравей не по себе ношу тащит, да никто ему спасибо не молвит; а пчела по искорке носит, да Богу и людям угождает*; *Муравьи да пчёлы артелями живут: и работа спора*); ‘насекомое – растение’: ***пчела – цветок*** (*И пчела летит на красный цветок*; *На красный цветок и пчела летит*; *На хороший цветок и пчела летит*); ‘насекомое – пища’: ***пчела – мёд*** (*Не погнети пчёл, мёду не ясти*; *Не подрезав пчёл, мёду не съешь*; *Жалит пчёлка, жаль (жалко) мёду (медку)*; *Кто любит мёд – заводи пчёл*). В китайских пословицах: видовые соотношения: ***пчела – матка*** (*蜂王不动蜂不动, 蜂王一动乱哄哄 Если матка не двигается, то все пчёлы не двигаются; Если матка двигается, то в гнезде шумно*;

修屋靠梁，蜂子靠王 Для ремонта квартиры важна балка, для пчёл важна матка), ***пчела – бабочка*** (*要学蜜蜂共酿蜜，莫学蝴蝶自采花 Учись у пчёл, которые собирают мёд вместе; Не учись у бабочек, которые собирают мёд сами по себе*; *花香自有蜂蝶来 Пчёлы и бабочки прилетят к ароматным цветам*; *花香引蜂蝶，人美惹风波 Пчёлы и бабочки прилетят к ароматным цветам, проблемы вызывают красавицы*); ‘насекомое – растение’: ***пчела – цветок*** (*花香引得蜂自来 Пчела прилетит к ароматному цветку*; *蜜蜂专拣旺花飞 Пчела летит только к свежим цветам*; *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇 Пчела прилетит к ароматному цветку, муха прилетит к вони*); ‘насекомое – пища’: ***пчела – мёд*** (*蜜蜂用嘴酿蜜，蚊子用嘴吸血 Пчела ртом носит мёд, комар ртом пьёт кровь*; *蜜蜂能酿蜜，屁股后头长着针 Пчела приносит мёд, но в её попе жало*; *蜜蜂酿蜜，不为已食 Пчела не для себя носит мёд*) и др.

Полученные от информантов ассоциации на слово-стимул «пчела» были классифицированы нами по следующим тематическим группам:

Ассоциации русских респондентов (241 единица):

1. **Наименования пищевых продуктов** – 49 ассоциаций: мёд (40), медовуха (напиток) (3), сладости (3), сахар, еда, воск.

2. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 33 ассоциации: трудолюбие (5), опасность (4), красивая (4), боль (3), польза (2), труженица (2), трудолюбивая (2), кормилица, больная, больно, полезная, дружелюбная, умная, доброта, уважение, здоровье, скрупулёзность, братство.

3. **Наименования мест обитания** – 28 ассоциаций: улей (11), соты (9), пасека (3), поле (2), деревня, ферма, пчелиное гнездо.

4. **Наименования цветообозначений** – 23 ассоциации: полосатая (6), полоски (3), жёлтая (3), жёлтый (3), полоска, жёлтое и чёрное, оранжевый, полосы, чёрная, чёрно-жёлтая, чёрный, золотой.

5. **Поведение и типичные действия** – 21 ассоциация: укус (8), опыление (4), жалит (3), работа (2), кусает, несёт мёд, больно жалит, самолёт.

6. **Наименования растений и их частей** – 20 ассоциаций: цветы (11), цветок (3), пыльца (2), черемуха, растения, ягоды, цветочки.

7. **Наименования отдельных частей тела** – 10 ассоциаций: жало (9), яд (1).

8. **Названия временных периодов** – 10 ассоциаций: лето (10).

9. **Обозначения звуков** – 9 ассоциаций: жужжание (3), жужжит (2), шум, громкая, жужжащая, гуд.

10. **Наименования провайдеров** – 8 ассоциаций: Билайн (8).

11. **Наименования зрительных, тактильных и вкусовых ощущений** – 7 ассоциаций: сладость (3), пушистая (2), мягкая, толстая.

12. **Свойства пчелы** – 6 ассоциаций: труд (3), старание, усердие, сплочённость.

13. **Последствия, вызываемые наличием пчёл** – 4 ассоциации: аллергия (3), анафилактический шок.

14. **Наименования совокупностей насекомых** – 4 ассоциации: рой (2), семья, семейная.

15. **Наименования явлений природы и их восприятия** – 2 ассоциации: свежий воздух, природа.

16. **Наименования зоонимов** – 2 ассоциации: насекомое, медведь.

17. **Наименования человека** – 1 ассоциация: пчеловод.

18. **Прецедентные феномены** – 4 ассоциации:

1) **названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 3 ассоциации: «Винни Пух» (3).

2) **девизы** – 1 ассоциация: «Лети как бабочка, жаль как пчела».

Итак, стереотипное представление о пчеле в русском языковом сознании, по результатам ассоциативного эксперимента, выглядит следующим образом: пчела чётко относится к насе-

комым и к животным в целом (*насекомое, медведь*). Видимо, ассоциации с насекомым возникают в связи с тем, что пчела является видом насекомых, а медведь любит и ест пчелиный мёд. Результат деятельности пчёл – *мёд*, а *медовуха* – алкогольный напиток из мёда, мёд сладкий, по ассоциации возникает слово *сладости*. Прежде всего, пчела ассоциируется с характерными чертами внешнего облика (*жало и яд*), которые причиняют вред человеку, вызывают болезни: *аллергия, анафилактический шок*. Цвета тела пчелы – полосатый, жёлтый, оранжевый, золотой и чёрный, в связи с этим возникают ассоциации *Билайн* – наименование провайдера. Пчёлы – общественные насекомые, они живут семьями, вместе собирают мёд, поэтому русские воспринимают пчёл как большое количество, совокупность: *рой, семья, семейная*. Типичными чертами поведения являются способности жалить, опылять, работать/трудиться, приносить мёд, летать, это трудолюбивое, усердное насекомое, издающее характерные звуки – жужжание, раздражающее человека. Пчела ассоциируется с тёплым временным периодом, когда её жизнедеятельность проявляется наиболее активно: *лето*. Видимо, по этой же причине в ассоциативном поле появляются ассоциации *свежий воздух, природа*; *цветы, пыльца, ягоды* и др. Типичные места обитания – это естественные и искусственные жилища пчёл (*улей, соты, пасека, пчелиное гнездо, поле, деревня, ферма*). Пчела вызывает и положительные, и отрицательные эмоции и оценки: с одной стороны, пчела – красивое, полезное, дружелюбное, умное насекомое, труженица, кормилица; с другой стороны, она больно жалит. Кроме того, пчела занимает определённое место в прецедентных феноменах русского языкового сознания. Прежде всего, это советский мультфильм «Винни Пух» и девиз Кассиуса Клея «Лети как бабочка, жаль как пчела».

Ассоциации китайских респондентов (267 единиц):

1. **Вызываемые эмоции, ощущения и оценки** – 67 ассоциаций: 勤劳 трудолюбие (35), 忙碌的 усердная (6), 美丽的 красивая (4), 危险 опасность (3), 无私的 бескорыстная (3), 喜爱的 любимая (2), 有益的 полезная (2), 幸福 счастье (2), 忠诚 вер-

ность, 认真的 внимательная, 勤劳勇敢的 трудолюбивая и смелая, 努力 усердно, 聪明的 умная, 积极的 активная, 乐观的 оптимистичная, 漂亮 красота, 健康 здоровье, 热爱生活 любит жизнь.

2. **Наименования пищевых продуктов** – 36 ассоциаций: 蜂蜜 мёд (35), 蜂王浆 пчелиное молочко.

3. **Поведение и типичные действия** – 33 ассоциации: 蛰人 жалит (15), 传授花粉 опыление (10), 采蜜 собирать мёд (5),飞 летает (2), 咬 кусает.

4. **Свойства пчелы** – 15 ассоциаций: 团结 сплочённость (4), 无私奉献 бескорыстно почтительно преподнести (3), 辛苦劳动 тяжело трудиться (3), 杀人 убийство, 跳舞 танцует, 舞蹈 танец, 付出 тратить, 付出与收获 тратить и получить.

5. **Наименования зрительных, тактильных и вкусовых ощущений** – 14 ассоциаций: 甜的 сладкий (14).

6. **Наименования растений и их частей** – 14 ассоциаций: 花 цветы (14).

7. **Наименования мест обитания** – 12 ассоциаций: 蜂巢 пчелиное гнездо (11), 山 гора.

8. **Наименования зоонимов** – 11 ассоциаций: 蜂后 пчелиная матка (5), 蝴蝶 бабочка (2), 蜂鸟 колибри-пчёлка, 黄蜂 оса, 熊 медведь, 工蜂 рабочая пчела.

9. **Наименования цветообозначений** – 6 ассоциаций: 黄色的 жёлтая (2), 黄色和黑色的 жёлтый и чёрный, 斑纹 полосатая, 鲜艳 яркая,五彩斑斓 разноцветная.

10. **Наименования человека** – 5 ассоциаций: 养蜂人 пчеловод (3), 园丁 садовник, 农民 крестьянин.

11. **Наименования бытовых явлений и реалий** – 4 ассоциации: 金子 золото, 钱 деньги, 蜂窝移动通信 базовые станции сотовой связи, 六角形 шестиугольник (форма пчелиного гнезда).

12. **Наименования отдельных частей тела зоонимов** – 4 ассоциации: 刺 жало (4).

13. **Последствия, вызываемые укусами пчёл** – 4 ассоциации: 红肿 красная опухоль (2), 痛 боль (2).

14. **Названия и восприятие временных периодов** – 2 ассоциации: 春天 весна (2).

15. **Наименования совокупностей насекомых** – 2 ассоциации: 群居 семейная (2).

16. **Обозначения звуков** – 2 ассоциации: 嗡嗡 жужжит (2).

17. **Названия видов человеческой деятельности** – 1 ассоциация: 养蜂业 пчеловодство.

18. **Научные понятия** – 1 ассоциация: 生态功能 экологическая функция.

19. **Прецедентные феномены** – 34 ассоциации:

1) **Чэнъюй (фразеологизмы)** – 23 ассоциации: 蜂拥而上 роиться как пчёлы (8), 蜂腰鹤膝 пчелиная талия, журавлиные коленки (3), 蜂目豺声 глаза пчелы и вой шакала (2), 任劳任怨 не уклоняться от трудностей и не страшиться обид (2), 蜂拥而起 подняться, как пчелиный рой (2), 蜂合蚁聚 сбиваться пчелиным роем, собираться в кучу, как муравьи, 吃苦耐劳 быть выносливым и трудолюбивым, 同归于尽 погибнуть вместе, 成群结队 собираться толпами и группироваться в отряды, 口蜜腹剑 на устах мёд, а за пазухой меч;

2) **Названия фильмов и мультфильмов, имена их героев** – 6 ассоциаций: 大黄蜂 Бамблби (Шершень)[5] (4), 变形金刚 фильм «Вселенная Трансформеров», 擎天柱 (Оптимус Прайм)[6];

3) **Яньюй (пословицы)** – 4 ассоциации: 只有冻死的苍蝇， 没有累死的蜜蜂。От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрёт (4);

4) **Сехоуюй (недоговорки-иносказания)** – 1 ассоциация: 哑巴吃蜜蜂一有苦难言。Буквально: Немой ест пчелу – так плохо, что словами не передать.

---

[5] 大黄蜂 [Бамблби (Шершень)] – персонаж «Вселенной Трансформеров».
[6] 擎天柱 (Оптимус Прайм) – персонаж из «Трансформеры».

Итак, стереотипное представление о пчеле в китайском языковом сознании выглядит следующим образом: пчела чётко относится к насекомым и животным в целом (медведь, колибри-пчёлка, пчелиная матка, бабочка, оса, рабочая пчела). Как и у русских респондентов, пчела ассоциируется с медведем и разными видами насекомых, ассоциация с колибри-пчёлкой возникает в связи с тем, что пчела и колибри-пчёлка являются мелкими существами, питаются мёдом, жужжат крыльями. *Мёд* и *пчелиное молочко* – это то, что пчёлы производят. Характерная черта внешнего облика насекомого: *жало*. Укусы пчёл вызывают *красную опухоль*, *боль*. Цвета тела пчелы – *жёлтый*, *полосатый*, *яркий*, *разноцветный*, *жёлтый* и *чёрный*. Пчёлы – живут роем, трудятся вместе, поэтому китайцы воспринимают пчёл как совокупность: *семейная*.

Типичными чертами поведения являются способности *жалить*, *опылять*, *собирать мёд*, *летать*, *кусать*. С одной стороны, это трудолюбивое, усердное, красивое, бескорыстное, любимое, полезное, верное, внимательное, смелое, активное, умное насекомое, с другой стороны, опасное, издающее характерные звуки – жужжание. Пчела ассоциируется с тёплым временным периодом: *весна*. Типичные места обитания – *пчелиное гнездо*, *гора*. Пчела ассоциируется с *пчеловодом*, *садовником*, *крестьянами* – людьми, которые занимаются пчеловодством. Ассоциации *золото* и *деньги* возникают в связи с тем, что мёд золотого цвета и его можно продать, а *базовые станции сотовой связи*, как и соты, имеют форму *шестиугольника*. Кроме того, пчела занимает определённое место в прецедентных феноменах китайского языкового сознания. В состав прецедентных феноменов входит большое количество фразеологизмов, в которых пчела является мелким, незначительным, лютым, опасным насекомым. Из прецедентных феноменов обращают на себя внимание название фильма (*«Вселенная Трансформеров»*), имена его героев (*Бамблби (Шершень)*, *Оптимус Прайм*).

Сопоставление данных, полученных в результате анализа ассоциативных реакций русских и китайских информантов на стимул «пчела», позволяет сделать следующие выводы.

В ассоциативно-вербальном поле русского языка для китайского языкового сознания лакунарными группами являются «наименования провайдеров» (*Билайн*), «наименования явлений природы и их восприятия» (*свежий воздух*, *природа*), в китайском ассоциативно-вербальном поле присутствуют лакунарные для русского языкового сознания группы: «наименования бытовых явлений и реалий» (*золото*, *деньги*, *базовые станции сотовой связи*, *шестиугольник*), «названия человеческой деятельности» (*пчеловодство*), «научные понятия» (*экологическая функция*). Отличия касаются объёма и состава и других тематических групп, таких, как «вызываемые эмоции, ощущения и оценки», «поведение и типичные действия», «наименования зрительных, тактильных и вкусовых ощущений», «свойства пчелы», «наименования мест обитания», «наименования зоонимов», «наименования цветообозначений», «названия и восприятие временных периодов», «обозначения звуков». Следует также отметить, что в китайском языке и языковом сознании фразеологизмы и пословицы, связанные с пчелой, играют более важную роль, чем у русских.

Итак, в пословицах и стереотипных представлениях обеих лингвокультур портрет пчелы имеет больше общих черт: пчела – маленькое, трудолюбивое, усердное, но опасное насекомое, это общественное насекомое, обладающее способностью летать, жалить (кусать), работать вместе, приносить мёд, жужжать. Типичное место обитания насекомого – улей, соты, гнездо, дерево. В целом пчела оценивается как полезное насекомое, вызывает больше положительных эмоций и оценок.

Обратимся к анализу особенностей употребления рассматриваемых русских и китайских паремий в современных текстах художественной литературы, периодической печати, интернет-пространстве.

Наиболее частотной, по данным НКРЯ, является пословица *Не погнётши пчёл, мёду не едать (не есть, не добудешь)* ‘невозможно воспользоваться чем-либо, тщательно охраняемым, не уничтожив защитников’: «Сотский Микула говорит Даниилу, отправляющемуся в поход против венгров: «Госпо-

дине! *не погнётши (не растревожив) пчёл, мёду не едать*»» [Н.К. Гудзий. История древней русской литературы (XI-XV вв.) (1938)]. В художественных текстах встречается замена компонента «*не погнётши*» на «*не передавивши*»: «“*Не передавивши пчёл, мёду не есть*”, – приговаривал Роман. Он навёл такой страх на галичан, что те просили польского короля, чтобы он управлял ими сам или через своих наместников» [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Выпуск первый: X-XIV столетия (1862-1875)]. Пословица *Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчёл* является синонимом рассмотренной единицы и также встречается в художественном произведении XIX века: «Многие спаслися бегством в другие земли: он старался возвратить их, обещая им всякие милости, обманывал; но чрез несколько времени вымышлял клевету, обвинял сих легковерных во мнимом злоумышлении, казнил и присваивал себе их достояние, говоря в пословицу: *чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчёл*» [Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. 3 (1808-1818)].

Пословица *И пчёлки без матки – пропащие детки* ‘трудно жить, не имея защитника, покровителя’ также встречается в контексте из художественного произведения XIX века: «Только, бывало, сиротку завидят, тотчас и обидят, а пожалуется, не стерпя побоев, Даренка, ей же пуще достанется… Правду люди говорят, что *и пчёлки без матки – пропащие детки*» [П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)].

Пословица *Пчёлка и та взятку берёт* ‘взятка – дело обычное’, как и рассмотренные выше паремии, встретилась в тексте XIX века: «– Да ведь ежели разобрать правильно, так все мы у батюшки-то царя воры и взяточники. Правду надо говорить… *Пчёлка и та взятку берёт*. Нашлись доброхоты и заступники, которые припоминали за Полуяновым немало добра» [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)].

Таким образом, 4 русские пословицы с компонентом «пчела» встречаются в НКРЯ, но не позднее конца XIX века.

Эти единицы функционируют без изменения своего значения. Только пословица *Не погнетши пчёл, мёду не едать (не есть, не добудешь)* допускает вариативность компонента «не погнётши».

Перейдём к анализу китайских паремий.

Пословица *只有冻死的苍蝇，没有累死的蜜蜂。– От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрёт* ‘ленивый скорее попадёт в беду, усердный легко избавится от беды’ встречается в контексте из художественного произведения XX века, представленном в НККЯ: «要吃蜂蜜就得养蜂,要有学问就得勤奋学习。学习,要像蜜蜂酿蜜那样勤奋,在知识的花园中不知疲倦地采集,再采集。要做辛勤的蜜蜂,不做悠闲的知了。*只有冻死的苍蝇,没有累死的蜜蜂*» [元昊.蜜蜂集 // 蜜蜂杂志1980年第01期] («Если хочешь пить мёд, то надо разводить пчёл; если хочешь быть мудрым, то надо усердно учиться. Учись, будь так же усерден, как пчёлы, которые без устали собирают мёд в саду знаний. Будь “трудолюбивой пчелой”, а не “бездельной цикадой”. «*От мороза муха погибнет, от усталости пчела не умрёт*»» [Юань Хао. Сборник о пчёлах // Журнал «Пчела». 1980. № 1]).

Других китайских пословиц в современных текстах нам не встретилось.

Таким образом, пословичный портрет пчелы (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. Различия сводятся к акцентированию в русских паремиях мелкого размера насекомого, издаваемого характерного звука – жужжания. В китайских же пословицах отмечается цвет тела пчелы, акцент ставится на трудолюбии пчёл. Следует отметить, что в китайских пословицах шире представлена иерархия внутри пчелиного сообщества. В целом в обеих лингвокультурах пчела оценивается как полезное насекомое, вызывает больше положительных эмоций и оценок. Национально-культурные различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются такие установки культуры, которые приводят к успеху, принесению пользы, отмечается умение пра-

вильно выбирать друга, важность труда, а в китайских – трудолюбие как черта человека и коллективизм. Интересно, что пословичные биномы в русских и китайских пословицах совпадают. Это видовые соотношения: *пчела – матка, пчела – муравей*, ‘насекомое – растение’: *пчела – цветок,* ‘насекомое – пища’: *пчела – мёд*. Из проанализированных русских пословиц только 4 встретились в художественных контекстах XIX в., а из китайских паремий – только одна пословичная единица в контексте художественного произведения конца XX в.

Предлагаемый проект учебного лингвокультурологического словаря пословиц с компонентом-названием насекомого, ориентированный на китайского адресата – студентов-филологов, владеющих русским языком на уровне B2-C1, содержит паремии с выделенными нами самыми частотными для русского языка и соотносимыми по количеству с китайскими аналогами компонентами. В словарь, в первую очередь, будут включены словарные статьи, описывающие пословицы, вербализующие установки культуры, отличающиеся наибольшей номинативной плотностью. То есть основным критерием отбора паремий для лексикографического описания будет наличие двух и более пословиц с данным компонентом, выражающих ту или иную установку культуры. Важным основанием для включения пословицы в словарь является также ее употребительность в современных текстах художественной литературы и периодики. Так, например, самая частотная, по материалам НКРЯ, паремия *Комар носа не подточит* обязательно войдёт в корпус словаря.

Макроструктура предлагаемого словаря будет включать тематические рубрикаторы. Тематическими рубрикаторами словаря служат слова **МУХА**, **ПЧЕЛА**, **БЛОХА**, **ВОШЬ**, **КОМАР**, **ЖУК**, которые набираются прописными буквами полужирным прямым шрифтом.

Под тематическим рубрикатором сначала будет приведено стереотипное представление о насекомом («**СП**»), вербализованное в русских пословицах, затем будет дан перечень установок культуры, выраженных в пословицах с данным компонентом, потом по алфавиту первого знаменательного слова бу-

дет следовать описание отдельных паремий, т.е. будут помещены собственно словарные статьи, включающие несколько зон.

Первая зона содержит саму паремию – заголовочную единицу. Она набирается прописными буквами полужирным курсивом. Например*: **И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА***.

Если есть варианты пословицы, то они приводятся за сокращением «**ВАР**.» сразу после заголовочной единицы. Например, к пословице: ***БУДЬ ЛИШЬ МЁД, МУХ МНОГО НАЛЬНЁТ.***

ВАР.: ***Был бы мёд, а мух много нальнёт*; *Был бы мёд, мух много нальнёт.*** Варианты набираются полужирным курсивом строчными буквами.

Вторая зона представляет собой описательное толкование смысла пословицы (набирается прямым шрифтом без выделения). Эта зона вводится графически буквой «**Т**».

Например, для пословицы ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА*** толкование будет следующим:

Т. И ничтожное мелкое существо устроено, как все остальные, нуждается в пище.

Третья зона статьи – зона ситуаций («**С**»). Так, для пословицы ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА*** в данной зоне будет следующая информация:

С. Говорится с иронией человеком, испытывающим чувство голода, выражающим желание и готовность поесть.

Четвёртая зона словарной статьи – оценочность пословицы («**О**»). Данная зона факультативна. Например, для пословицы ***МАЛА ПЧЕЛА, ДА И ТА РАБОТАЕТ.***

О. *Одобр*.

Помета, обозначающая оценочность, набирается светлым курсивом.

Пятая зона словарной статьи содержит вербализуемую пословицей установку культуры (**УК**). Например, для пословицы ***ТОЛЬКО ЖУК, В НАВОЗЕ ЖИВУЧИ, ДА ЧИСТО ОБИХАЖИВАЕТСЯ.***

УК: Каждый привыкает к своему привычному окружению, среде обитания.

Шестая зона – зона иллюстраций, здесь приводятся примеры употребления паремий в художественной литературе и периодике. Эта зона факультативна, так как не для каждой паремии можно найти контексты использования в произведениях художественной литературы или периодики. Графически зона выделяется символом открытой книги 🕮. В случае употребления паремии в редуцированном или трансформированном виде это также отмечается в данной зоне словарной статьи в особой подзоне. В иллюстративных контекстах паремии выделяются светлым курсивом. Например, для паремии ***И МУХА НЕ БЕЗ БРЮХА***: «Сказавши: «Эх, *и муха не без брюха*!» – дежурный кашевар делал черпаком крутой вираж в котле и вываливал в миску Тугунка кусище рыбы» [Виктор Астафьев. Царь-рыба (1974)].

Для паремии ***СЛОНЫ ТРУТСЯ, А МЕЖДУ (МЕЖ) СОБОЙ КОМАРОВ ДАВЯТ*** указывается, что выражение употребляется в редуцированном виде. Иллюстративный контекст это подтверждает: «Как это, по пословице: *слоны трутся – комаров давят*. Комару, сиречь личности, не возбраняется при этом зудеть, но из-за топа слоновых пят и схватки трубных голосов писк этот попросту не слышен» [С.Д. Кржижановский. Разговор двух разговоров (1931)].

Седьмая зона статьи является факультативной. В ней приводятся синонимичные к заголовочной паремии («**СИН**.»). Например, к пословице ***НЕ ПОГНЁТШИ ПЧЁЛ, МЁДУ НЕ ЯСТИ*** синонимом будет ***Не подрезав пчёл, мёду не съешь.*** Синонимы приводятся полужирным курсивом строчными буквами.

Восьмая зона словарной статьи – отсылочная, в ней фиксируются русские паремии, выражающие ту же культурную установку, что и заголовочная единица. Например, для паремии ***ЛЮДИ РАДЫ ЛЕТУ, (А) ПЧЕЛА (ПЧЁЛЫ) (РАДА/РАДЫ) ЦВЕТУ***, выражающей установку о том, что у каждого свои предпочтения, каждому – своё, данная зона словарной статьи будет выглядеть следующим образом:

См.: *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – привету*; *Ласточка лепит гнёзда, пчёлка – соты*. Паремии в этой зоне набираются светлым курсивом.

Девятая зона включает китайские аналоги русских единиц (при их наличии), поэтому данная зона статьи не является облигаторной. Например, для русской паремии ***НА ХОРОШИЙ ЦВЕТОК И ПЧЕЛА ЛЕТИТ***. **Ср. кит**.: *蜜蜂专拣旺花飞* (*Пчела только летит к свежим цветам*).

После всех словарных статей на соответствующий рубрикатор приводятся сведения о пословичных биномах («**ПБ**») в паремиях с данным компонентом. Например, в конце всех статей на рубрикатор «МУХА»:

ПБ: ***муха – паук*** (*Где муха ни летала, а к пауку попала*; *Зажужжала муха, дожужжалась паука*), ***муха – орёл*** (*Орёл мух не ловит*; *Орлом мух не ловят*); ***муха – комар*** (*За мухой не с обухом, за комаром не с кнутом*; *За мухой не с обухом, за комаром не с топором*), ***муха – таракан*** (*Таракан не муха: не взмутит брюха*; *Таракан не поган, муха – от святого духа*); ***муха – девка-вековуха*** (*Нет злей (злее) осенней (успенской) мухи до девки-вековухи*; *Ничего нет злее осенней мухи и девки-вековухи*), ***муха – дурак*** (*На дурака и муха валится*; *На дурака мухи падки*); ***муха – мёд*** (*Валка муха к мёду*; *Муха в мёд попала, значит – пропала*; *Будь лишь мёд, мух много нальнёт*; *Где мёд, там и мухи (муха)*); ***муха – обух*** (*За каждой мухой не нагоняешься с обухом*; *За мухой не нагоняешься с обухом*; *За мухой не угоняешься с обухом*).

Приведём фрагмент проектируемого словаря в качестве примера.

ПЧЕЛА

СП: Пчела обладает способностью летать, работает вместе с другими пчёлами, приносит мёд, жалит, насекомое живёт большой семьёй, в которой особо выделяется матка, его притягивают цветы и мёд. Это мелкое насекомое, издаёт характерный звук – жужжание.

Установки культуры:

1. У каждого свои предпочтения, каждому – своё.

2. Всё имеет две стороны, важно, на какую из них человек обращает внимание.

3. Во всяком деле нужна взаимопомощь.

4. Красивое, лакомое привлекает к себе всех.

5. Плохое порождает плохое.

6. Не все обладают равными способностями.

7. Важно правильно выбирать товарища.

8. Боль можно причинить по-разному.

9. Чтобы добиться успеха, сначала надо приложить усилия.

10. Труд имеет большое значение.

11. Чтобы добиться успеха, сначала надо преодолеть трудности.

12. Без руководителя нарушается порядок.

13. Для всего нужна подходящая обстановка.

14. Чтобы успешно чем-либо заниматься, необходимо быть внимательным и собранным.

15. Польза важнее сопровождающих её неприятностей.

ЛЮДИ РАДЫ ЛЕТУ, ПЧЕЛА ЦВЕТУ. ВАР.: ***Люди рады лету, а пчела цвету; Люди рады лету, а пчела рада цвету; Люди рады лету, а пчёлы рады цвету.***

Т. У каждого своя причина для радости.

С. Говорится в ситуации, когда важно подчеркнуть разницу во вкусах.

О. Нейтр.

УК У каждого свои предпочтения, каждому – своё.

СИН. *Люди ради лета, а пчёлы (пчела) – цвета.*

См.: *Пастух рад лету, пчела – цвету, а сирота – привету*, *Пастух ради лета, а пчела ради цвета*, *Ласточка лепит гнёзда, пчёлка – соты*, *На цвет пчёлка летит, а на приятство человек глядит.*

Ср. кит.*蜜蜂喜欢花，蚊子喜欢血。– Пчела любит цветок, комар любит кровь*, *香花引蜜蜂，臭味招苍蝇。– Ароматные цветы привлекают пчёл, отвратительный запах призывает мух*, *蜻蜓低飞，蜂窝高筑。– Стрекозы летают на малой высоте, пчёлы строят гнёзда на высоких деревьях*.

С ПЧЕЛОЙ ПОЛЕТИШЬ – В МЕДУ БУДЕШЬ, С ЖУКОМ – В ДЕРЬМЕ

Т. Правильно выбрав товарища (спутника) выиграешь, получишь положительный результат.

С. Говорится в качестве наставления-совета тому, кто, по мнению говорящего, выбрал не того человека в друзья. Или как вывод после неудачно завершившегося дела в силу неправильно сделанного выбора.

УК Важно правильно выбирать друга.

СИН. *За пчелой пойдёшь – до мёду дойдёшь, за жуком пойдёшь – до навозу дойдёшь*, *Около пчёлки – медок, около жучка – навоз*, *Подле пчёлки – в медок, а подле жука – в дерьмо (в дерьмо)*, *Подле пчёлки – в медок, (а) подле жука (жучка) – в навоз*.

НЕ ПОГНЁТШИ ПЧЁЛ, МЁДУ НЕ ЕДАТЬ (НЕ ЕСТЬ, НЕ ДОБУДЕШЬ)

Т. Невозможно воспользоваться чем-либо, получить что-либо желаемое, не приложив усилий.

С. Говорится в ситуации, когда человек хочет достичь какой-то цели, но на пути к этой цели есть препятствия.

УК Чтобы добиться успеха, сначала надо преодолеть трудности.

🕮 «Сотский Микула говорит Даниилу, отправляющемуся в поход против венгров: “Господине! *не погнётши (не растревожив) пчёл, мёду не едать”*» [Н.К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI-XV вв.) (1938)]. Встречается замена компонента «*не погнётши»* на «*не передавивши»*: «“*Не передавивши пчёл, мёду не есть*”, – приговаривал Роман. Он навёл такой страх на галичан, что те просили польского короля, чтобы он управлял ими сам или через своих наместников» [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Выпуск первый: X-XIV столетия (1862-1875)].

СИН. *Не погнети пчёл, мёду не ясти*, *Не подрезав пчёл, мёду не съешь*, *Чтобы спокойно есть медовый сот, надобно задавить пчёл*.

ПБ ***Пчёлка – матка, пчела – муравей, пчела – цветок***, ***пчела – мёд***.

3.2.2. Топоним в пословицах (на материале русских, белорусских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских, персидских и таджикских паремий)

Пословицы любого языка особенно ценны тем, что во многих из них кроются важные знания о национальной культуре. Важную роль в системе пословичных образов разных языков играют имена собственные, которые наряду с названиями артефактов и этнонимами можно отнести к национальным лингвомаркёрам (resp. этнолингвомаркёрам). Подобные лингвомаркёры представляют собой такие компоненты пословицы, «которые отражают национальное своеобразие, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [Ломакина, 2018: 85]. Пословицы, в которых упоминаются имена собственные, можно подразделить на следующие группы: а) пословицы с антропонимами, б) с топонимами – наименованиями географических объектов (названия городов – астионимы, водных объектов – гидронимы, улиц – годонимы), дериватами от топонимов – этниконами – названиями жителей, макротопонимами [Ломакина, 2018: 85-86].

Топонимы – это имена собственные, обозначающие названия географических объектах. В пословицах они выполняют функцию национальных лингвомаркёров. Совокупность топонимов в какой-либо географической местности составляет её топонимию. Для исследования географии экономических и культурных центров, изучения исторического прошлого народов, древних торговых путей важным источником может стать топонимия, которая обладает большим культурным потенциалом. Топонимы репрезентуют информацию об этнической истории народа, его социальной жизни, материальной и духовной культуре [Аліферчык, 2013: 3]. В лингвистике топонимия также

является предметом изучения, в частности в этимологии, лексикологии, диалектологии, фразеологии и т.д. Пословицы с топонимами не только обозначают географические реалии, но также и реалии культуры, нашедшие отражение в языке.

Изучение имени собственного, выступающего в качестве компонента пословицы, нашло своё отражение в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей, в частности: О.П. Альдингер (2006), Г. Зайдля (2013), Н.А. Максимчук (2006, 2007), Ф. Нусселя (2004) и др. [Бредис, Ломакина, 2018: 119]. В качестве термина для обозначения имён собственных, являющихся компонентами фразеологизмов, в том числе пословиц и поговорок, Н.А. Максимчук вводит понятие фразеонима – «комплексной ономастической единицы в составе фразеологизма, совмещающей в своей семантике и выражающей в ассоциативно-культурном фоне признаки онима и фразеологизма» [Максимчук 2007: 171].

Роль и значение паремий с топонимами подчёркивает их сопоставительный лингвокультурологический анализ. Для иллюстрации мы взяли несколько групп русских, белорусских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских, персидских и таджикских пословиц, в которых содержатся топонимы, главным образом, астионимы – названий городов. Материалом для исследования послужили паремии, взятые из сборников русских, белорусских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских, персидских и таджикских пословиц, а также ряда пословичных электронных ресурсов.

Для сопоставительной паремиологии важным является положение о том, что потенциально любая пословица любого языка должна иметь свой семантический эквивалент [Хлебда 2008: 96]. Мы разделяем эту точку зрения польского исследователя В. Хлебды. Отсутствие эквивалента пословицы в другом языке может означать, что он пока не обнаружен исследователями, возможно, существовал ранее и вышел из употребления. Думается, что «полная картина пословичных эквивалентов отчасти напоминает таблицу химических элементов Д.И. Менде-

леева, где пустые ячейки теоретически можно заполнять по мере нахождения соответствующих элементов» [Бредис, 2019: 36].

Для сопоставления мы используем без**о**бразную обобщённую пословичную идею, обозначаемую Е.И. Селиверстовой как «пословичный конденсат». Пословичный конденсат представляет собой двухкомпонентное или трёхкомпонентное понятие, которое в сжатом виде (конденсированно) передаёт смысловое содержание значения пословицы, под ним подразумевается лаконичная семантическая модель, полученная путём деметафоризации [Селиверстова, 2017: 141].

Мы рассматриваем несколько групп пословиц, содержащих географические названия, прежде всего, городов и населённых пунктов. Эти группы выделяются по своей семантике: топонимы как символы и мерило значимости и длительной богатой истории; топонимы как образ пункта назначения; топонимы и их характеристики в связи с богатством и деньгами.

Образ древних городов как важных символов истории отражён во многих европейских пословицах. В рассмотренных нами паремиях упоминаются Рим, Париж, Ахен, Кёльн, Краков, Вильнюс, Москва, Турку, Рига: рус. *Не в один день Москва строилась*; белорус. *Не за дзень Вільня станавілася*, *Не адразу Вільню пабудавалі* [Котова, 2000: 98]; латышск. *Rīga nav celta vienā dienā (Рига не за один день строилась) [Zusne, 2008: 34];* лит. *Roma ne buvo pastatyta per dieną (Рим не был построен за один день);* польск. *Nie od razu Kraków zbudowany* (*Не сразу Краков строился*); нем. *Rom ist nicht in einem Tage gebaut worden* (*Рим не за день строился*); *Köln und Aachen wurden nicht an einem Tag erbaut* (*Кёльн и Ахен не за день строились*); фр. *Paris n'a pas été bâti en un jour* (*Париж не за день строился*); англ. *Rome was not built in a day* [*Świerczyńscy, 2001:* 224]; фин. *Roomaa ei rakennettu yhdessä päivässä* (*Рим не за один день строился*), *Ei Turku tunnissa tehty* (*Турку не за час сделан*) [Храмцова, 2011: 186].

Названные топонимы играют роль прецедентных имён для каждого из народов. Они не только являются важными знаками культуры, но вызывают в языковом сознании носителей

языка определённые ассоциации. Для понимания значения иностранных пословиц с такими топонимами соответственно необходимо обладать определённой лингвокультурной компетенцией. Рим, Краков, Москва, Париж – древние стольные города, Турку (бывший Або), старейший город Финляндии, также был столицей в шведские времена. Рига – крупный немецкий торговый город, основанный в 1201 г. в землях народа ливов и сделавшийся впоследствии главным торгово-экономическим центром Ливонии. В настоящее время Рига – столица Латвии.

Российская столица – Москва – упоминается в исторических источниках с 1147 г. По данным археологических раскопок и ранее на этом месте существовало поселение (IX-X вв.). В начале XIII в. город стал центром удельного княжества, а в XIV в. – центром Великого княжества Московского. Впоследствии Москва стала столицей единого русского государства. Москва оставалась второй столицей и в то время, когда действующей столицей империи был Санкт-Петербург. Недаром Наполеону приписывается знаменитая фраза: «Если я возьму Киев, я буду держать Россию за ноги; если я захвачу Петербург, я возьму Россию за голову; если я займу Москву, я поражу Россию в самое сердце», что говорит о значении Москвы для русского народа. Столичный статус был возвращён Москве в 1918 г. Пословица с упоминанием Москвы существует у восточных славян: укр. Не сразу (відразу) Москва будувалася (будувалась) и белорусск. Не за год Масква пастаўлена; Масква не зразу будавалася [Walter, 2014: 202].

Вильнюс – самый крупный город и столица современной Литвы. Впервые он упоминается в 1323 г. как столица литовского князя Гедеминаса. Несколько столетий Вильнюс (Вильна, Вильно) был столицей Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского. С 1569 г. Вильнюс стал крупнейшим городом Речи Посполитой. С 1795 по 1918 г. город входил в состав Российской империи и назывался Вильна. О прецедентности этого топонима говорят и старые русские пословицы: *В Вильне – что в мыльне*; *Кто в Вильне не бывал, тот дива (чудес) не видал* [БСРП, 2010: 123]. Эти пословицы подчёркивают

многолюдность и красоту города, который поражал воображение приезжающих своими красивыми постройками, узкими улочками и разноязыким говором множества купцов.

В истории топонимы Москва и Вильна (Литва) имели большое значение для носителей русского языка. Московская Русь и Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское в течение нескольких веков существовали бок о бок как два крупных государственных образования, соседа-соперника. Ю.А. Новиков отмечает, что в русском фольклоре Литва и Москва часто упоминаются в одном ряду в волшебных сказках, они осознаются как крайние полюса обжитого людьми мира. «Подчёркивая уникальность какого-либо чудесного предмета, сказочники употребляли стереотипную формулу: ничего подобного нет ни у царя в Москве, ни у короля в Литве» [Новиков, 2008: 19].

Современные белорусские исследователи и сегодня отмечают Вильнюс (Вільня) как знаковый для белорусов топоним, с которым образуются, например, такие перифразы: Вільня – беларускі Вавілон, Вільня – літоўскі (беларускі) Іерусалім и др. (См. [Аліферчык, 2013: 35]).

Древний Ахен был известен ещё во времена Римской империи. Карл Великий даровал городу множество привилегий и сделал его столицей своей франкской империи, и вплоть до XVI в. Ахен был местом коронации германских королей. Кёльн также принадлежит к числу самых древних германских городов. В начале нашей эры поселения римских солдат на территории германских племён обрастали слободами торговцев и ремесленников, постепенно превращаясь в города. Так, город Кёльн возник в землях германского племени убиев, переселившихся на левый берег Рейна. Основательницей города считается Агриппина Младшая, дочь римского полководца Германика, которая родилась в поселении Oppidum Ubiorum (Город Убиев), находившемся на этом месте в 15 или 16 г. Агриппина, супруга императора Клавдия, сестра императора Калигулы и мать императора Нерона, добилась того, чтобы место её рождения получило статус римской колонии под названием Colonia Claudia

Ara Agrippinensium, или CCAA. Со временем от длинного латинского названия сохранилось лишь Colonia, которое в немецком произношении превратилось в Köln.

Указанные пословицы демонстрируют взгляды разных народов, считающих, что планирование и строительство большого города требует от людей значительных усилий. Пословичную модель *Город X не сразу строился* мы можем считать общеевропейской, а топонимы в этой формуле играют роль переменной и могут варьироваться в зависимости от конкретного языка. Например, вместо X в эту формулу можно подставить следующие прецедентные топонимы: Любек (нем.), Варшава и Львов (польск.), Прага (чешск. и словацк.), Вашингтон (англ.), Загреб (хорватск., словенск.) и пр. [Walter, 2014: 202].

В большинстве рассматриваемых европейских пословиц с этой семантикой упоминается Рим, что неудивительно: Рим имеет заслуженную славу «вечного города», в древности бывшего центром огромной империи, легионы которой достигали самых дальних уголков тогдашней Ойкумены. На протяжении многих веков он был важнейшим религиозным центром Европы, главным городом европейского Средневековья, местом нахождения святого папского престола, а оставшаяся в наследство от Древнего Рима латынь в течение многих столетий служила европейцам языком религии, науки и делопроизводства. Рим занимает рекордное место среди топонимов, употребляемых в европейских пословицах.

Семантика этих пословиц в сжатом виде может быть представлена формулой: ***На всё нужно время и усилия***. Древность Рима или других городов, упоминаемых в пословицах (чаще всего речь идёт о столицах), свидетельствует о том, что для достижения силы, могущества и славы необходимо было длительное время и значительные усилия.

Вольфганг Мидер отмечает факт существования общих европейских пословиц, то есть «пословиц, которые распространились по Европе благодаря точным заимствованным переводам». По его мнению, внушительный корпус общеевропейских пословиц восходит к временам классической античности

[Mieder, 2014: 25]. Часто одни и те же пословицы переводились на разные языки из одних и тех же источников. Поэтому неудивительно, что существует большое количество точных пословичных эквивалентов в разных языках. Именно такая пословица, вероятно из одного источника, используется в большинстве рассматриваемых нами языков, чтобы выразить семантику ***Разные пути ведут к одному результату***: русск. *Все дороги ведут в Рим*; белорусск. *Усе дарогі (шляхи) вядуць у Рым*; латышск. V*isi ceļi ved uz Romu*; лит. *Visi keliai veda į Romą*; польск. *Wszystkie drogi prowadzą do Rzymu, Każda droga prowadzi do Rzymu (Каждая дорога ведёт в Рим*) [Stypuła 1974]; англ. *All roads lead to Rome* [Manser, 2007: 6], *There are many roads that lead to Rome* (*Многие дороги ведут в Рим*); нем. *Es führen viele Wege nach Rom*; фр. *Tout chemin mène à Rome* [Arthaber 1989: 598], фин. *Kaikki tiet vievät Roomaan* [Храмцова 2011: 55]. Известно, что пословица *All roads lead to Rome* была впервые зафиксирована в *Prologue to Astrolabe* Джеффри Чосера примерно в 1391 г. [Manser, 2007: 6]. Несмотря на наличие топонима как этнолингвомаркёра, эти пословицы не являются этноспецифическими. Топоним *Рим* в них можно рассматривать в качестве образа культурной памяти, отражающей черты общей европейской культуры, основанной на христианстве, для которой Рим – главный символ западного христианства. Кроме того, в средневековой латыни, которая является одним из важных источников общих европейских пословиц [Mieder, 2004: 12], существовала пословица *Mille vie ducunt hominem per secula Romam* (*Тысяча дорог ведёт человека веками в Рим*) [Manser, 2007: 6]. Эта пословица зафиксирована в сборнике Алана Лильского (Alanus de Insulis) *Liber Parabolarum* ещё в 1175 г.

В рассматриваемом случае широкое использование пословицы о дорогах в Рим в разных языках объясняется не только существованием в Средние века этой латинской пословицы, но большой популярностью ещё одного более позднего литературного источника. Широкое распространение среди читающей публики эта пословица получила благодаря басне Жана де Ла-

фонтена «Третейский судья, брат милосердия и пустынник», опубликованной в его последнем сборнике в 1693 г.

Trois Saints, également jaloux de leur salut, Portés d'un même esprit, tendaient à même but. Ils s'y prirent tous trois par des routes diverses. *Tous chemins vont à Rome*: ainsi nos Concurrents Crurent pouvoir choisir des sentiers différents. [La Fontaine]	Желая отыскать спасенья двери, Три человека, все святые в равной мере И духом преисполнены одним, Избрали для сего три разные дороги. А так как *все пути приводят в Рим*, То каждый к цели, без тревоги, Пустился по тропиночке своей. [Vsebasni]

Можно предположить, что выражение, ставшее в Средние века пословицей, могло быть известным и в Древнем Риме, который строил разветвлённую сеть дорог по всей Европе, обеспечивая надёжную военную и экономическую инфраструктуру. В их строительстве участвовали тысячи легионеров, по этим дорогам действительно можно было попасть в блистательную столицу империи. Все дороги начинались от римского форума и соответственно приводили к нему. Со временем констатация действительного факта превратилась в образное выражение, в Средние века став пословицей, популярность которой необычайно выросла в Новое время с лёгкой руки французского баснописца. О популярности этой пословицы в разных странах говорят названия огромного множества книг и статей, представляющие пословичные трансформы, где вместо топонима Рим используются другие топонимы. Из всего великого множества подобных трансформов приведём лишь несколько примеров из польского и белорусского языков. Так, название песни Цезария Макевича (Cezary Makiewicz) *Wszystkie drogi prowadzą do Mrągowa (Все дороги ведут в Мронгово)* представляет трансформацию древней пословицы о Риме с заменой на топоним Мронгово (Mrągowo) – название небольшого польского городка, который находится в окружении шести живописных озёр. Заголовки сообщений белорусской прессы, встречающиеся в

интернете, заменяют топоним Рим в данной пословичной формуле на названия белорусских городов: *Усе дарогі вядуць у Тураў*; *Усе шляхі вядуць у Полацк*; *Усе шляхі вядуць у Стоўбцы* и др. Белорусский поэт и писатель Владимир Короткевич в своих стихах полемизирует с древней латинской пословицей:

Усе шляхі прыводзяць не да Рыма,
А да родных вербаў і бяроз.
[Караткевіч, 1987: 40].

Широкое распространение трансформированных пословиц (по терминологии В. Мидера – антипословиц) Х. Вальтер и В.М. Мокиенко связывают с прагматическим фактором – частой повторяемостью, а также хрестоматийностью, стереотипностью традиционных пословиц, вызывающих у людей чувство протеста, «сопротивления» [Вальтер, Мокиенко, 2005: 7]. В наше время антипословицы создаются по моделям (формулам), свойственным традиционным паремиям, и прототип сразу узнаётся носителями языка. Эффект узнавания, возможность сравнения с традиционной пословицей являются главными условиями популярности антипословицы. «Как бы ни изменялись пословицы любителями острого словца, они должны быть узнаны, чтобы высечь искру иронии или юмора между полюсами традиционного и креативного, нового» [Вальтер, Мокиенко, 2005: 12]. Именно поэтому наличие антипословиц говорит о популярности традиционной паремии. Так, в польском сегменте интернета можно встретить такую антипословицу на даную тему: *Wszystkie drogi prowadzą do łóżka* (*Все дороги ведут в постель*), где замена топонима *Рим* на понятие *постель* придаёт пословице совершенно другой, ироничный смысл.

Ряд пословиц, в которых образ топонима используется в качестве цели, выражает семантику *Спрос укажет*. В русском языке существуют пословицы, где топонимом-целью выступают города Киев и Москва: рус. *Язык до Киева доведёт*; *Язык до Москвы знает* [БСРП, 2010: 1013]. В древности Киев был столицей Русского государства, позднее центром Руси сделалась Москва. Смысл выражения в том, что до столицы, хотя и далеко, можно добраться, спрашивая дорогу у людей. Значит, надо

спрашивать, и тебе ответят. Белорусский вариант этой пословицы также использует топоним Киев: *Язык да Кіева давядзе*, *Язык Кіева дапытаецца* [Лепешаў, 1996: 237]. Эта семантика без упоминания топонимов содержится в польской пословице *Koniec języka za przewodnika* (*Конец языка за проводника*) [Stypuła, 1974: 349]. Другие польские паремии предлагают спрашивать дорогу до польской древней столицы – Кракова: *Język i do Krakowa dopyta* (*Язык и до Кракова доспрашивает*), или до Рима *Język i do Rzymu doprowadzi* (*Язык и до Рима доведёт*) [Stypuła, 1974: 259]. Французы и немцы такой достойной целью считают Рим: фр. *Qui langue a, à Rome va* (*У кого есть язык, добирается до Рима*); нем. *Mit Fragen kommt man nach Rom* (*С расспросами добираются до Рима*) [Arthaber, 1989: 355].

Финская пословица обладает той же семантикой *Ei kysyvä tieltä eksy* (*Не спрашивая, можно заблудиться*), но при этом не содержит топонимических названий. Однако в словарях зафиксирована ещё одна паремия, помеченная в качестве редко употребляющейся, возникшая предположительно как контактная параллель под влиянием русской паремии: *Kieli vie Kiovaan ja tuo sieltä takaisin* (*Язык до Киева доводит и возвращает оттуда назад*) [Храмцова, 2011: 224].

На Востоке главным религиозным центром является Мекка. Разумеется, именно этот священный город служит главной целью расспросов в таджикских пословицах: тадж. *Пурсидапурсида Маккаро ёфтаанд* (*Расспросами, расспросами Мекку разыскали*) [Калонтаров 1965: 276]. Мекка находится далеко, добраться до святынь этого города непросто, однако, расспрашивая людей, человек способен дойти до цели. Мекка играет важную роль в жизни народов мусульманского Востока, подобно Риму для европейцев. Это священный центр массового паломничества, ежегодно привлекающий огромное множество верующих. Образ Мекки используется в таджикской пословице с несколько иной семантикой *Свой своего найдёт*: *Хоҷи хоҷиро аз Макка меёбад* (*Хаджи другого хаджи и в Мекке найдёт*) [Калонтаров 1965: 194]. Также в таджикских вариантах русской

пословицы о Киеве фигурирует и топоним Хорасан. Это древняя историческая область Персии, которая славилась своими коврами, производством шафрана и барбариса. Надо спрашивать дорогу, язык и в Хорасан может довести: *Пурсон-пурсон Хуросон* (*С расспросами можно до Хорасана добраться*) [Калонтаров, 1965: 276].

В таджикских пословицах употребляются образы и других знаменитых в мусульманском мире городов – Медины и Багдада (например, *Влюблённому и Багдад не далёк*), однако в связи с рассматриваемой семантикой мы пословиц именно с этими топонимами не обнаружили. Стоит отметить, что Багдад, основанный в 762 г., прославленный центр мировой и исламской культуры, в течение многих столетий бывший столицей обширного арабского халифата, встречается в пословицах разных народов Востока. Так, в исследовании М.В. Порхомовского, посвящённом анализу турецких пословиц, отмечается, что по количеству упоминаний в турецких паремиях Багдад с большим отрывом опережает другие города (Мекку, Стамбул и др.) [Порхомовский, 2014: 94]. Например, Balım olsun, sinek Bağdat'tan gelir (Пусть у меня будет мёд, а муха и из Багдада прилетит) [Порхомовский, 2014: 160]. Также мы видим название Багдада в персидских паремиях *Из Багдада я приехал, а по-арабски ты говоришь* и *Нас двое: я здесь, да халиф в Багдаде* [Кор-Оглы, 1973: 289]. В первом случае обыкновенно так отзываются о человеке, который берётся рассуждать о каких-то вещах, в которых не очень разбирается. Вторая пословица с иронией характеризует зазнавшегося, спесивого человека.

В персидских пословицах встречаются также названия городов Самарканд и Бухара: *В Самарканде кошка с хвостом, а в Бухаре осёл с копытами* [Кор-Оглы, 1973: 199]. Значение этой пословицы – *Открыл Америку, эка невидаль! Об этом известно всем.* Как говорят иранцы, когда все знают, а кто-то нет: *Только Ходжа Хафиз Ширази не знает* (*об этом*) [Кор-Оглы, 1973: 255], по-европейски *Это секрет Полишинеля*. Персидский поэт Хафиз (ок. 1315-1389) жил в Ширазе, но широко известна его газель, в которой упоминаются именно Самарканд и Бухара: *Ве*

xāl-e hendu-yaš baxšam Samarqand-o Boxārā-rā (*За родинку её индийскую я отдам Самарканд и Бухару*). Для Востока эти два города имели особе значение. Самарканд – блистательная столица огромной империи Тамерлана – представлялся символом и средоточием мирских богатств и могущества. В то же время Бухара в представлении людей была символом духовной жизни и торговым городом, крупным религиозным и культурным центром, среднеазиатской Меккой. В Бухаре работал знаменитый имам Аль-Бухари (810-870), собиратель и исследователь хадисов (преданий о словах и деяниях Пророка Мухаммада). Таким образом, выражение «отдать (подарить) Самарканд и Бухару» можно понимать как «отдать все богатства этого мира». Встречаются в персидских пословицах и другие, менее известные, топонимы, например: *В Куме супа не достал, в Кашане – каши*. Это аналог русской паремии: *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*.

Пословицы, в которых разные города характеризуются в зависимости от их экономического положения и богатства, представляют большой интерес для сопоставительного анализа. В частности, понятие о конкретном городе отражается в пословичной семантике, выраженной формулой *Город X богат.* В русских паремиях наиболее часто олицетворением богатства и изобилия выступает древняя столица – Москва: рус.: *В Москве недорода хлебу не бывает*; *Москва людна и хлебна*; *В Москве все найдёшь, кроме птичьего молока* [Мокиенко, 2010: 556]. В латышских пословицах символом изобилия служит Рига, сегодняшняя столица Латвии: латышск.: *Rīgā trūkst tik putna piena un vēža asinu* (*В Риге не хватает только птичьего молока и рачьей крови*) [Folklora]. В литовской пословице о богатстве города используется образ прусского Тильзита: лит. *Tilžė – pinigų milžė* (*Тильзит – денежный подойник*) [Patarles]. В немецких пословицах изобилием отличаются саксонские города Лейпциг и Дрезден: нем. *Zu Leipzig hat ein Reicher, was sein Herz wünscht* (*В Лейпциге богач найдёт всё, что пожелает*) [Wander, 1873: 31], *Dresden ist angefüllt mit allem, was man sich wünscht* (*Дрезден полон всем, что только пожелаешь*) [Wander, 1867: 697].

Английская пословица *The streets of London are paved with gold* (*Улицы Лондона вымощены золотом*) [Special dictionary] отражает представления народа о неслыханном богатстве столицы.

Следует отметить, что русская и латышская пословицы о Москве и Риге используют одну и ту же метафору «птичье молоко». Исследователи связывают этот образ с древнегреческой литературой, с которой, как известно, русские познакомились непосредственно из греческого языка. В Древней Греции фразеологизм «птичье молоко» пользовался большой популярностью и обозначал нечто редкое и драгоценное. Образ птичьего молока как предела всех желаний встречается у Аристофана, Страбона, Лукиана и др. Страбон писал, что поэты, восхваляя плодородие острова Самос указывали, что там есть даже *птичье молоко* [Тимошенко, 1897: 52]. При этом латышская паремия использует и второй образ – «кровь рака». Речь идёт о такой же редкости, как и птичье молоко. Кроме того, с точки зрения биологии, у раков отсутствует кровь в обычном понимании, это гемолимфа. Поэтому, если в пословице говорится, что не хватает только рачьей крови, значит, в городе царит полное изобилие.

Другая латышская пословица гласит: *Par naudu var Rīgā visu dabūt, tik tēva, mātes un putna piena ne* (*За деньги в Риге всё можно добыть, только отца, матери и птичьего молока нет*) [Birkerti, 1997: 69]. Здесь образ необыкновенного птичьего молока дополнен образами отца и матери – это то, что нельзя купить, зато всего остального вдоволь. Москва представляет собой весьма продуктивный топоним в образовании русских пословиц, играющий роль прецедентного имени. Другой популярный в пословицах топоним – северная столица России – Санкт-Петербург. Дихотомия «Москва – Петербург» является традиционной для языкового сознания русских, что находит своё отражение в таких паремиях, как *Москва бьёт с носка*, *а Питер бока повытер*; *Москва создана веками*, *Питер – миллионами*; *Питер – голова, Москва – сердце*; *Питер – кормило, Москва – корм*.

Прецедентный характер имени Москва объясняется тем, что в сознании русского народа Москва ассоциируется с сердцем России, так как на протяжении веков она была и в настоящее время является российской столицей и в то же время противоположностью родного, провинциального: *Родная сторона краше Москвы*; *Говорят в Москве, а слушают во всей стране* [Ломакина, 2018: 92]. О значении топонима Москва для русского языкового сознания говорят и современные антипословицы: *В Москве хорошо, а в Новгороде лучше* и *В Москве хорошо, а дома лучше*. Английская пословица *The streets of London are paved with gold* восходит к известной легенде о Дике Уиттингтоне, бедняке, который стал впоследствии мэром Лондона. Эта история XIX в. основана на более ранней легенде, возникшей в XIV в. Вероятно, уже в те времена в сознании английского народа укоренились представления о блеске и невероятном богатстве британской столицы, которые вошли в пословицу в образе золотой мостовой. Немецкая пословица *Auch in Danzig sind die Dächer mit Fladen nicht gedeckt* (*И в Данциге не все крыши покрыты лепёшками*) [Wander, 1867: 571] вместо образа золотой мостовой говорит о лепёшках в качестве символа богатства (крыши домов крыты не обычной черепицей, а лепёшками). Это не настолько впечатляет, как вымощенные золотом улицы, однако семантика паремии свидетельствует о том, что Данциг, несомненно, богат, однако не все горожане одинаково зажиточны.

Литовская пословица *Tilžė – pinigų milžė* (*Тильзит – денежный подойник*) косвенно отражает семантику *Город X богат*. Тильзит (в настоящее время – город Советск) расположен в Калининградской области РФ у литовской границы. В XIX в. Тильзит был важным торгово-экономическим центром Восточной Пруссии, где сходились многие торговые пути. Известно, что жители города говорили на пяти языках. Литовцам Тильзит был хорошо знаком, так как они часто ездили туда за покупками. Образ подойника намекает на процесс дойки молока. Семантика пословицы создаёт представление о том, что Тильзит как бы выдаивал людей, приезжавших туда с деньгами. То есть

деньги тратились на самые разные покупки и оставались в Тильзите, отчего город, естественно, богател.

Ещё одна группа пословиц отражает семантику, также связанную с богатством, а именно с его оборотной стороной – дороговизной. Семантика, соответствующая пословичной формуле *Город X дорог*, прослеживается в русских пословицах *В Москве толсто (часто, густо) звонят, да мало (редко, жидко) едят*; *В Москву бресть (идти) – последнюю копейку (деньгу) несть* [БСРП, 2010: 556, 557]. В первой пословице указывается на изобилие храмов, характерное для богатых городов, и одновременно дороговизну жизни, особенно в представлении приезжих крестьян. Во второй паремии прямо утверждается, что жизнь в российской столице сопряжена с очень большими тратами. Сходная семантика отмечается в литовской пословице: *Buvau Vilniui, buvau Kaune, atvažiavau nuoga šlaunia* (*Был в Вильнюсе, был в Каунасе, приехал с голыми ляжками*) [Patarles. dainutekstai. lt.]. Главные города Литвы – Вильнюс и Каунас – также считаются дорогими, образно говоря, из поездки в эти города люди возвращаются голыми и стройными. Относительно Санкт-Петербурга существует русская пословица со сходной семантикой: *Хорош город Питер, да бока повытер* [Мокиенко, 2010: 663]. Немецкую пословицу *Ei Templfeld verplempern se s Geld* (*В Темпельфельде транжирят деньги*) [Rother, 1927: 403] можно понимать так, что люди из Темпельфельда любят тратить деньги, или же так, что сам город отличается дороговизной. Другая группа пословиц характеризует людей, живущих в определённом городе, с точки зрения денег и богатства. Например, литовская пословица *Kaunas kaukia – pinigų laukia* (*Каунас кричит – денег ждёт*) [Patarles]. Данная паремия требует комментариев, поскольку топонимы содержат дополнительные культурологические характеристики. Поэтому следует согласиться с О.В. Ломакиной, которая отмечает: «Представляется, что при составлении новых паремиологических многоязычных словарей следует сопровождать статьи подробным историко-культурологическим комментарием, созданием лингвокультурологического “портрета” паремии, что упростит межкультур-

ную коммуникацию» [Ломакина, 2010: 217]. Согласно комментарию литовского исследователя С. Лапинскаса, могут быть два варианта толкования пословицы: 1) kaukia связано со словом маска (kaukė), то есть жители города носят маску, под которой скрывается жажда денег); 2) kaukia связано со словом выть (kaukti), то есть жители Каунаса воют, как волки, ибо имеют лишь одно желание – достать денег [Бредис, 2019: 114]. Данная паремия характеризует жителей Каунаса как весьма сребролюбивых людей.

Латышская пословица *Rīgā laba dzīve, tikai nevajaga snaust* (*В Риге жизнь хорошая, только дремать не надо*) [Folklora] говорит об оборотистости рижан. Это город, в котором надо активно трудиться и не следует зевать.

Старая немецкая пословица о Риме характеризует католических священнослужителей и их отношение к деньгам: *Wer mit vollen Beuteln kommt nach Rom hinein, der wird bald Abt oder Bischof sein* (*Кто с полными кошельками в Рим приедет, тот скоро станет аббатом или епископом*) [Wander, 1867]. Среди рассматриваемых французских и польских паремий нам не удалось обнаружить пословиц с подобной семантикой, характеризующих какой-либо город как богатый или дорогой. Во французском сегменте интернета встречаются похожие на пословицы выражения, однако, как правило, они относятся к известным цитатам. Например: *Paris est la seule ville au monde où mourir de faim est encore considéré comme un art* (*Париж – единственный в мире город, где смерть от голода может расцениваться как искусство*) [Qqcitations]. Данная цитата принадлежит современному испанскому писателю и композитору Карлосу Руису Сафону (Carlos Ruiz Zafón) и пословицей считаться не может.

О напрасно потраченных деньгах говорит финская пословица *Rahat menivät kuin Kankkulan kaivoon* (*Деньги ушли как в колодец в Канккула*) [Храмцова, 2011: 103]. В её основе лежит топонимический фразеологизм *Kankkulan kaivo* (*колодец в Канккула*). В своё время в Финляндии был снят художественный фильм под названием *Kankkulan Kaivolla* (*В колодце Канкулла*). В Северной Карелии (Восточная Финляндия) действительно

существует такой населённый пункт – хутор Канккула. Однако без лингвокультурологического комментария смысл пословицы остаётся не совсем ясным. В данном случае может помочь отсылка к старому финскому языку. Дело в том, что в старом финском языке слово *kankku* являлось нейтральным обозначением *задницы*. Только зная об этом, мы сможем понять полный смысл пословицы.

В персидской пословице *Он как колодец Вейл* также речь идёт о колодце, но этот топоним не связан с реальной географией [Кор-Оглы, 1973: 172]. Согласно преданию из Корана, Вейл – место в аду, бездонный колодец, куда бросают грешников. Сколько бы их ни было, колодец Вейл никогда не наполнится. Это выражение используют, чтобы показать крайнюю степень расточительности, а иногда скупости.

Ещё одна старая финская пословица является очевидной контактной параллелью, соответствующей русской паремии *Moskovassa lehmä kopeikan maksaa, tänne tuodessa sata ruplaa* (*В Москве корова копейку стоит, а здесь сто рублей*) [Храмцова, 2011: 174]. В словаре она помечена как малоупотребительная. Её отличие от русской паремии *За морем телушка полушка, да рубль перевоз* состоит в использовании топонима Москва и названий других (но тоже русских) денежных единиц.

В отдельную группу можно выделить паремии с географическими названиями, которые связаны с торговлей и экономикой: русск. *В Тулу со своим самоваром не ездят* [БСРП, 2010: 917]; англ. *To send coals to Newcastle* (*Возить уголь в Ньюкасл*) [Wordsworth, 2006: 104], фин. *Ei kanneta lunta Lappiin* (*Не носите снег в Лапландию*) [Храмцова, 2011: 160]. Правда, финская пословица помечена в словаре как малоупотребительная. Эти паремии не связаны напрямую с деньгами, но они так или иначе связаны с торговлей и богатством.

Во многих европейских языках имеет хождение пословица с данной семантикой, которая восходит к древнегреческому выражению *κομίζω γλαύκας εἰς Ἀθήνας* (*Носить сов в Афины*). Автором крылатого выражения, превратившегося в пословицу, считается греческий драматург Аристофан. В своей знаменитой

комедии «Птицы», впервые поставленной в 414 г. до н.э., Аристофан вложил в уста своего героя афинянина Эвельпида слова: «Да кто ж в Афины со своей идёт совой!».

Известен латинский перевод этого выражения *Ululam Athenas ferre*, неоднократно встречающийся в письмах Цицерона. Так, в письме, написанном брату Квинту Туллию Цитерону в Британию (54 г.), Марк Туллий писал: «По твоей просьбе, охотно помогу тебе, чем хочешь, и пришлю тебе стихи, которых ты просишь, то есть сову в Афины» [Цицерон]. Автор письма считал, что Квинт Тулий может сам написать хорошие стихи, и посылать их ему – напрасный труд.

Эта пословица используется в английском, немецком, французском и ряде других языков: нем. Eulen nach Athen tragen; англ. *To carry owls to Athens* [Mieder, 1984], франц. *Apporter des chouettes à Athènes, польск. Nosić sowy do Aten*.

В Древней Греции пословица *Носить сов в Афины* означала излишнее, бесполезное действие, так как подразумевалось, что в Афинах дополнительных сов не требуется, а также нет недостатка в деньгах. Казалось бы, при чём здесь деньги, когда речь идёт о совах? Здесь необходим лингвокультурологический комментарий, который прояснит значение паремии. Дело в том, что знаменитые «афинские совы», монеты (тетрадрахмы) с изображением богини Афины на одной стороне и совы – на другой чеканились в Афинах в большом количестве из серебра (весом примерно 16,4 г) в течение нескольких столетий. Специалисты относят появление этих монет в Афинах приблизительно к 510 г. до н.э. На аверсе «афинской совы» изображался профиль богини Афины, покровительницы города, в военном шлеме. На реверсе монеты помещалось изображение совы, вернее, домового сыча, оливковой ветви и месяца. Справа чеканились три греческие буквы: альфа, фита и эпсилон (АΘЕ), т.е. Афины, что свидетельствовало о происхождении тетрадрахмы. Оливковая ветвь символизировала основу процветания Афин – экспорт оливкового масла. Монета была достаточно дорогой и использовалась в крупных торговых операциях, международной торговле. Этой монетой также финансировались военные действия.

Около трёхсот лет «афинская сова» служила первой известной международной валютой, так как принималась в разных уголках Ойкумены [Coinshome.net].

Воинственность Афины на монетном профиле подчёркивал боевой шлем, а её мудрость символизировало изображение совы. Ведь сова способна хорошо видеть в ночное время. Эта птица в представлении греков связывалась с богиней Афиной, которая имела постоянный эпитет γλαυκῶπις (*совоокая*) [Античность, 1989: 534]. В этом, вероятно, отразились отголоски более древнего культа совы, распространённого в данном регионе, который позднее превратился в культ Афины, богини-воительницы, покровительницы афинян, даровавшей им священное дерево – маслину, богини мудрости и разума.

Кроме того, в районе афинского акрополя действительно водилось множество сов. Они жили в тихих уголках и символизировали для людей знания и мудрость. Таким образом, лингвокультуроведческие изыскания показывают, что возникновению популярной европейской пословицы способствовали обилие сов и богатство Афин, основной монетой которых были также «совы» [Mieder, 2013: 70].

Многие европейские исследователи посвящали свои работы различным вариантам пословицы: *Носить сов в Афины* (см.: [Bergmann, 2007; Földes, 1989; Piirainen, 2002; Prędota, 1986; Williams, 1986]).

В Греции существовали и другие варианты, выражающие семантику паремии *Носить сов в Афины*, например: *Носить рыбу в Геллеспонт*, *Возить зерно (крокодилов) в Египет*, *Возить шафран в Киликию* [Вальтер, Мокиенко, 2015: 40]. Известно, что Геллеспонт, называемый в наши дни Дарданеллами, является морским проливом, в котором, соответственно, водится рыба. Египет, богатый зерном и крокодилами, в них явно не нуждался (своих хватало), как и Киликия, богатая шафраном, также не нуждалась в дополнительном шафране. Древние греки совершали дальние путешествия в Киликию, на побережье Малой Азии, где, как они считали, можно было приобрести лучший в мире шафран.

У немцев подобную семантику выражают пословицы *Bier nach München (Dortmund) tragen* (*Возить пиво в Мюнхен* (*Дортмунд*), речь идёт о всемирно известных центрах пивоварения). Кроме того, немцы не рекомендуют носить воду в Рейн, Эльбу или Дунай (*Wasser in den Rhein* (*Elbe, Donau*) *tragen*). Англичане не советуют носить воду в Темзу [Вальтер, Мокиенко, 2015: 40].

Кроме того, в рассматриваемых языках данная семантика выражается в различных вариантах пословиц без связи с топонимией – например, нем. *Wasser ins Meer tragen (Носить воду в море)*, польск. *Wody do morza nie wozi się* (*Не вози воду в море*), *Drzewa do lasu nie wozi się* (*Дерево в лес не возят*) [Stypuła, 1974: 29], таджикск. *Гул ба бӯстон бурдан* (*Нести цветы в цветник*) [Калонтаров, 1965: 150] и др. В русском языке также существуют подобные пословицы *В лес дрова не возят*. *В лес дров не возят, а в колодец воду не льют*, в белорусском имеется аналог: *У студню вады не ліюць, а ў лес дроў не вязуць* и пр.

Интересно, что в таджикском и персидском языках мы видим сравнительно большое количество подобных торговых паремий с географическими названиями. Таджикская пословица *Лаъл ба Бадахшон бурдан* (*Везти рубины в Бадахшан*) упоминает *лаъл (рубин)* [Калонтаров, 1965: 150]. В действительности *лаъл* (устар. русск. *лал*) – это не рубин, а красная шпинель. В древности шпинель не отличали от рубина и от граната. На Руси драгоценные камни алого цвета также называли лалами (существовала русская скороговорка *Ал лал, бел алмаз, зелен изумруд*). Крупный лал (благородная шпинель) был приобретён в 1676 г. согласно указу Алексея Михайловича у китайского правителя русским послом Николаем Спафарием. В 1727 г. этот лал был оценён в 60 000 руб. и впоследствии украсил большую императорскую корону российских самодержцев.

Бадахшан – историческая область Памира, которая располагается на территории Восточного Таджикистана и Северо-Восточного Афганистана. Эта область знаменита своей розовой шпинелью, которая известна в Европе со времён Марко Поло, побывавшего в копях на Памире и поведавшего европейцам о

тамошних прекрасных рубинах. Другая таджикская пословица *Гавҳар ба Уммон бурдан* (*Возить жемчуг в Оман*) [Калонтаров, 1965: 150], говорит о бессмысленности возить жемчуг в султанат Оман, расположенный в юго-восточной части Аравийского полуострова. Многие жители Омана и в наши дни занимаются своим традиционным промыслом – добычей жемчуга. Ещё одна таджикская пословица *Филфил ба Ҳиндустон бурдан* (*Чёрный перец везти в Индию*) также не рекомендует возить эту пряность туда, где она растёт в большом количестве.

Отметим, что в персидском языке наблюдается ещё большое разнообразие паремий с подобной семантикой: زیره به کرمان بردن (*Зира ба Керман бурдан*) – везти тмин в Керман (где производят его лучшие сорта); بردن حلب به نه‌آبگی (*Абгина ба Халаб бурдан*) – везти стекло в Алеппо (область в Сирии, где его производят); شکر به خوزستان بردن (*Шакар ба Хузестан бурдан*) – везти сахар в Хузестан (иранскую провинцию, где его производят); مشک به ختن بردن (*Мушк ба Хотан бурдан*) – везти мускус в Хотан (город в восточной части Туркестана, славившийся превосходным мускусом); دیبا به روم بردن (*Диба ба Рум бурдан*) – везти парчу в Византию [Голева, 2006]. Существует также расширенный вариант пословицы *Возить тмин в Керман, а свёклу в Герат* [Кор-Оглы, 1973: 220]. Гератский оазис – обширная возделываемая долина реки Герируд. На протяжении многих столетий от Герата, находившегося на Великом шёлковом пути, расходилось множество дорог: в Мерв и Бухару, Керман и Иран, Балх, Самарканд и Китай, в Нишапур и Константинополь. Из того же семантического ряда персидская пословица *Возить сталь в Индию* [Там же 1973: 152]. Известно, что в древности на Востоке Индия славилась своими изделиями из стали и высоким искусством металлургов.

Таким образом, сопоставление ряда групп пословиц, в которых упоминаются названия городов и другие географические названия, показывает значительное семантическое сходство между пословицами рассматриваемых языков при употреблении различных средств образности и топонимов. Многие по-

добные пословицы фиксировались в основном в XIX – начале XX в. Паремии о богатстве с упоминанием топонимов составляют важный культурологический пласт, поскольку топонимы являются обозначением уникальных географических объектов, имеющих свою историю и символизирующих для носителей языка те или иные характерные черты. Пословичные топонимы несут в себе национальный компонент. Однако, несмотря на богатый топонимический инвентарь, отражающий географические пункты той или иной страны, обнаруживается интернациональный характер пословиц, что позволяет относить их к универсалиям и находить их семантические эквиваленты в разных языках.

Выводы

Рассмотренный материал показывает, что паремиологический фонд любого языка развивается и пополняется на протяжении всего его существования. Поэтому пословицы и поговорки содержат в себе отголоски архаики, древних традиций и обычаев, символов, стереотипов и эталонов, а также индивидуально осмысляемых каждым языковым сообществом денотатов психологической и социальной жизни. Сопоставительный анализ русских, башкирских и турецких паремий показывает, что и универсальные логические суждения, лежащие в их основе, и этнически маркированные суждения обусловливаются, прежде всего, экстралингвистическими факторами – социокультурными условиями жизни народов, их образом жизни и бытом, традициями и обычаями. Особенности лингвокультуры каждого из народов получают отражение в паремиологическом фонде как вербализованной форме национального миропонимания. При этом важную роль играет религия: показано, что для тюркоязычных стран ислам является неотъемлемым элементом культуры, поэтому ряд паремий констатирует общеисламские ценности и взгляды. Хотя репрезентация социальных ролей имеет общечеловеческую основу, каждый народ обладает собственной

исторической интерпретацией роли и места женщины в обществе и семье [Новоспасская, Раадранириана, Лазарева, 2019: 301].

Проведённый лингвокультурологический анализ паремиологического фонда разных языков показал роль культурно маркированных единиц в паремии. Пословичный портрет пчелы (стереотипное представление о насекомом) и в русском, и в китайском языках имеет общие черты. Различия сводятся к акцентированию в русских паремиях мелкого размера насекомого, издаваемого характерного звука – жужжания. В китайских же пословицах отмечается цвет тела пчелы, акцент ставится на трудолюбии пчел. Следует отметить, что в китайских пословицах шире представлена иерархия внутри пчелиного сообщества. В целом в обеих лингвокультурах пчела оценивается как полезное насекомое, вызывает больше положительных эмоций и оценок. Национально-культурные различия сводятся к тому, что в русских пословицах акцентируются такие установки культуры, которые приводят к успеху, принесению пользы, отмечается умение правильно выбирать друга, важность труда, а в китайских – трудолюбие как черта человека и коллективизм. Интересно, что пословичные биномы в русских и китайских пословицах совпадают. Это видовые соотношения: пчела-матка, пчела – муравей, ‘насекомое – растение’: пчела – цветок, ‘насекомое – пища’: пчела – мёд. Из проанализированных русских пословиц только 4 встретились в художественных контекстах XIX в., а из китайских паремий – только одна пословичная единица в контексте художественного произведения конца XX в.

Сопоставление ряда групп пословиц, в которых упоминаются названия городов и другие географические названия, показывает значительное семантическое сходство между пословицами рассматриваемых языков при употреблении различных средств образности и топонимов. Многие подобные пословицы фиксировались в основном в XIX – начале XX в. Паремии о богатстве с упоминанием топонимов составляют важный культурологический пласт, поскольку топонимы являются обозначением уникальных географических объектов, имеющих свою ис-

торию и символизирующих для носителей языка те или иные характерные черты. Пословичные топонимы несут в себе национальный компонент. Однако, несмотря на богатый топонимический инвентарь, отражающий географические пункты той или иной страны, обнаруживается интернациональный характер пословиц, что позволяет относить их к универсалиям и находить их семантические эквиваленты в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2013. № 1 (21). С. 5-14.

Алефиренко Н.Ф. Фраземопорождающий потенциал когнитивно-провербиального кода // Современная фразеология: тенденции и инновации. М. – СПб. – Брянск, 2016. С. 7-31.

Алефиренко Н.Ф. Живое слово дороже мёртвой буквы: язык в свете лингвистического постмодернизма // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород: Эпицентр, 2016. С. 31-38.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008а. 271 с.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008б. 152 с.

Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловая парадигма слова // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире: сб. науч. труд. Ун-та Кирилла и Мефодия в Трнаве. Брно, 2014. С. 6-17.

Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Nitra: UKF, 2011. 216 с.

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Значение и смысл паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6-2. С. 169-180.

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Наука, 2009. 344 с.

Аліферчык Т.М. Тапанимия Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект. Мінск: Беларус. навука, 2013. 255 с.

Альдингер О.П. Фразеономастическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И. Даля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 24 с.

Антонова Е.Н. Прагматика современного стихотворческого процесса в свете дискурс-анализа филологической поэзии // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2017. С. 78–84.

Антонова Е.Н. Реализация антропоморфного принципа в русских паремиях // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22-23 октября 2019 г. / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т.В. Лариной, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2019. С. 208-214.

Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.-Л.: Наука, 1964.

Байрамова Л.К. Интерпретация фразеологизмов в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика. Идиоматика и познание. Белгород: БелГУ, 2008. Т. 1. С. 298-302.

Байрамова Л.К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни // Филология и культура. 2014а. № 4 (38). С. 25-28.

Байрамова Л.К. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка*:* словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014б. № 77. С. 10-12.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Бартминьский Е. Место ценностей в языковой картине мира // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел-2000, 2011. С. 51-80.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.

Бичер О. Русские пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом (на фоне турецкого языка): дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2016. 158 с.

Болотина М.А, Шабашева Е.А. Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 2. С. 21-28.

Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремики // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. С. 26-47.

Бочина Т.Г. Паремическая семантика и мифопоэтическая модель мира // Языковая семантика и образ мира: коллективная монография / под ред. Т.Г. Бочиной. Казань: КФУ, 2013. С. 296-318

Бредис Е.М., Бредис М.А. Антипословицы в роли газетных заголовков (на материале публикаций германских СМИ) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 209-214.

Бредис М.А. Деньги и богатство в пословицах разных народов (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков) // Вестник Орловского государственного университета. 2012. № 4. С. 234-238.

Бредис М.А. Определения пословицы в отечественной лингвистике // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 4. С. 12-17.

Бредис М.А. Отражение ценностных ориентиров в паремиях (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков о дружбе и деньгах) // Вестник Новгородского университета. 2014. № 77. С. 102-104.

Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. … канд. филол. наук. М., 2017. 346 с.

Бредис М.А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. 296 с.

Бредис М.А., Ломакина О.В. Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале

русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). 2018. № 4 (64). С. 118-129.

Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34-43.

Буслаев Ф.И. Русский быт и пословицы // Исторические очерки. СПб., 1861. Т. I. Русская народная поэзия. 643 с.

Вейдле В.В. Задача России. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956. 238 с.

Величко А.В. Фразеологические единицы разных уровней языка. Универсальное и специфическое // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 62-77.

Верещагин Е.М., *Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. С. 71-80.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2010. 304 с.

Владимирова Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Ленанд, 2018.

Гаврин С.Г. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке // Учен. записки Перм. гос. пед. ин-та. 1958. Вып. XVII. С. 23-46.

Галло Я. Лексико-синтаксические механизмы фразеологизации в русском и словацком языках // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 290-293.

Галло Я. К проблеме лингвосемантической специфики интертекстуальности // Opera Slavica: Slavistické rozhledy, roč. 22. 2012. Suppl. 1. С. 29 – 35.

Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 77-92.

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования: монография. 2-е изд., испр. и доп.; отв. ред. проф. Л.Б. Савенкова. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. 246 с.

Гвоздев В.В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1983.

Георгиева Ст. О национальной специфике фразеологических фондов русского и болгарского языков // Русистика: язык, культура, перевод: юбилейная международная научная конференция. София: Изток-запад, 2012. С. 219-225.

Глухих В.М. Приемы лаконичности в пословицах и поговорках // Русский язык в школе. 1996. № 2. С. 76-80.

Голева Г.С. Фразеология современного персидского языка. М.: Муравей, 2006. 224 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Гуревич П.С. Культурология: учебник для вузов. М.: Проект, 2003. 336 с.

Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Кавказские научные записки. 2010. № 1(2). С. 207–215.

Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: автореф. дис. … доктора культурологии. М., 2006. 45 с.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М.: Политиздат, 1985. 192 с.

Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 13-34.

Дюрчо П. Паремиология и корпусная лингвистика // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер. Филол. науки. 2014. № 77. С. 13-17.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 264-389.

Жуков В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках // Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000.

Жуков В.П. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин: Калинин. ун-т, 1977. 83 с.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Зельдович Г.М. О типах семантической информации: слабые смыслы // Известия РАН. Сер. лит. и яз, 1998. Т. 57. № 2. С. 32-41.

Зиновьева Е.И., Пи Ц. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 18–24.

Иванов Е.Е. Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 156 с.

Иванов Е.Е. О «паремиологическом минимуме» и «основном паремиологическом фонде» русского языка // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. [Białystok], 2002. T. VIII. S. 87–93.

Иванов Е.Е. «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, г. Варна, 17-23 сентября 2007 г.: в 7 т. София: Heron Press Ltd., 2007. Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития / под ред. Ст. Георгиевой, А. Липовской. С. 152-156.

Иванов Е.Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд // Паремиология в дискурсе; под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 48-66.

Иванов Е.Е, Новикова А.А. Основной паремиологический фонд английского языка // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015: сб. научных статей / под ред. Е.Е. Иванова. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. С. 314-317.

Іваноў Я. Я. Афарызм як прадмет філалогіі і аб'ект лінгвістыкі // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. 1994. № 3. С. 61-65.

Іваноў Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. 208 с.

Іваноў Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2006. № 3. С. 103–109.

Іваноў Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма. Магілёў: Брама, 2004. 160 с.

Іваноў Я.Я. Крылатыя словы // Беларускі фальклор: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск: БелЭн, 2005. Т. 1. С. 729–730.

Іваноў Я.Я. Сацыялінгвістычныя параметры беларускіх прыказак (да праблемы вызначэння парэміялагічнага мінімуму і асноўнага парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы) // Мова і соцыум: зб. навук. прац / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: Брама, 2004. С. 201–224.

Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 280 с.

Иванова Е.В. Проблемы пословичной лексикографии // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития общей и русской лексикографии: Третьи Жуковские чтения: Матер. Междунар. научн. симпозиума. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2004. С. 52-54.

Ишанкулова Д.Г. Коммуникативные ценности в лексико-фразеологической системе английского языка: автореф. дис…. канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.

Кали К.Т. Особенности перевода фразеологизмов с турецкого на русский, с русского на турецкий // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. 2012. № 34. С. 177-184.

Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. М.: Флинта: Наука, 2009. 296 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С.166-205.

Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 238 с.

Караткевіч У. Збор твораў: у 8 т. Мінск: Маст. літ., 1987. Т. 1: Вершы, паэмы. 431 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Кожин А.Н. О разграничении пословиц и поговорок // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. М., 1967. Т. 204. Вып. 14. 112 с.

Колесов В.В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси (XI-XVII вв.). М., 1989. С. 5-22.

Константинова А.А. Англо-американские паремии в медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный анализ. Тула: [б/и], 2012. 226 с.

Корина Н., Норман Б., Алефиренко Н., Высочаньский В., Соколова Я. Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Nitra: UKF, 2014. 204 с.

Корнеев П.Г. Динамика концептуальной структуры слов, входящих в ядро языкового сознания русских: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 18 с.

Костомаров В.Г., Верещагин Е.М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1988. С. 4-17.

Котова М.Ю. Славянская паремиология: дис. … докт. филол. наук. СПб., 2004. Т. 2. 540 с.

Котова М.Ю., Боева Н.Е. Тетради паремиографа. Вып. 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: учебно-методическое пособие для студентов; под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Изд-во ВВМ, 2019. 304 с.

Котова М.Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии: учебное пособие для магистрантов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 170 с.

Крикман А. Паремиологические эксперименты Г.Л. Пермякова // Малые формы фольклора: сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова / сост. Т.Н. Свешникова. М.: Восточная литература РАН, 1995. С. 338-382.

Кротова А.Г. Жива ли русская пословица? (опыт социолингвистического исследования) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 76-78.

Кулебякин Е.В. Антропоморфизм и генезис мышления (К проблеме выделения человека из природы. Методологические аспекты). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1987. 180 с.

Кулькова М.А. Русские и немецкие паремии: когнитивно-дискурсивный подход: учебное пособие Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2012. 214 с.

Кумахова Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 27 с.

Лаухакангас О. Пословицы в дискуссионных интернет-форумах // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. С. 101-119.

Ломакина О.В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 254–260.

Ломакина О.В. Отражение ценностных ориентиров в паремиологии: писательские рецепции (из опыта анализа языковой личности Платона Каратаева) // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 17-19 октября

2013 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. рус. яз. и метод. преп.; под общ. ред. Н.Н. Фаттаховой. Казань: Изд-во «Печать-Сервис XXI век», 2013. С. 128-131.

Ломакина О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2014. № 77. С. 177-180.

Ломакина О.В. Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского гос. ун-та. 2010. 6 (14). С. 217-221.

Ломакина О.В. Роль фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в формировании концепта «человек» (на материале народных драм Л.Н. Толстого) // Слово в словаре и дискурсе: сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: Изд-во «Элпис», 2006. С. 431-435.

Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018. 344 с.

Ломакина О.В., Макарова А.С. Варьирование устойчивых фраз: о некоторых тенденциях функционирования в русском и французском языках и трудностях фразеографирования // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. Тула: Издательско-полиграфическое объединение С-принт, 2015а. С. 470-475.

Ломакина О.В., Макарова А.С. Варьирование устойчивых фраз: от теории фразеографии к практике употребления Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года) / ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: в 15 т. Т. 7. СПб.: МАПРЯЛ, 2015б. С. 108-113.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303-317.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 480 с.

Лызлов А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.

Макарова А.С. Амбивалентность функционального потенциала крылатого выражения Я – Шарли / А.С. Макарова // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 4. С. 566–577. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).566-577.

Макарова А.С. Крылатое выражение ↔ пословица: о некоторых переходных случаях во фразеологии // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы международной науч.-практ. конф. (г. Кострома, 18-23 марта 2016 года) / под науч. ред. И.Ю Третьяковой. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016а. С. 124-125.

Макарова А.С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: дис. … канд. филол. наук. М., 2016б. 250 с.

Максимчук Н.А. Фразеоним как функциональная ономастическая единица // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпова. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 170-171.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: учеб. пос. по спецкурсу. Ярославль: Ярославск. гос. пед. ин-т, 1979.

Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Докл. VI Междунар. конф. Т. 1. М.: МГОПУ, 1998. С. 275-277.

Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. С. 4-25.

Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М.: Высш. шк., 1990. 160 с.

Мокиенко В.М. Систематизация концентра в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 439-445.

Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.

Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М.: Высшая школа, 1981. 190 с.

Наймушина Т.А. Пословицы и поговорки в художественном тексте: дис. … канд. филол. наук. Л., 1984. 210 с.

Нелюбова Н.Ю. Иерархическая структура ценностей носителей французского и русского языков: национальное и интернациональное // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей / редкол.: Е.В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019а. С. 95-98.

Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019б. Т. 10. № 1. С.324-337.

Нелюбова Н.Ю. Представление ценностей в пословицах франкоязычных стран (на материале пословиц Мартиники) // Вестник РТСУ. Филологические науки. Вестник университета. 2019в. № 1 (65). С. 198-208.

Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Ершов В.И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 223-243.

Нелюбова Н.Ю., Чертилин О.В., Ершов В.И. Общие и уникальные черты в тематике французских, русских и английских пословиц как отражение ценностных ориентиров // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VII Бодуэнов-

ские чтения (Казан. федер. ун-т, 28–31 окт. 2019 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. Т. 2. С. 194-198.

Никитина Т.Г. Современное состояние семантики русских пословиц // Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: кол. монография / науч. ред. проф. Т.Г. Никитина. Псков: ПГПУ, 2008. С. 6-18.

Николаева Т.М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // Малые формы фольклора: сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова / под ред. Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова и др. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1995. С. 311-324.

Николаева Е.К. Значение метаоператоров устойчивых выражений для исторической фразеологии / паремиологии (на материале XVII-XVIII вв.) // Slavia Orientalis. 2003. № 2. S. 247–256.

Николаева Е.К., Николаев С.И. Из истории русской паремиологической терминологии (Конец XVIII – первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII – начала XIX в. (Вопросы изучения и описания): сб. ст. СПб.: ИЛИ РАН, 1999. С. 77-85.

Ничипорчик Е.В. О методах декодирования культуроносных смыслов паремиологических единиц // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 245-252.

Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ им Ф. Скорины, 2015. 358 с.

Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты. автореф. дис. … д-ра филол. наук. Минск, 2016. 56 с.

Новиков Ю.А. Литва в русском фольклоре // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. Серия 6. Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 2008. С. 17-25.

Новоспасская Н.В., Раадраниpиана А.М.М., Лазарева О.В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семио-

тика. Семантика. Т. 10. № С. 301-322. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322.

Овчарова Т.Н. О природе ценностей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1. С. 477-494.

Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высш. шк., 1974. С. 182-219.

Олизько Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33(248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 164-166.

Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. 304 с.

Перетц В.Н. Из истории русской пословицы. Историко-литературные заметки и материалы. С приложением сборника польских пословиц по рукописи 1726 года. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1898. 39 с.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука, 1988. 236 с.

Пермяков Г.Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) // Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 143–169.

Плескачева Я.С. Лингвокультурологические особенности пословиц с зоонимами в английском, немецком и русском языках // Linguamobilis. 2014. № 5 (51). С. 83-90.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 98-111.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологиче-

ские исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 23-35.

Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Самаркандского гос. ун-та. Новая серия. 1961. № 113. С. 119-129.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1980-1982. 1492 с.

Савенкова Л.Б. Взаимосвязь фразеологического и паремиологического уровней языковой системы: деривационный и функциональный аспекты // Мир русского слова и русское слово в мире: матер. XI Конгресса МАПРЯЛ. Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития / под ред. Ст. Георгиевой. София: Heron Press, 2007. С. 268-272.

Савенкова Л.Б. Лингвокультурологический подход к созданию словаря русских паремий // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития рус. и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения). Матер. Междунар. науч. симпоз. 21-22 мая 2004 г. / отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Я. Мудрого. Великий Новгород, 2004. С. 86-90.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: Мирс, 2009. 270 с.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость; науч. ред. В.М. Мокиенко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 296 с.

Семененко Н.Н. Паремии с идиоматическим и неидиоматическим значением как репрезентаторы когнитивных единиц // Фразеология и когнитивистика: Матер. 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. Белгород: БелГУ, 2008. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. С. 340-344.

Семененко Н.Н. Проблема фразеопаремического синкретизма в определении жанрового и языкового статуса русских поговорок // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар.

науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. С. 125-129.

Семененко Н.Н. Тематический принцип паремиографии в свете современной лингвокогнитивистики // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 2 (24). С. 23-27.

Семененко Н.Н. Парадигматические свойства и иерархическая структура паремий в когнитивно-прагматическом аспекте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 158-164.

Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. 355 с.

Серебренникова Е.Ф. Введение // Лингвистика и аксиология: этномемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 3-6.

Серёгина М.А. Паремиологическая картина мира: вопросы теории // Materiály VIII mezinárodni vědecko-praktická conference «Vědecky pokrok na přelomu tysyachalety – 2012». Díl 18. Filologické vědy. Praha: Education and Science s.r.o., 2012. С. 52-56.

Серёгина М.А. Паремия и план ее выражения: признак структуры // Materialy VI Międzynarodovej naukowi-praktycznej konferencji «Europejska nauka XXI powiek – 2010». Volume 11. Filologiczne nauki. Przemyśl: Nauka i studia, 2010. С. 65–69.

Синячкин В.П. Концепт «Хлеб» в русском языке, лингвокультурологические аспекты описания: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 171 с.

Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании: монография. М.: РУДН, 2010. 337 с.

Соколова Я., Корина Н. «Центризмы» в лексическом пространстве языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. № 2. С. 55-60.

Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.

Стрижев А.Н. Календарь русской природы. М.: Московский рабочий, 1973. 272 с.

Сюй Х. Русские паремии с компонентом – зоонимом в лингвокультурологическом аспекте (на фоне китайского языка): дис. … канд. филол. наук. СПб., 2012. 137 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-25.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1996. 288 с.

Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция, Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. М.: ИРЯЗ, 1991. Ч. 1. С. 5–22.

Фархутдинова Ф.Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология – 2000. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 100-101.

Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 188 с.

Федуленкова Т.Н. Английские пословицы с инвариантным денотативным значением и их русские эквиваленты // Вопросы теории и практики перевода: сб. материалов семинара. Пенза: Пензенский государственный педагогический ун-т; Приволжский дом знаний, 1998. С. 122-126.

Филиппенко Е.А. Образы мужчин и женщин в пословично-поговорочном фонде разных языков мира // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 11. С.61-66.

Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.

Человек и общество: Культурология: словарь-справочник / под ред. О.М. Штомпеля. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. 544 с.

Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии. М.: Прометей, 1996. 147 с.

Хао Ц., Кошелева Е.Ю. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1701-1703.

Хлебда В. О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре // Przegląd Rusycystyczny. Katowice, 2008. № 4 (124). S. 90-104.

Чайковская А. Понятие «ЧЕЛОВЕК» в лексике турецкого языка // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М., 1999. С. 33-35.

Щербачук Л.Ф., Стамова Т.В. Фразеологические средства метафоризации пищевого кода русской культуры // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность: VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сборник научных статей. Симферополь: Ариал, 2018. С. 312-321.

Arora Sh. The Perception of Proverbiality // W. Mieder. Ed., Wise Words: Essays on the Proverb. New-York, Garland, 1994. P. 3-29.

Barsalou L.W. Frames, Concepts and conceptual fields // Frames, Fields and contrasts: Hillsdale: Lawrence Erlbaum associates publishers, 1992. P. 21-73.

Bascom W.R. Four functions of folklore // Study of Folklore / ed. by A. Dundes, Englewood Cliffs. NJ: Prentice-Hall, 1965. P. 279-298.

Bergmann H. "'Eulen nach Athen' und 'Kohlen nach Newcastle' – Geografische Eigennamen und Phraseologismen." Tribüne. Zeitschrift für Sprache und Schreibung, novolumegiven. 2007. № 4. S. 21-22.

Bréchon P. Les valeurs des Français. Evolution de 1980 à 2000. P.: Armand Colin, 2000.

Čermák F. Onomaziologické systémy u propozic a proverbií // Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003. S. 47-54.

Čermák F. Proverbs: Their Lexical and Semantic Features // Proverbium in cooperation with the Institute of the Czech National Corpus (Supplement Series, Vol. 37) / ed. W. Mieder. The University of Vermont. Burlington, Vermont 2014. 234 p.

Cram D. The Linguistic Status of the Proverb // W. Mieder. Ed., Wise Words: Essays on the Proverb. New-York, Garland, 1994. P. 73-98.

Doyle C.C. Doing Proverbs and Other Kinds of Folklore [Philological and Historical Studies] / Wolfgang Mieder. Burlington, Vermont: Proverbium in cooperation with the Department of German and Russian, The University of Vermont, 2012. 346 p.

Dundes A. Folklore Matters. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1989. 172 p.

Dundes A. The meaning of folklore: the analytical essays of Alan Dundes / edited and introduced by Simon J. Bronner.Logan: Utah State University Press, 2007. 443 p.

Dundes A., Stibbe C.A. The Art of Mixing Metaphors: A Folkloristic Interpretation of the Netherlandish Proverbs by Pieter Bruegel the Elder // FF Communications. / Edit. For the Folklore Fellows by A. Dundes, Lauri Honko, Matti Kuusi etc. № 230. Helsinki, 1981. S. 5-71.

Ďurčo P. Paremiologické optimum slovenčiny // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków / red. W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. S. 171-177.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 c.

Földes C. "Onymische Phraseologismen als Objekt des Sprachvergleichs." Europhras 88. PhraséologieContrastive. Actes du Colloque International Klingenthal-Strasbourg, 12-16 mai 1988 / Ed. Gertrud Gréciano. Strasbourg: Université des Sciences Humaines, 1989. P. 127-140.

Gallard O., Roudet B. Une jeunesse différente? Les valeurs des jeunes Français depuis 30 ans. P.: La documentation Française, 2014.

Garai Koldo J. A Cognitive Rhetorical Approach to Basque Proverbs: Analogical Mappings in Coordination // ASJU, XXXV-2, 2001. P. 573-652.

Hakamies P. On the Proverbiality of Finnish Proverbs // Scala naturae. Festschrift in Honour of Arvo Krikmann for his 75th Birthday. Tartu: Estonian Literary Museum Scholarly Press, 2014. P. 57-70

Ivanov E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague: RSS, 2002. 136 p.

Jadacki J. Bywają ludzie, którzy bywają dobrzy i bywają źli // Anna Brozek, Jacek Jadacki, Marian Przełecki, W poszukiwaniu najwyższych wartości Rozmowy międzypokoleniowe, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe „Semper". 2011. S. 97-101.

Kanyó Z. Sprichwörter – Analyse einer einfachen Form. Ein Beitrag zur generativen Poetik. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1981. 309 s.

Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961.

Kołakowski L. Czy Pan Czy Pan Bóg jest szczęśliwy i inne pytania. Kraków: SpołecznyvInstytut Wydawniczy „Znak", 2009. 306 s.

Krikmann A. Some additional aspects of semantic indefiniteness of proverbs. Preprint KKI-2. Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian SSR, 1974. P. 4-5.

Krzeszowski T. Angels and Devils in Hell. Elements of Axiology in Semantics. Warszawa: Energeia, 1997. 298 p.

Kucała M. Prysłowia i ich nazwy w polskich tekstach średniowiecznych // Prace filologiczne. 1974. T. 25. S. 419-426.

Larina T., Ozyumenko V., Kurteš S. I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives // Lodz Papers in Pragmatics. 2017.13 (1). S. 109-128.

Litovkina A. Tóthné. Perception of proverbs and familiarity with them. Figurativeness as one of the most powerful markers of proverbiality // Irmengard Rauch and Gerald F. Carr (eds.). Semiotics around the World: Synthesis in Diversity. Proceedings of the Fifth Congress of the International Association for Semiotic Studies, Berkeley 1994. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 215-218.

Mieder W. Behold the Proverbs of a People: Proverbial Wisdom in Culture, Literature, and Politics. University Press of Mississippi, 2014. 489 p.

Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport: Greenwood Press, CT. 2004. 305 p.

Mieder W. Proverbs are never out of season. Popular wisdom in the modern ages. N. Y.: Oxford University Press, 1993. 284 s.

Mieder W. 'Eulen nach Athen tragen', 'To Carry Coals to Newcastle' // Proverbium. 1984. № 1. P. 183-185.

Mieder W. "Neues von Sisyphus": Sprichwörtliche Mythen der Antike in moderner Literatur, Medien und Karikaturen. Wien: Praesens Verlag, 2013. 396 s.

Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2010. 759 p.

Mlacek J. Cez poznávanie k používaniu biblických frazém v súčasnej komunikácii // Die slawische Phraseologie und die Bibel: Kollektivmonographie. Red.: H. Walter, Valerij M. Mokienko, Dana Baláková. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. Greifswald, 2013. S. 138-144.

Norrick N. R. How Proverbs Mean? Semantic Studies in English Proverbs. Berlin, New-York, Amsterdam: Mouton, 1985. 228 p.

Nussel F. Toponyms in a Corpus of the Proverbs of Spain // Proverbium. 2004. № 21. P. 273-86.

Permiakov G.L. On the Question of a Russian Paremiological Minimum // Proverbium. 1989. № 6. P. 91–102.

Piirainen E. Bier mit ins Hofbräuhaus nehmen oder Sand in die Sahara tragen? Nochmals zum Idiomtyp 'Eulen nach Athen tragen' // Proverbium. 2002. № 19. P. 349-359.

Predota S. Polnische Entsprechungen der Redensart 'Eulen nach Athen tragen'// Proverbium. 1986. № 3. P. 233-241.

Puzynina J. Język wartości. Warszawa: Wydawn. nauk. PWN, 1992. 264 s.

Puzynina J. Kłopoty z nazwami wartosci (i wartosciami) // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. Lublin, 2014. Tom 26. S. 7-20.

Sitarski A. Карнавальная концепция мира и человека в аксиологическом аспекте (на материале избранных русских и польских фразеологических единиц) // Acta Polono-Ruthenica. 2009. Вып. 14. С. 497-503.

Sokolová J. Tri aspekty verbálneho textu. Nitra: UKF, 2012. 144 с.

Taylor A. The Study of Proverbs // Proverbium. 1965. № 1. P. 1-10.

Trench R. Ch. Proverbs and Their Lessons / edited by Wolfgang Mieder. Burlington, Vermont: Proverbium in cooperation with the Department of German and Russian, The University of Vermont, 2009. 179 p.

Yankah K. Do Proverbs Contradict? // Folklore Forum. 1984. 17. P. 2-19. (Reprinted in W. Mieder. Ed., Wise Words: Essays on the Proverb. New-York: Garland, 1994. P. 127-142.

Zaikauskienė D. Lietuvių paremijos XX-XXI a. sandūroje: tradicija ir inovacija: daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2012. 262 pls.

Словари и словарные материалы

Адамчик М.В. Антипословицы и афоризмы. Веселая и умная книга. Минск: Харвест, 2012. 158 с.

Атрошенко О.В., Кривощапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с. *РНК.*

Башкирское народное творчество: в 9 т. Т. 7: Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа: Китап, 1993. 464 с.

Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / сост Ф.А. Надршина. Уфа, 1980. 470 с. (на башк. языке).

Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4000 единиц / сост. В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с. *БСКСРЯ.*

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое изд. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.

Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В., Степанова Л. Русская фразеология для немцев [электронное издание]. СПб.: Златоуст, 2015. 232 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. Т. 2. 424 с.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. 544 с.

Иванов Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц = Руска-беларускі слоўнік прыказак: 777 пословиц русского языка, свыше 5000 белорусских паремиологических эквивалентов и соответствий: в 2 ч. Могилев: Брама, 2001. Ч. 1: А–М. 144 с.; Ч. 2: Н–Я. 164 с.

Іваноў Я.Я., Раманава Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік = Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2007. 242 с.

Іваноў Я.Я. і інш. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiołogiczny / прад. і ўступ. артыкул Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. 192 с.

Іваноў Я.Я. і інш. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. 240 с.

Іваноў Я.Я. і інш. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1: З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. 136 с.

Іваноў Я.Я. і інш. Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2: З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. 208 с.

Іваноў Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011. 164 с.

Калонтаров Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе: Ирфон, 1965. 534 с.

Кор-Оглы Х.Г. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. На перс. и рус. яз. / сост., пер., введ. Х. Короглы. Изд. 2-е, дополн. М.: Наука, 1973. 615 с.

Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П.А. Дмитриева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002. 511 с.

Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Слоўник беларускіх прыказак: Даведнік. Мн.: БелЭн, 1996. 352 с.

Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.

Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. 208 с.

Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева, 2002. 352 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 416 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с. *БСРП.*

Пермяков Г.Л. Паремиологический эксперимент: материалы для русского паремиологического минимума: 1500 русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространённых в живой разговорной речи. М.: Наука, 1971. 48 с.

Порхомовский М.В. Турецкие пословицы в языке и речи. М.: Языки славянской культуры, 2014. 176 с.

Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / склад. М. Я. Грынблат. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Кн. 1. 559 с.; Кн. 2. 616 с.

Словарь русских пословиц: около 1000 единиц / под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ, 2007. 384 с.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 17. М.: Наука, 1991. – 296 с.

Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII-XIX столѣтій / собралъ и приготовилъ къ печати П. К. Симони. СПб., 1899. Вып. 1 (I-II). 268, XIII с.

Тимошенко И.Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев: Тип. П. Барского, 1897. 198 с.

Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1979.

Храмцова О.А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. СПб.: КАРО, 2011. 240 с.

Шкраба І., Шкраба Р. Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. 286 с.

Adalberg, S. Księnga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa: Druk E. Skiwskiego, 1889-1894. XVIII, 31 [32]. 805 s.

Aksoy Ö.A. Atasözleri ve deyimleri sözlüğü. İstanbul, 1988. 486 s.

Apperson G.L. English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary / G. L. Apperson. London: J.M. Dent and Sons Publ., 1969. 721 p.

Arthaber A. Dizionario comparato die proverbi e modi proverbiali: italiani, latini, francesi, spagnoli, tedeschi, inglesi e greci antichi con relativi indici sistematico-alphabetici. Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989. 881 p.

Atasözleri ve deyimleri sözlüğü. İzmir, 2014. 282 s.

Develi H. Ocmanlı Türkçesi Kılavuzu. İstanbul, 2014. 452 s.

Ertem R. Üniversitelerde Türk dili ve kompozisyon. İstanbul, 2012. 456 s.

Kokare E. Latviešu un vācu sakāmvārdu paralēles. Rīga: Zinātne, 1988. 309 lpp.

Latviešu sakāmvārdi un parunas / Savākuši un apkopojuši P. un M. Birkerti. 2 izd. Rīgā: Zinātne, 1997. 174 lpp.

Latviešu sakāmvārdi un parunas / sak. M. Milzere. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998. 144 lpp.

Mała księga przysłów polskich / pod red. S. Nyczaja. Radom: Oficyna Wydawnicza STON I, 1996. 273 s.

Manser M. H. The Facts On File Dictionary of Proverbs. 2nd ed. M.H. Manser. New York: Infobase Publishing, 2007. 512 p.

Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich: t. I-IV / red. J. Krzyżanowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969-1978. T. 1: A J. 1969. 881 s.; T. 2: K – P. 1970. 1165 s.; T. 3: R Ż. 1972. 996 s.; T. 4: Wstęp. Bibliografia. Słownik wyrazów staropolskich, gwarowych i obcych. Indeks haseł pomocniczych. 1978. 627 s.

Pelūde I. Gudrība ir dzīves pamats: sakāmvārdi un parunas / sakārt. Inese Pelūde. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007. 641 p.

Ridout R. English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. London: Pan Books LTD, 1969. 223 p.

Rother K. Die schlesischen Sprichwörter und Redensarten. Vereinigte Verlage: Bläschke Verlag – Brentano Verlag. Darmstadt, 1927.

Rysiński Salomon. Proverbiorum polonicorum centuriae decem et octo. Lubcz: Piotr Blastus Kmita, 1618. VIII. 84 s.

Seidl H. A. Sprichwörtliches über Altbayern: 444 Ortsporträts aus Oberbayern, Niederbayern und der Oberpfalz (Bayerische Geschichte). Regensburg: Pustet, 2013. 256 S.

Stypuła R. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 560 s.

Świerczyńscy D. i A. Słownik przysłów *w* ośmiu językach= *Dictionary of proverbs in eight languages /* Dobrosława *i* Andrzej Świerczyńscy. – Warszawa: Wydaw. nauk. PWN, 2001. 436 s.

The Oxford Dictionary of Proverbs / Ed. by J. Speake. Previously co-edited with J. Simpson. Fifth Edition. Oxford University Press, 2008.

Türkmen F. Yabancılar için Türkçe. İzmir, 2009. 289 s.

Walter H., Mokienko V., Komarowska E., Kusal K. Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald-Szczecin, 2014. 433 S.

Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon, Bd.1-5 . Leipzig, F.A. Brockhaus, 1867-1880.

Williams F.C. 'Eulen nach Athen tragen' – Versions from Ireland // Proverbium. 1986. № 3. P. 253-256.

The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Ed. G. L. Apperson. Wordsworth Editions Limited. 1993 and 2006.

Zusne L. Latvian-English Dictionary. Vol. 1. Front Cover. Leonard Zusne. Xlibris Corporation, 2008. 792 p.

温端政中国谚语大辞典上海上海辞书出版社 2011年 1398 页。(Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхай ЦышуЧубаньшэ, 2011. 1398 с.)

Электронные ресурсы

Цицерон. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1345960144 (дата обращения: 15.12.19).

Coinshome. URL: https://www.coinshome.net/ru/articles/coin_tetradrachm (accessed on January 03. 2020)

LaFontaine. URL: http://www.bacfrancais.com/bac_francais/la-fontaine-juge-arbitre-hospitalier-solitaire.php. (accessed on January 28. 2019).

Folklora. Latviešu sakāmvārdu datorfonds. URL: http://valoda.ailab.lv/folklora/sakamvardi/ (accessed on January 25. 2019)

Patarles. Patarles.lt. URL: http://www.patarles.lt (accessed on January 25. 2019.)

Patarles.dainutekstai.lt. URL: Patarles.dainutekstai.lt (accessed on January 25. 2019).

Qqcitations. URL: https://qqcitations.com/citation/168383 (accessed on February 15. 2019).

Special-dictionary.com. URL: http://www.special-dictionary.com/proverbs/keywords/the_streets_of_london_are_paved_with_gold/ (accessed on January 27. 2019).

Vsebasni.ru. URL: https://vsebasni.ru/lafonten/treteiskiy-sudya-brat-miloserdiya-i-pustynnik.html (accessed on February 15. 2019).

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/

北大语料库 (Лингвистический корпус Пекинского университета). URL: http://ccl.pku.edu.cn

中国知网 (Чжишиван). URL: https://www.cnki.net

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов 3

Глава 1. Пословица в современной лингвистике: теоретическое осмысление 4
1.1. Фразеологизм, пословица, поговорка: соотношение понятий 4
1.2. Формирование метаязыка современной паремиологии 14
1.3. Определение пословицы, её статус 18
1.4. Признаки пословиц 24
1.5. Паремиологическая картина мира и способы её реконструкции 34
1.6. Отражение антропоморфизма в русских паремиях 44
1.7. Переходные случаи в паремиологии: крылатое выражение ↔ пословица 48
1.8. Дифференциация объёма пословичного фонда языка 52
Выводы 60

Глава 2. Паремии в лингвоаксиологическом аспекте 64
2.1. Ценность как категория аксиологии и лингвистики 64
2.2. Ценности в паремиологии: критерии выделения, амбивалентность понятия, место в паремиологической картине мира 70
2.3. Ценностная параметризация паремий в свете когнитивно-прагматического подхода 78
2.3.1. Дидактическая функция и ценностная семантика паремий 78
2.3.2. Аксиологический компонент паремического значения в свете задач когнитивно-дискурсивного моделирования семантики 81
2.3.3. Аксиолингвистические параметры паремий в фокусе задач моделирования языковой картины мира 87
2.3.4. Лингвокультурологический статус ценности в аспекте паремической репрезентации 95
2.3.5. Стратификация паремических ценностей в аспекте их лингвокогнитивной сущности 98
2.3.6. Ценностная концептуализация образа дискурсивного события как когнитивный механизм семиозиса паремий 103

2.4. Этнокультурные константы в паремиологии: сравнительно-сопоставительное исследование 106
2.4.1. Отражение ценностей в русских пословицах 107
2.4.2. Отражение ценностей во французских пословицах 113
2.4.3. Отражение ценностей в английских пословицах 118
2.4.4. Сопоставительная характеристика пословичного фонда русского, французского и английского языков с точки зрения отражения в нём основных этнокультурных ценностных ориентиров 126
2.4.5. Представление ценностей в пословицах острова Мартиника 129
2.5. Ценностные константы русских паремий: становление и эволюция 137
Выводы 145

Глава 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ 149
3.1. Особенности национального миропонимания в паремиологии: сравнительно-сопоставительное исследование (на материале русского, башкирского и турецкого языков) 149
3.2. Роль культурно маркированных единиц в паремии 163
3.2.1. Русские пословицы с компонентом-названием насекомого на фоне китайского языка: лингвокультурологический подход 163
3.2.2. Топоним в пословицах (на материале русских, белорусских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских, персидских и таджикских паремий) 189
Выводы 210

Научное издание

Антонова Елена Николаевна,
Бредис Михаил Алексеевич,
Владимирова Татьяна Евгеньевна и др.

ПАРЕМИОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Е.В. Попова*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикиной*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремовой*

Тематический план изданий
учебной и научной литературы 2019 г., № 50

В оформлении обложки использована титульная страница издания: Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. — СПб.-М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1912—1914. — СПб.-М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1912-1914. Т. 1, а также страница с Напутным словом издания: Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля. М.: Издание Общ-ва любителей российской словесности, 1863—1866. Ч. 1.

Подписано в печать 10.03.2020 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,18. Тираж 500 экз. Заказ 2266

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41